

ПАМЯТНИКЪ

ИЛИ
ПЯТЬ КНИГ
ЖИТЕЙСКОЙ
МУДРОСТИ

ПАНЧАТАНТРА

или
ПЯТЬ КНИГ
ЖИТЕЙСКОЙ
МУДРОСТИ

113

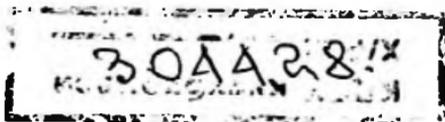

Перевод с санскрита
И. СЕРЕБРЯКОВА

МОСКВА
"ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА"

1989

1

84.5ИД
П16

Предисловие и комментарии
И. СЕРЕБРЯКОВА

Стихи в переводе
АЛЕВА ИБРАГИМОВА

Оформление художника
Е. СОКОЛОВА

П $\frac{4703020100-163}{028(01)-89}$ 161-89
ISBN 5-280-00691-2

© Перевод, предисловие,
комментарии, оформле-
ние. Издательство «Ху-
дожественная литерату-
ра», 1989 г.

«ПАНЧАТАНТРА» – ИНДИЙСКАЯ НАРОДНАЯ КНИГА

В безбрежном океане литературы народов Индии, насчитывающей более четырех тысяч лет существования и творимой на многих языках, таятся поистине неоценимые сокровища. Среди этих сокровищ и книга, возникшая на основе фольклорных новелл, повестей, притч и получившая впоследствии название «Панчатантра». Она стала не только одним из самых популярных произведений мировой литературы, но и повлияла на развитие повествовательных жанров в литературах народов Европы и Азии.

Как сложилась эта книга, в которой чудесная сила слова воплощена с такой яркостью? Несмотря на более чем двухвековые усилия, приложенные к литературоведческому исследованию «Панчатантры», история ее возникновения все еще остается недостаточно проясненной.

На протяжении первого тысячелетия н. э. ни в одном из индийских литературных памятников не встречается упоминания о «Панчатантре», хотя и попадаются изредка извлечения из тех рассказов, которые входят ныне в ее состав.

Только в конце первого тысячелетия появляется название «Панчакхьяна» или «Панчакхьянака», то есть «Пять повествований», или «Тантракхьяника», то есть «Связка (сплетение) рассказов», в 1199 г. джайнский монах Пурнабхадра придал этой книге ее ны-

нешний вид и назвал «Панчатантрой». Его вариант до сих пор считается наиболее совершенным с художественной точки зрения и наиболее полноценным по содержанию.

Между тем почти в таком же варианте книга стала известна за пределами Индии еще в 570 г., когда по повелению персидского царя Хосрова ее перевели на пехлевийский язык. До нашего времени этот перевод, к сожалению, не сохранился. Зато уцелел перевод с пехлеви на арабский язык, выполненный в 750 г. Ибн аль-Мукаффей. Этот-то арабский перевод, известный под названием «Калила и Димна», а также «Басни Бидпая (или Пильпая)», и дал начало более чем двумстам переводам и переложениям знаменитой народной книги.

В самой же Индии сведений о том, как создавалась «Панчатантра», что именно послужило ее источником, ничтожно мало.

«Книга о льве и быке», или тантра «Утрата дружбы», которой открываются все известные версии «Панчатантры», находит свой аналог, а возможно, и начало в триста девятой джатаке (джатаки — жанр древнейшей буддийской литературы, появившийся в III в.). Рассказанная там притча, составляющая сюжет первой тантры, заключается стихами:

Не из-за чего было им спорить,
Ни жен, ни пищу они не делили.
Вот смотри — слово клеветника,
Острое, как всякий обоюдоострый меч,
Хитроумно употребленное,
Разделило старых друзей.
Так погиб бык и лев погиб,
Став добычей подлейшей из тварей.
Так должно быть со всеми друзьями,
Как и с этими несчастными,
Если они откроют доверчиво ухо
Подлому шепоту клеветника...

Джатака предостерегает простодушных — их доверчивость может быть употреблена во зло. В «Панчатантре» же (особенно в версии рационалиста Пурнабхадры) это предостережение разворачивается в истинный призыв к Разуму.

Совершенно очевидно, что структура «Панчатантры» складывалась на протяжении длительного времени, хотя уже по крайней мере к середине шестого века она оформилась в ту композицию, в виде которой предстает перед современным читателем. Книга разделена на пять частей, или тантр: «Утрата дружбы», «Обретение друзей», «Сказание о войне ворон и сов», «Гибель достигнутого», «Опрометчивые деяния». Каждая из тантр составляет вполне самостоятельную повесть, и лишь для того, чтобы придать самой книге некоторую цельность, на каком-то этапе появилась рамка — начальное слово о глупых сыновьях царя Амарашакти, отданных в обучение мудрецу-брахману Вишнушарману.

Содержалось ли «Начальное слово» о царе Амарашакти и его сыновьях в более ранних вариантах, чем вариант Пурнабхадры, — сказать трудно — во всяком случае, ни персидский, ни арабский переводы не содержат этого вступления. Но именно в «Начальном слове» автором пяти тантр, составляющих книгу, назван мудрец Вишнушарман. Правда, текст «Начального слова» весьма краток, сводится к простой констатации факта и перечислению написанных Вишнушарманом тантр, которые и излагаются далее в виде прозы, перемежаемой стихами, заимствованными из разнообразных источников.

Тантры учат, как управлять государством, наставляют в делах житейских, славят здравый смысл и смекалку, осуждают жадность, своекорыстие, порок. Для того чтобы высказывать правду со всей откровенностью, обличая зло, используются образы

животных. В обличье львов и шакалов, мышей, черепах, обезьян, голубей, ворон и сов предстают правители и их советники, глупцы и мудрецы, богачи и бедняки, праведники и грешники. В книге нашла отражение вся совокупность политических, социальных и морально-этических проблем Древней Индии.

Особую ценность представляет собой изображение реальных черт жизни Древней Индии, ее быта, обычаев и традиций.

За подтверждениями и аргументами в пользу своего мнения безымянный автор или — есть все основания предположить — авторы «Панчатантры» обращались к материалам всей предшествующей литературы, в том числе правовым и научным сочинениям. Ими использованы стихотворные своды права «Манусмрити» (II в. до н. э. — II в. н. э.), «Камандакианитисара» (V в.), «Яджнявалкья» (V—VI вв.), сочинение знаменитого астронома Варахамихиры (ум. 587), произведения классиков древнеиндийской поэзии — Калидасы (V в.), Бхатрихари (VII в.), Бхавабхути (VIII в.) и др. Авторы щедро ссылались на такие канонические памятники, как пураны, «Махабхарата», «Рамаяна», интерпретируя все это духовное богатство Индии, в соответствии с характером самой «Панчатантры», весьма критично. Поскольку современный текст «Панчатантры» насчитывает более 1100 стихотворных вставок в разных метрах древнеиндийской поэзии, то некоторые исследователи рассматривают эту книгу и как поэтическую антологию.

Разнообразие поэтов, представленных в этой небольшой антологии, определяет и разнообразие, а нередко и диалектическую противоречивость стихов. Житейская мудрость в устах различных персонажей «Панчатантры» оборачивается то мудростью ис-

тинной, то коварством доводов, прикрывающих низменные намерения. Особенно наглядно это, пожалуй, проявляется в «Сказании о войне ворон и сов», где советники-вороны высказывают царю Мегхаварне свои соображения по поводу предстоящей войны с совами.

Владыка стремится покончить
с войною, с враждой обоюдной,
Когда не уверен в победе,
хвататься за меч безрассудно, —

благоразумно говорит один. Другой предлагает начать поход:

Где надо прибегнуть к сраженью —
не след замиряться... Водницей
Не прыскают, до пропотенья,
на тех, кто горит в огневице.

Третий стоит за заключение союзов:

Бывает порой недоступен
бамбук среди бамбуковой рощи.
А слабый всемогущ в союзе
с владыками, полными мощи.

Верх, однако, одерживает точка зрения старейшего ворона Стхирадживина, считающего, что все средства хороши для достижения своей цели, и предлагающего прибегнуть к коварной хитрости для погубления врагов:

Перед богами и гуру
искренность только уместна.
Прочих обманывать, если
надобность есть, не бесчестно.

Но есть в «Панчатантре» и строки, призывающие к миру, против войны, как таковой:

«Война — наихудший из видов
политики», — рек Самосуший.
Лишь в крайности к ней прибегают,
погибель и горе несущей.

Ни солнце, ни месяц, ни пламя
не светят в кромешной ночи,
Врагом насылаемой, — мира
ее провозмогут лучи.

В небольшом предисловии нет, вероятно, надобности анализировать все богатство народной мудрости, сконцентрированной в стихах и прозе. Читатель может судить об этом сам.

Написана «Панчатантра» на санскрите, являвшемся в древней и средневековой Индии языком культа, административно-правовых институтов, высокой литературы, но фольклор, как таковой, на нем не создавался — это было уделом народных языков, существовавших до него и наряду с ним. Зато санскрит оказался средством фиксации фольклора, образцы которого включались в литературные произведения. И в замечательной народной книге, посвященной восхвалению Разума, читатель встречается со многими народными сказаниями и фольклорными новеллами, переложенными на санскрит. Таким образом, «Панчатантра», будучи написанной на санскрите, не утратила своей народности, хотя и приобрела некоторый налет книжности.

Возвратясь к вопросу об авторстве «Панчатантры» и дате ее создания, следует сказать, что речь может идти не об определенных выводах, а лишь о предположениях.

В одном из вступлений к арабскому переводу повествуется о том, что когда Александр Македонский завершил свой индийский поход и покинул завоеванную страну, он оставил наместника. Однако народ свергнул этого чужеземца и провозгласил ца-

рем некоего Дабшалима, который, «с усилением своего могущества, стал небрежен с подданными, презирая их и дурно обращаясь с ними». Философ Бейдеба, раздумывая о том, как вернуть государя на путь истинный, приходит к выводу, что «сделать это можно только с помощью слова».

Попытка увещевать Дабшалима кончается тем, что Бейдеба оказывается в темнице. Государь, однако, вскоре раскаивается и поручает ему написать книгу, которая «учила бы, как править народом и воспитывать его», и Бейдеба начинает диктовать наставления одному из своих учеников. «Так получилась книга искусная и соразмерная... где разговаривают меж собой домашний скот, дикие звери и птицы. И была она с виду — для простого люда — развлечением, а по сути своей — назиданием для избранных». Царь удовлетворен, но Бейдеба просит его особо беречь эту книгу, ибо, говорит он, «боюсь я, что уйдет она из страны индийской, захватят ее люди персидские». В этом его опасении отразился тот исторический факт, что соседи Индии — и иранцы, и арабы, и тюрки — не раз оседали в долине Инда, непосредственно входя не только в политические и экономические, но и в культурные контакты, что вызвало к жизни, например, многочисленные переводы с санскрита на среднеперсидский, а с него и на арабский язык.

Пока со времен Ибн аль-Мукаффы индийская народная книга прокладывала себе путь на запад, в самой Индии, до обработки ее Пурнабхадрой, она пережила немало перипетий. Два кашмирских поэта одиннадцатого века, — Кшемендра и Сомадева, перелажая на санскрит древнее повествовательное сочинение «Великий сказ», включили, каждый в свою версию, истории, рассказы и притчи из «Панчатантры». Однако если Кшемендра, предшественник Сомадевы,

включил в свой стихотворный текст сюжеты из народной книги цельным блоком, то Сомалева расчленил их на отдельные повести, заканчивая каждую серией анекдотов о глупцах. Происхождение этих анекдотов до сих пор неизвестно.

В том же одиннадцатом веке «Панчатантра» продолжала свое странствие по миру: «Калила и Димна» переводится на сирийский язык, затем на греческий, с него на итальянский, в двенадцатом веке с арабского на еврейский и на персидский, с него в тринадцатом веке на латинский и т. д.

Перевод грека Симеона Сетха под названием «Стефанит и Ихнилат» послужил основой для перевода на другие языки, в частности, на славянские. Естественно, что все эти переводы, приспособивая оригинальный текст к вкусам и нуждам того или иного народа, оказывали значительное влияние на развитие национальной новеллистики. Так «Панчатантра» становилась достоянием мировой литературы.

Не следует, разумеется, думать, что «Панчатантра» пролагала себе путь только на запад, она продвигалась также на восток и на север — известны монгольские и тибетские версии, малайская, лаотянская, сиамская и др. С ростом значения национальных языков в самой Индии, начиная с пятнадцатого века, появляются переработки на синдхи, телугу, каннада, гуджарати, тамильском и других языках. Отметим еще, что многие сюжеты «Панчатантры» нашли художественное воплощение в архитектурных памятниках Индии и сопредельных стран.

Судьба «Панчатантры» — редкостный пример взаимообмена культурными, духовными ценностями между народами самых разнообразных регионов. Есть немало исследований о дальнейшей судьбе этого памятника в Европе. Можно сослаться, к приме-

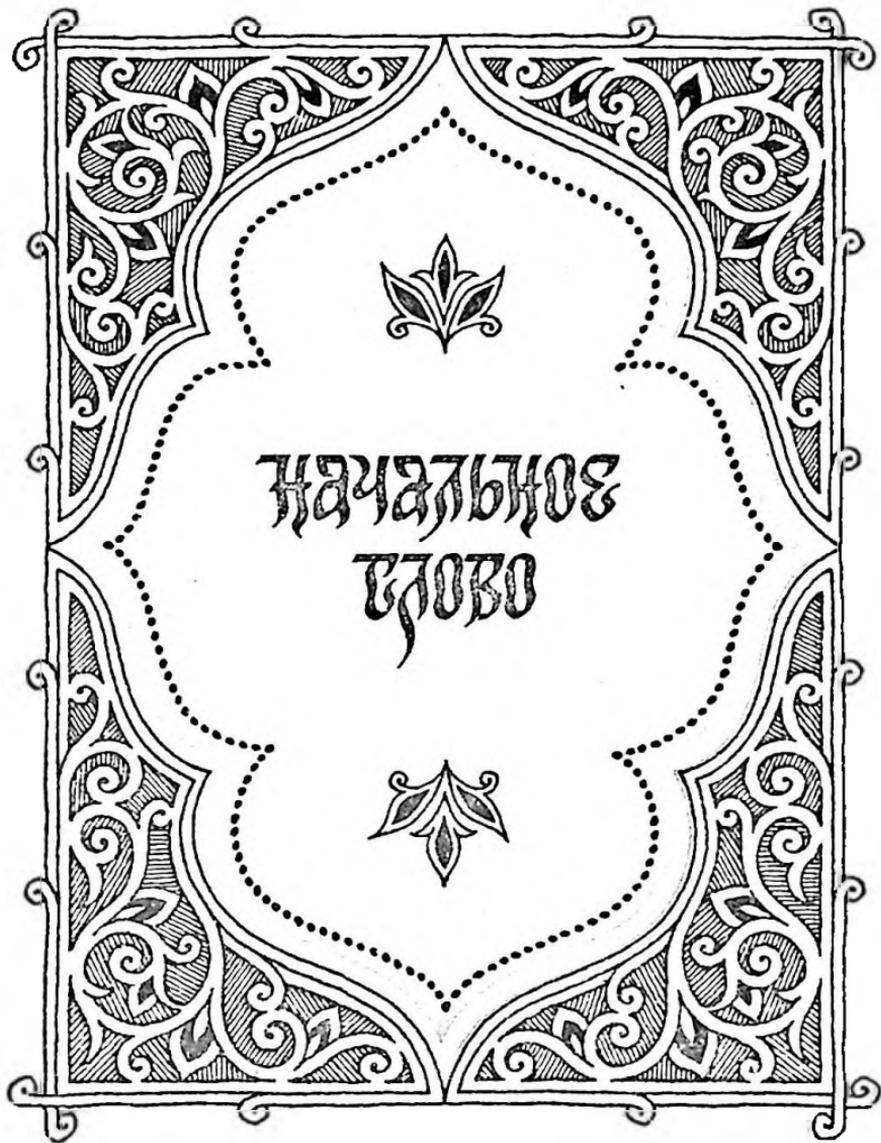
дцать две истории царского трона» (XIV в.), «Тридцать две новеллы о монахах» (XIV в.). Все эти книги были переведены — полностью или частично — на арабский, персидский, турецкий, китайский, монгольский, малайский и многие другие языки. Зачастую это даже не переводы, а оригинальные творческие переработки, как, например, «Игра веталы с человеком», — тибетская версия «Двадцати пяти рассказов веталы», или «Жемчужины бесед» — персидская версия «Семидесяти рассказов попугая».

«Без художественного творчества низов были бы немислимы не только Уленшпигель (Эйленшпигель) в романе Шарля де Костера, но и Санчо Панса Сервантеса или Симплиссимус Гриммельсгаузена», — пишет советский литературовед В. Г. Базанов. — Народная книга «имеет свою историю, она широко использует фольклорное наследие, часто обряжается в фольклорную поэтику и сама выступает на правах народного предания или легенды».

Неоспоримо, что народная книга индийцев — «Панчатантра» — одно из древнейших и замечательнейших произведений мировой литературы.

Книга эта — вечна!

И. Серебряков

НАЧАЛЬНОЕ
УЧЕБНОЕ

Ом! Слава божественным наставникам Ша-
раде и Ганапати, слава великим сочинителям
стихов.

Мáну, Вачáспати — слава!
Также и Вя́се с Парáшарой — слава!
Слава Чанáкье, в чьей книге
Мудрость являет свой лик величаво!

В сущность священных творений
Вникнув, нам, смертным, на радость
и счастье
Создал мудрец Вишнушарман
Это прекраснейшее Пятичастье.

Вот что дошло до слуха нашего со стародав-
них времен:

Есть в южных краях город Махиларопья.
В ту далекую пору, о коей пойдет речь, правил
там царь Амарашакти, тончайший знаток всех
наук и искусств. С щедростью райского древа
утолял он все желания сонма просящих. Его
стопы озарялись сверканием дорогих камней,
вправленных в короны прославленных владык,
склонявшихся пред ним до земли. Однако, к ве-

ликому прискорбию, все трое его сыновей — Васаушакти, Уграшакти и Анекашакти — не отличались ни природной остротой ума, ни тяготением к знаниям. И вот однажды, созвав всех советников, Амарашакти обратился к ним с такой речью:

— О досточтимые! Все вы хорошо знаете, что мои сыновья не одарены ни острым умом, ни стремлением к знаниям. Это лишает меня всякой радости от обладания столь великим царством. Истинно речено:

Лучше уж мертворожденный,
лучше совсем не рожденный
Сын, чем глупец и тупица
либо в уме поврежденный.

Пусть лучше погибнет
по воле всевластного рока
Наследник престола,
умом обделенный, до срока.
Пусть лучше утратит
жена на зачатье надежду,
Чем выродит сына
такого — невежу, невежду!

От яловки много ли прока?
Нет ни молока, ни приплода.
Что проку от сына-невежды?
Посмешище он для народа.

Если ведомо вам какое-нибудь средство, могущее способствовать развитию их умов, примените его. Милостью моей кормятся пятьсот пандитов. Покажите же, на что вы способны, исполните мою царскую волю.

— О государь! — молвил первый главный советник. — На изучение одной лишь грамматики требуется двенадцать лет. После этого можно приняться за изучение дхармашастр Чанакьи и других мудрецов, а также камашастр, сочиненных Ватсьяяной и прочими. Лишь только постигнув все дхармашастры, артхашастры и камашастры, можно надеяться на пробуждение их умов.

— Конечно, знание сих сочинений в самом деле необходимо для преуспевания в жизни, — взял слово второй советник Сумати. — Но этой цели можно достичь и другим, не столь длительным путем. Не случайно говорится:

Неисчерпаемы знания.
Непродолжительна жизнь человека.
Пусть нам послужит примером
Гусь, из воды извлекающий млеко.

Есть среди нас брахман Вишнушарман, несравненный знаток всех наук, неисчерпаемый кладезь для всех жаждущих знаний. Ему-то и следует, о государь, доверить обучение твоих сыновей.

Царь тут же призвал Вишнушармана.

— Достопочтенный! — молвил он с подобающим уважением. — Окажи милость, обучи моих сыновей основам житейской мудрости — и да превзойдут они всех других. Я же вознагражу тебя ста щедрыми дарами.

— Выслушай меня, о богоравный, — ответил Вишнушарман. — Напрасны твои посулы: знаниями я не торгую. Скажу лишь одно: если твои сыновья за шесть месяцев не усвоят

КДПИ кутубхонаси

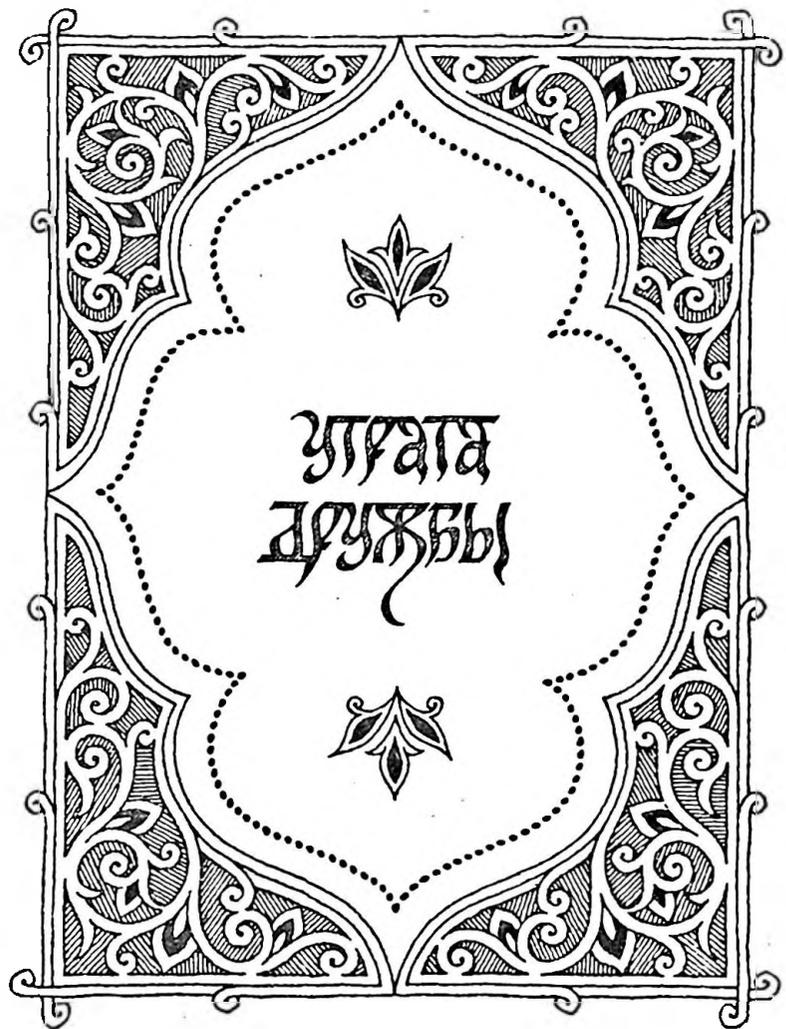
Х/Р № _____

основ житейской мудрости, я отрекись и от своей славы, и от своего доброго имени.

Царь и его советники были поражены этой необычной клятвой. Тут же царь с величайшим облегчением почтительно передал сыновей на попечение наставника. Для обучения юношей Вишнушарман сочинил книгу из пяти частей: «Утрата дружбы», «Обретение друзей», «Сказание о войне ворон и сов», «Гибель достигнутого» и «Опрометчивые деяния» — и засадил царевичей за ее изучение. За шесть месяцев учебы они, как клятвенно обещал брахман, усвоили основы житейской мудрости. С тех времен для просвещения неразумных и существует на земле книга об основах житейской мудрости. Называется она — «Панчатантра». Что еще можно прибавить к этому? Только один стих:

Пусть смертный все силы приложит,
чтоб следовать мудрым заветам.
И сам Громовержец не сможет
ему воспрепятствовать в этом.

Первая книга «Панчатантры», именуемая «Утрата дружбы», начинается с такого стиха:

Лев подружился с быком,
их дружба росла и росла.
Но разлучил их шакал,
исчадье коварства и зла.

Сказывают, есть в южных краях город Махиларопья. Во времена не столь давние жил в этом городе молодой купец Вардхамана, который разбогател, ревностно служа дхарме. Однажды вечером, когда он возлег на ложе, его осенила такая мысль: «Богатство должно приумножать всеми возможными способами». Верно говорится:

Чего не добьется разумный,
владея казною несметной?
И — недостижимой — сумеет
достигнуть он цели заветной.

У тех, кто богат, и друзья,
у тех, кто богат, и родня.
А вместе с богатством растут
и почести день ото дня.

Уж как восхваляют льстецы
богатого: он, мол, знаток
Ремесел, наук и искусств,
он щедрых даяний исток.

Богатый чужак — богачу
родня, нет родней никого.
А родственник, если бедняк, —
чужак, нет презренней его.

Если прибыли твои
бережно сохранены,
То и дела потекут,
словно река с крутизны.

Громко презренного славят,
грешного чтут как святого, —
Был бы богат он — и дела
нет до всего остального.

Всех дел заправила — богатство:
желанней нет лакомства сущим.
По этой-то, видно, причине
его и зовут всемогущим.

Алчною объятый готов
возлечь на костер погребальный,
Оставив родителей, он
пускается в край чужедальный.

Если ты стар, но с тугим кошельком,
«Юноша!» — все восклицают кругом.
Если ты юн, но бедняк бедняком,
Все называют тебя стариком.

Богатство, как известно, можно наживать шестью способами: просить подаяние, служить царю, возделывать землю, изучать науки, заниматься ростовщичеством или торговлей. Из всех этих занятий более всего почитается торговое дело. Однако, с другой стороны:

Просить подаянье несладко,
непросто служить властелину,
тяжел земледельцев удел.
Нерадостно кланяться гуру,
рискованно ссуживать деньги,
торговля — вот дело из дел!

Немало есть способов торговли, но самый из них предпочтительный — торговать добротными товарами. Все остальные способы накопления богатства следует признать малонадежными. Можно продавать благовония, ссужать деньги под заклад, основывать торговый дом, заводить постоянный круг покупателей, завышать цены, пользоваться неточными весами, а также торговать привозными товарами.

Прибыльней, чем благовонья,
верно, товара и нет:
Можно за малую долю
выручить сотню монет.

Заклад принимая, торговец
тихонько бормочет под нос:
«Ах, если бы помер закладчик,
богам бы я жертву принес!»

Главою торгового дома
назначенному богачу
Мечтается: «Ныне земные
сокровища я захвачу!»

При мысли о скором рожденье
наследника счастлив отец.
Однако счастливей поживу
почуявший алчный купец.

Повыше заламывать цену,
обвешивать даже знакомых —
Обычай киратов, безмерным
стремленьем к наживе влекомых.

И еще:

Купец ожидает прибытка
не только двойного, но даже
Тройного, в далекие земли
товары везя для продажи.

Придя к сей мысли, молодой купец вознамерился отправиться в Матхуру. Закупив необходимые товары, он дождался благоприятного дня и с благословения старших двинулся в дальний путь. Повозка была отменная, тащила ее пара могучих быков, выращенных его слугами. Звали этих быков: Сандживака и Нандака. Когда они добрались до берегов Ямуны, Сандживака увяз в одном из болот. Пытаясь выбраться, он сломал ярмо и вывихнул себе ноги. Видя его бедственное состояние, Вардхамана сильно огорчился и, исполненный сочувствия, решил сделать привал на несколько дней. Другие купцы, его попутчики, однако, всячески его отговаривали:

Однажды, восчувствовав жажду, к Ямуне направился лев Пингалака, в сопровождении целого сонмища зверей. Еще издали слышал он громогласный рев Сандживаки. Страх объял сердце льва и даже отразился на его царственном лице. Лев остановился под баньяном, а все звери выстроились в виде чатурмандалы: в центре — сам повелитель, вокруг — его личная свита. Следующим окружием располагались охранники, гортанными криками предостерегавшие об опасности, за ними, последним окружием, следовали лазутчики — кимвритта. В свите льва состояли два шакала — Каратака и Даманака, сыновья бывших главных советников. Они по всякому случаю советовались друг с другом.

— О достойный Каратака, — заговорил Даманака. — Не могу понять, почему наш повелитель так мрачен и не решается утолить жажду. Еще более странно, что он выстроил все свое сопровождение в виде чатурмандалы, а ведь это боевой порядок. Почему он не двигается дальше?

— Какое нам дело, почтенный, до его поступков и намерений? — промолвил Каратака. — едаром же сказано:

Опасно соваться без всякой
причины в чужие дела.
Несчастье стряслось с обезьяной,
лишь глупая клин извлекла.

— Расскажи об этом подробно, — попросил Даманака, и его приятель поведал такую историю.

РАССКАЗ ПЕРВЫЙ

— Некий молодой купец решил возвести храм в честь своего божества. Этот храм строился в роще, недалеко от города. В полдень плотники и прочие мастеровые отправились в город пообедать. Во время их отсутствия на место стройки нагрянула стая обезьян, шнырявших неподалеку. Обезьяны долго резвились, прыгали по верхушкам деревьев и даже взбирались на храм. Одна из них, самая любопытная, заметила внизу сосновое бревно с длинным продольным распилом. В этот распил был загнан клин. Обезьяна, у которой, как видно, миновал отпущенный ей судьбой срок, спрыгнула на бревно и стала вытаскивать клин. Тут-то ее мошонка угодила в расщелину. Что было дальше, вряд ли нуждается в объяснениях.

Вот почему я и говорю:

— Какое нам дело до его поступков и намерений? Мы ведь питаемся остатками его трапезы. Зачем же нам совать свой нос куда не положено?

— Нет, любезный, нельзя думать лишь о собственном брюхе, — возразил Даманака. — Говорится же:

Разумные служат царю
Не ради мошны, набиваемой туго,
А чтобы врагу досадить,
Спасти от беды неожиданной друга.

И еще:

Кто жить помогает другим,
Тот истинно жив — и любим.

А также:

Потуже наполнить живот —
Других нет у старца забот.

Хоть жизнь кратковечна, а все же
до смертного часа
Познания, отвага, богатство —
ей свет и украса.

Кто ведает это, избегнет
хулы, поношенья.
Ведь мы же не вороны, чтобы
клевать приношенья.

Легко насыщаетсямышь,
ручей наполняется мелкий.
Ничтожество жалкое тот,
кто рад и пустячной безделке.

Кто молодость матери губит,
ничтожный, своими делами,
Поднимет ли доблестных предков
в веках освященное знамя?

Кто умер — рождается вновь
в кругу бесконечном рождений.
Но если прославил свой род —
нет смертного благословенней.

И кроме того:

Благословенна трава,
которая на берегу
 глубокой реки рождена.
Людям, питающим страх
 в речной быстрине утонуть,
 дарует надежду она.

Не много людей, в ком добро,
 благородство
Живут от рожденья, в ком близкое
 сходство
С густою темнеющих туч пеленою,
Спасающей мир от палящего зноя.

Каждая мать почитаема свято:
Может быть, именно эта чревата
Гуру, который дарует в грядущем
Мудрость великую всем нам, живущим.

Те, кто свои дарованья
 тщательно прячут, презренны.
Думают люди: «На что нам
 пламень, в стволе сокровенный?»

— Но ведь мы-то с тобой, что называется,
мелкая сошка, — вставил Каратака. — Нам ли
вмешиваться в царские дела? Недаром ска-
зано:

Кто ходит в чинах невеликих,
 но волю дает пустословью,
К царю обращаясь, — тот будет
 наказан его нелюбовью.

И еще:

Дорого слово лишь к месту,
там, где есть надобность в слове.
Держится прочно окраска
только на чистой основе.

— Неверно ты говоришь, — не согласился
с ним Даманака. —

Бывает возвышен, кто в чине
еще не велик, а великий
Бывает низвергнут, в опале,
когда неугоден владыке.

Вот почему сказано:

Царь приближает любимца,
холя и нежа,
Пусть он незнатен, невежда,
даже невежа.

С этим любимцем цареву
сердце слиянно,
В нем он находит опору,
словно лиана.

• еще:

Постигшие нрав государя
над ним возвышаются слуги,
Хотя и на то не имеют
какой-то особой заслуги.

Для всех, искушенных в науках,
искусствах, ремеслах, — иного
Прибежища нет, чем владыка:
он их процветанья основа.

Чванливцу, который не просит
из рук государевых дара,
Быть нищим до самой кончины —
судьбою назначена кара.

Кто видит в царях лишь спесивость,
жестокость, злодушие одно,
Являет и глупость и леность:
ему преуспеть не дано.

И львов и слонов укрощают,
и змей, источающих яд.
Есть люди, которые силой
ума и царя укротят.

Только служенье царю
ввысь открывает пути.
Кроме высокой горы,
негде сандалу расти.

Доволен тобой государь?
Ему угождаешь умело?
Получишь красавиц, коней
и зонт ослепительно белый.

— Что же ты предлагаешь, почтенный? —
спросил Каратака.

— Наш повелитель Пингалака, равно как
и все его многочисленное окружение, в боль-
шом страхе. Я предлагаю подойти к царю и вы-
яснить причину столь великого страха. А уж по-
том решать, к чему склонять царя: к дружбе,
замирению, войне, походу или отсиживанию
в крепости, а также чего добиваться: двойствен-
ности либо определенности.

— Каким же образом ты хочешь выяснить,

Когда призывает владыка,
«Живи!» — говорят и, ударив
Челом, поспешают безмолвно
исполнить приказ государев.

Тот люб государю, кто честно
раскладывает по сосудам
Дары дорогие, одежды
и все, что лежало под спудом.

Тот люб государю — и щедро
вкусит от его благостыни,
Кто тайных бесед не заводит
на женской двorca половине.

Тот люб государю, кто даже
и в трудное время — приличья
Блюдет с постоянством всегдашним,
достойный любви и отличья.

Тот люб государю, кто строгим
его повеленьям покорен,
Его супротивников губит,
как рубят деревья — под корень.

Тот люб государю, кто в кости
игрой увлекаться не станет,
И в сторону жен государя —
как будто и нет их — не взглянет.

Тот люб государю, кто первый
сражается с полчищем вражьем,
А в шествии — самый последний,
и верным является стражем.

— Ну, хорошо, придешь ты к нашему пове-
лителю, — с чего же, хотелось бы знать, нач-
нешь ты разговор?

Даманака ответил на это:

— Учтивый привет и ответ
начало кладут разговору,
Не так ли зерно от зерна
родится в урочную пору?

Укажет предвидливый муж,
какие грозят нам напасти,
И он же укажет пути
для преодоления несчастий.

Воистину мудрый советник —
Как туча, плывущая в небе надгорном:
То молнией грозно сверкнет он,
То вдруг изольется дождем
животворным.

Болтливые, как попугаи,
есть люди — и есть молчуны.
Все вместе к священным заветам
быть могут они причтены.

Да и неразумно это — заводить разговор в неподходящее время. Отец наказывал мне всегда действовать, сообразуясь со здравым смыслом.

Пусть даже Брихаспати сам
не вовремя что-нибудь скажет,
Позора, бесчестья пятно
на имя всеумудрого ляжет.

На это Каратака ответил:

— Цари недоступны, как горы,
где водится множество чудищ,
Служа им, не станешь богатым,
лишь горб от поклонов натрудишь.

К тому же они:

Жестоки и злобны безмерно,
перечить никто им не смей,
Охотно внимают наветам
и нравом коварнее змей.

Царь, как и жрец, недоступен:
люда не любит простого,
Бесит обоих нередко
повод совсем пустяковый.

Хоть это непросто, доверье
царя заслужи — и тогда
Надолго оно сохранится,
как в чистом колодце вода.

— Разумеется, все тобою сказанное вполне справедливо, — молвил Даманака. — Но верно и другое:

Почтенный! Кто в мысли чужие
проникнуть умеет всегда,
Тот воле своей, по желанью,
других подчинит без труда.

Прислуживая господину,
его тяготениям следуй.
И, ракшаса мысли постигнув,
над ним ты одержишь победу.

Уж если владыка разгневан,
Хвалою его ублажай — и сторицей
Воздастся тебе за усердьё.
Отныне он воле твоей покорится.

— Что ж, если ты так уверен в себе, да сопутствует тебе успех, — произнес Каратака. — Да сбудется все тобою желаемое.

Выслушав дружеское напутствие, Даманака поклонился Каратаке и направился в становье Пингалаки.

Заметив его приближение, владыка повелел стражу у ворот:

— Подыми жердь. Это Даманака, сын нашего бывшего главного советника. Ему дано право входить ко мне и находиться в моей свите.

Даманака подполз к Пингалаке, приподнявшись, отвесил подобающий поклон и по соизволению царя занял указанное ему место. Лев поднял правую лапу с грозными, как громовые стрелы, когтями и милостиво приветствовал шакала:

— Да осенит тебя благо! Что-то давно не показывался ты при дворе.

— Я не приходил потому, что повелитель не нуждался во мне, — ответил шакал. — Тому, кто занимает низкое, среднее и даже высокое положение, не приличествует навязывать свои услуги. Сказано же:

Царю и соломинка даже сугубо

Полезна — он чистит ей уши и зубы.

А сколько же пользы в слуге, чьим хваленьям

Внимает божественный с благоволеньем!

Мы слуги богоравного и должны неуклонно следовать за ним во всех превратностях судьбы. Тот же, кто не исполняет этого своего долга, не может оставаться его слугой. Говорится же:

Всем слугам своим по заслугам
отводит правитель места.
Опасен алмаз под пятою:
вонзится — в крови вся пята.

И еще:

Правитель, который не смыслит
в достоинствах слуг ничего,
Правителем быть не достоин:
все слуги покинут его.

И кроме того:

Слуга, приравненный к неровне,
Над ним не возвышенный в чине и сани,
Царя покидает, который
Не ценит, как должно, его дарований.

Если же государь, по недомыслию своему, назначит слуг, достойных высокого положения, на должности, им не приличествующие, то все, кого он так унижит, покинут его, и в том не будет их вины.

Рубин, изумруд и алмаз
В оправе, литой из свинца, не на месте.
Браслет изготовив такой,
Стяжает поделщик убогий бесчестье.

Ты говоришь, о богоравный, что давно не видел меня в своей свите. Соблаговоли же выслушать мой ответ:

Где правое путать с неправым
властитель надменный привык,
Слуга не захочет остаться
ни на день, ни даже на миг.

Слуга не останется там,
где камни высокой цены
К дешевым игральным костям
властителем приравнены.

Там, где властелин не умеет
различье меж слуг провести,
Слабеет усердье усердных:
достоинства их не в чести.

Без господина — нет слуг,
как и без слуг — господина.
Нерасторжима их связь,
слиты они воедино.

Не может без слуг повелитель
способствовать благу людей,
Подобно тому как и солнце
не может светить без лучей.

Хозяин — колесная ось,
а слуги — колесные спицы.
Они лишь совместно, не врозь
успеха сумеют добиться.

Волосы сразу тускнеют,
если не умащены,
Слуги теряют все рвенье,
если не поощрены.

Тех, кто ему угодил,
царь награждает казной,
Чтоб расплатиться, они
жертвуют жизнью земной.

Только прослышат, какое
желанье царем овладело,
Лучшие слуги царевы
немедля берутся за дело.

Царя порученье любое
спеша исполняет слуга.
Прикажут: чужую супругу
похитит — и вся недолга.

Тот лучший помощник владыке,
кто, ради него самого
Труднейшее дело исполнив,
не просит себе ничего.

Кто молча стоит у ворот
и, спрошенный, кто он такой,
Расскажет в немногих словах, —
тот будет достойным слугой.

Тот истинно предан царю,
кто, полный отваги суровой,
Все беды спешит отвратить
и без повеленья царева.

Тот истинно предан царю,
кто, к ругани царской привычен,
Смиренно пинки, тумачи
приемлет — и град зуботычин.

Тот истинно предан царю,
кто холод и зной переносит,
Кто не высыпается всласть,
голодный — о пище не просит.

Тот истинно предан царю,
кто весть о войне предстоящей
Приемлет с бесстрашной душой.
Не он ли слуга настоящий?!

Тот истинно предан царю,
кто царства раздвинул пределы,
Чтоб, сходствуя с полной луной,
оно возросло, округлело.

Но если, подобно свече,
все тают царевы владенья,
Виновника надобно гнать,
скорей отстранив от правленья.

Может быть, государь изволит думать: «Ну что его слушать — ведь он же простой шакал». Смею уверить, я отнюдь не заслуживаю презрения. Ибо:

Из шерсти рождается дурва-трава,
от червя мы шелк получаем,
Вся в зарослях лотосов, топь иногда
прекраснейшим кажется раем.
Из волн океанских выходит Луна,
из дерева мы добываем
Огонь. Хоть и низкого рода они,
мы свято их все почитаем.

Хоть и рожденные в доме,
все мыши — источник вреда.
Кошкам, что их истребляют,
недаром дается еда.

Много ли пользы, о государь, от невежд?

Много ль от верности прока,
если ума нет и сил?
Верен тебе и умен я,
да и сложеньем не хил.

Пингалака ответствовал на это:

— Не знаю, сколь велик твой ум. Да и не в том суть. Ты сын нашего бывшего главного советника, посему смело высказывай все, что думаешь!

— О богоравный, — тихо промолвил Даманака. — Я должен открыть тебе нечто весьма важное.

— Говори же! — приказал лев.

Даманака начал так:

— Есть дело — быть может, пустое,
ты скажешь, владыка, оно.

О нем говорить принародно
Брихаспати запрещено.

О богоравный! Выслушай меня наедине, ибо:

Разумный доверит секрет
двум парам ушей без опаски.

Что слышат три пары ушей —
уже не минует огласки.

По велению Пингалаки все, кто присутствовал на царском совете: тигры, пантеры, волки и прочие — удалились. Оставшись со львом наедине, шакал спросил:

— О повелитель! Почему ты направился к реке, но вдруг возвратился, так и не утолив своей жажды?

— Да так просто, без всякой причины, — со смущенной ухмылкой ответил Пингалака.

— О богоравный! Если ты не хочешь открыться мне, я не смею настаивать. Справедливо сказано:

С другом, женою, отцом-стариком
Тайной своей не делись целиком.
Не прибегая к неправде и лжи,
Каждому то, что уместно, скажи.

Выслушав его, Пингалака подумал: «Помоему, он вполне заслуживает доверия. Откроюсь-ка я ему. Говорится же:

Супруге, хранящей все тайны,
Другу, слуге, что доверья достоин,
Открой, что в душе накипело.
Высказался — и уже ты спокоен».

— Слышишь ли ты, Даманака, могучий рев вдалеке?

— Конечно, слышу, о повелитель, — подтвердил шакал. — Ну и что?

— Я решил покинуть эти лесные владения, почтенный, — признался Пингалака.

— Но почему? — спросил Даманака.

— Здесь поселилось некое неведомое существо, — объяснил лев. — Видно, оно столь же могуче, сколь могуч его рев.

— Повелителю не пристало опасаться рева, — заметил Даманака. — Сказано же:

Паводок смоев плотину,
любовь не снесет оговора.
Для устрашенья трусливых
достаточно слова иль взора.

Неужто повелитель решится покинуть лес, унаследованный им от предков? Реветь могут водопады, раковины, грохотать могут барабаны, литавры и даже колеса повозки, не говоря уж о громе небесном. Ужели все это может внушать страх? Так ведь недолго испугаться и бряцания вины. Верно говорится:

Велик и могуч повелитель,
который в опасном бою
Спокойно врагов сокрушает,
являя отвагу свою.

Смелый и перед Творцом
Не дрогнет — пусть яростью тот обуян.
Солнца лучи иссушат
Ручей мелководный, но не океан.

И еще:

Отважный воитель, который
Не падает духом пред сонмищем бед,
Не трех ли миров украшенья?
Такие рождаются редко на свет.

А также:

Лишенный самоуваженья
сойдется ль с врагом в поединке?
Он, слабый, безвольный, подобен
колеблемой ветром стеблинке.

И наконец:

Ты горд красотой, однако
ночами боишься куста.
Подобье облезлого лака,
что стоит твоя красота?

Собери в себе все свое мужество, господин.
Тебе ли страшиться рева? Говорится же:

Выходит, что я поживиться
напрасно рассчитывал тут.
Вся прибыль: кусок деревяшки
да порванной кожи лоскут.

— Расскажи об этом подробно, — попросил
Пингалака, и шакал поведал такую историю.

— Некий шакал с отощавшим от голода загривком забрел на поле, где некогда происходила битва. Вдруг ветер донес до него странный, устрашающий звук. Шакал сильно встревожился: «Плохи мои дела — пропал я. Но все же пойду посмотрю, что там такое, а уж если иного выхода нет, покину этот лес, где обитали мои отцы и деды. Мудро сказано:

Кто трезвость рассудка хранит,
делá не вершит впопыхах,
Все, что он задумал, свершит,
отринув тревогу и страх».

Собравшись с духом, шакал отправился на разведку. Там, откуда доносился устрашающий звук, он увидел барабан, подивившись, постучал по нему и обрадовался: «Ишь ты, какой тугой!

Должно быть, набит и мясом и жиром!» Он принялся так усердно раздирать кожу, что сломал себе клык. Каково же было его разочарование, когда внутри не оказалось ничего съедобного. А на деревянной раме он и прочитал эту надпись:

Выходит, что я поживиться
напрасно рассчитывал тут.
Вся прибыль: кусок деревяшки
да порванной кожи лоскут.

Так что, повторяю, повелитель, — продолжал шакал, — нет никаких оснований страшиться звука, даже и столь громкого!

— Ты же видишь, почтенный, что вся моя свита трепещет от страха и готова удариться в бегство. Как же мне одному выказывать твердость среди всеобщего смятения?

— Несправедливо обвинять их, — сказал Даманака. — Слуги ведут себя точно так же, как их господа. Говорится же:

Наука, кинжал, и скакун,
И женщина — только в достойных
руках
Бесценны. В руках подлеца
Достоинства их обращаются в прах.

Так что яви подобающее мужество и стойкость, а я тем временем пойду разведу, что за существо издает этот ужасающий рев.

— Ну что ж, — согласился Пингалака, — пойдди и разведай.

— Верный слуга выполнит и неисполнимое повеление господина, — молвил Даманака. — Известно:

Что скажет владыка, слуга
всегда исполняет, не споря:
Змее он бросается в пасть,
на дно опускается моря.

И еще:

Слугу, что приказ обсуждает,
насколько легко исполним,
Прогнать надлежит господину:
в беде он окажется с ним.

— Ну коли так, ступай, — благословил шакала Пингалака. — И да сопутствует тебе удача!

Даманака склонился в низком поклоне и поспешил в ту сторону, откуда слышался рев Сандживаки.

Едва он удалился, как Пингалака пожалел о своей откровенности: «Зачем я доверился ему с таким простодушием? Ведь он может оказаться подлым двурушником, тянуть деньги и с меня, и с моего недруга. От него, злокозненного, того и жди всякого подвоха. Сказано ведь:

Одних мы, владыки, возносим,
других унижаем, не ценим,
Вот эти-то, хоть благородны
душой, угрожают отмщеньем.

Но еще не все потеряно. Перейду-ка я на другое место. Тогда Даманака, если и приведет моего недруга, не сможет выполнить свой коварный замысел. Говорится же:

Сильный, коль он легковерен,
бывает всегда уязвим,
Слабый, блюдя осторожность,
достигнет победы над ним.

Пускай пред тобою предстанет
Брихаспати сам, все равно
Блюди осторожность — и будет
тебе долголетье дано.

Блюди осторожность — сам Индра
лишь с помощью вкрадчивых слов
Врага своего уничтожил,
на части его расколов».

Так рассудив, Пингалака, втайне от своей свиты, перешел на другое место и стал следить за тропой, по которой должен был вернуться Даманака.

Даманака тем временем приблизился к Сандживаке и, разглядев, что это всего-навсего бык, очень обрадовался: «Ну и повезло же мне! В моей воле подружить их либо посеять семя вражды между ними. Как бы там ни было, Пингалака окажется в моей власти. Сказано ведь:

Пока не нагрянет беда,
не слушает собственной свиты
Властитель, хоть люди его
разумны, честны, родовиты.

Советникам на руку, чтобы
правитель искал их совета.
В нем, хитрые, страх раздувают
при помощи лжи и навета.

Здоров ли властитель, недужен,
вкушает ли счастье по праву,
Глубоко несчастен, быть может —
советникам все не по нраву».

В таких размышлениях Даманака отправился в обратный путь. Издали заметив его приближение, Пингалака возвратился на прежнее место.

Даманака приветствовал его низким поклоном.

— Скажи мне, почтенный, видел ли ты, кто это ревет? — осведомился лев.

— Видел, по милости божьей, — ответил шакал.

— Истинную ли ты говоришь правду? — усомнился лев.

— Осмелюсь ли я лгать пред стопами моего господина? — возразил шакал. — Известно же:

• Попробуй сказать государю
ничтожную ложь — на тебя
Обрушится кара господня,
как жалкую тварь истребя.

И еще:

Цари, утверждает сам Ману, —
собрание богов, потому
Властителя чествуй, как бога,
и не предавай никому.

Быть может, и в этом царе
воплощено божество.
И сладких и горьких плодов
следует ждать от него.

— Стало быть, ты меня не обманываешь, — заключил Пингалака. — Но да будет тебе известно, что великие не гnevаются на малых. Посему тебе не грозит никакая кара. Сказано же:

Под бурей склоняется гибко трава,
Но рушатся — сломанные — деревья.
Властитель великую доблесть свою
С великими только являет в бою.

И еще:

Облепленный множеством пчел
 громадина-слон
Не чувствует их хоботков.
 Не нужен заслон
Ему, толстокожему. Он
 являет свой гнев
Лишь тем, кто велик и силен,
 всех прочих презрев.

— Не нам, ничтожным, оспаривать правоту великодушного повелителя, — молвил Даманака. — Наша священная обязанность — выполнять все, им веленное.

— И как же ты предлагаешь поступить, почтенный? — со вздохом спросил Пингалака.

— Для истинного ума нет ничего невозможного, — сказал Даманака. — Верно говорится:

Где пешее, конное войско
 и войско слоновье — все разом,
Смешавшись, бегут, — утверждает
 свое всемогущество разом.

— Дарую тебе, Даманака, сан главного советника, — возгласил Пингалака. — Отныне в твоём ведении — все дела о награждениях, наказаниях и прочем.

Даманака тут же поспешил к Сандживаке.

— Тебя призывает наш повелитель Пингалака, — запыхавшись, произнес он. — Торопись же, не заставляй себя ждать.

— А кто такой этот Пингалака? — спросил бык.

— Как, ты не знаешь нашего повелителя Пингалаки?! — вскричал Даманака. — Смотри, как бы тебе не испробовать силу его лап на собственной шкуре. Пингалака — наш правитель, восседающий под баньяном в окружении несметного сонмища зверей.

— Любезный господин, — промычал Сандживака, сильно встревоженный. — Ты, вижу я, весьма добродетелен и красноречив. Коли нет у меня другого выхода, кроме как следовать за тобой, постарайся, по крайности, выхлопотать мне избавление от страха. Пусть ваш властелин будет милостив ко мне при свидании.

— Ты рассуждаешь мудро, — одобрил Даманака. — Истинно сказано:

Мы горных вершин достигаем,
мы в недра земли проникаем,
Но ум властелина для смертных
поистине непроницаем.

Побудь пока здесь, я же, дождавшись благоприятного часа, отведу тебя к нашему властителю.

Даманака вернулся к повелителю.

— О богоравный! Существо это и впрямь необыкновенное — ездовой бык самого Махеш-

вары. Вот что он ответил на мои расспросы: «В награду за мою верную службу Махешвара отпустил меня полакомиться пышной травой на берегах Калинди и даровал мне все эти лесные владения».

— Наконец-то я узнал сущую правду, — опасливо проговорил лев. — Только по великой милости божьей такой, как он, травоед может без страха разгуливать в этом лесу, изобилующем хищными зверями... Что ты ему сказал?

— Я сказал, — ответил Даманака, — что эти лесные владения принадлежат ездовому льву Чандики. И от твоего имени пригласил его пожаловать сюда. Я поманил его пирами, игрищами и катанием на большой колеснице. Бык благоволил принять это предложение при условии, что ему будет пожаловано избавление от страха. Отныне, государь, на все твоя воля.

— Неплохо, разумный, совсем неплохо, — похвалил его Пингалака. — Да ты, оказывается, не только искусный советник, но еще и шротрия. Ты как будто мысленно посоветовался со мной, прежде чем молвить все это. Правильно сказано:

Советники мудрые, если
в служенье добру неуклонны,
Пребудут опорой для царства —
так храм подпирают колонны.

И еще:

Советнику — войны проверка,
а лекарю — всякие хвори.
На вид и мудры и учены,
им цену узнаешь не вскоре.

Отвесив подобающий поклон, Даманака заторопился к Сандживаке. «Государь ко мне необычайно милостив, — ликовал он, — внимает каждому моему слову. Мне, можно считать, привалило большое счастье. Говорится ж:

Царское благоволение,
близость красавицы дивной,
пламя костра в холода,
Рис с молоком подкисленным —
все это схоже с амритой,
радость дарящей всегда».

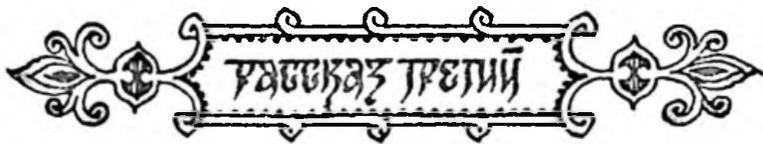
— О друг, — почтительно обратился он к Сандживаке, — мой господин пожаловал тебе избавление от страха. Смело отправляйся к нему. Если ты обретешь милость государеву, следуй моему примеру: никоим образом не выказывай гордыни. Я же буду с усердием исполнять должность главного советника, доверенную мне нашим правителем. Заручившись царским покровительством, мы оба обретем счастье и богатство. Сказано ведь:

Исканье богатства, охота —
по сущности не далеки:
Загонщики дичь загоняют,
ее поражают стрелки.

И еще:

Кто к слугам царя проявляет
презренье — накличет напасть.
Как некий купец именитый,
он может в опалу попасть.

— Расскажи об этом подробно, — попросил Сандживака, и Даманака поведал такую историю.

РАССКАЗ ТРЕТИЙ

— Есть в окрестных краях город Вардхамана. Некогда проживал там богатый купец по имени Дантила. Он не только торговал всевозможными товарами, но и успевал вершить как городские, так и государственные дела, умудряясь при этом угодить и горожанам, и самому государю. Да что там говорить — подобного тороватого купца не видывал белый свет. Однако верно сказано:

Народ ненавидит любимца царя
за то, что он алчен, корыстен,
Любимец народа, уж так повелось,
владыке всегда ненавистен.
Но был ли когда-нибудь верный слуга,
угодный царю и народу,
Их общий любимец? — О чуде таком
никто и не слыхивал сроду.

Как-то раз в доме Дантилы справляли свадьбу. Созвал он на нее всех горожан и всех царских приближенных, на славу их попотчевал, щедро одарил одеждами, да и на другие дары не поскупился. В последний же день свадьбы Дантила пригласил самого царя со всеми его супругами. Был среди царских слуг подметальщик по имени Горабха. И он тоже явился на пиршество, но уселся на не подобающее ему ме-

сто и был с побоями прогнан. От столь неслыханного позора Горабха потерял сон; все ночи напролет только и размышлял: «Как бы лишить этого купца царского благоволения? Как бы отомстить ему, ведь он человек влиятельный и могущественный, а кто я? Правильно сказано:

Не могут разбить сковородку
Горошины, прыгая в тщетной хвальбе.
Когда отомстить ты не в силах,
Выказывать гнев не пристало тебе».

Однажды поутру, когда царь еще дремал на ложе, Горабха, подметая царскую опочивальню, чуть внятно прошептал:

— До чего же крепко обнимал Дантила старшую царицу!

Услышав это, царь, как подхваченный ветром, соскочил с ложа и спросил:

— Ты и впрямь видел, Горабха, как Дантила ласкал старшую царицу?

— О богоравный, — уклончиво ответил подметальщик. — Вчера допоздна я играл в кости. Вот меня и разбирает дремота, болтаю невесть что.

«И Горабха и Дантила — оба свободно разгуливают по моему дворцу, — подумал царь. — Вполне может статься, что этот Горабха и вправду видел то, о чем случайно проговорился. Справедливо же утверждают:

Что грезится смертным во сне,
все время и днем на уме,
И вот выдают невзначай,
что видели ночью, во тьме.

Любимая снова и снова
стремится к любовной забаве.
Сгорает она неустанно,
томится, подобная паве.

Словами, делами, в которых
расчетливость подлая есть,
Красавица ранит бездумно
свое же достоинство, честь.

На свете есть женщин немало —
проси, и не будет отказа,
Пустяк ли, серьезное дело,
они соглашаются сразу.

Лишь страх перед слугами либо
отсутствие рядом мужчины
Препятствуют женам распутным
порока изведать пучины.

Красавец, урод ли, старик ли,
который с развалиной сходен,
Любой, кто ни есть под рукою,
для их развлечений пригоден.

Мужчина, охочий до женщин,
не с красным ли сходствует
платьем,
Которое снова и снова
приятно, распутным, снимать
им!

Красавицы топчут ступнями
покрытые из алого лака.
Растоптанным будет мужчина,
их каждого слушаешь знака».

Вот таким горестным размышлениям предавался государь. Излишне говорить, что с этого времени Дантиле был заказан вход в царский дворец. Его и близко-то не подпускали. И вот Дантила, глубоко удрученный опалой, задумался над ее причинами. «Правильно ведь говорится:

Кто не возгордится, достигнув богатства?
Минуют ли беды, несчастья
Того, кто, стрелой любви пораженный,
томится в плену любострастья?
Кого не опутают сети злодеев?
И кто ускользнет от всевластья
Бегущего времени? Кто тот счастливец,
который достигнет бесстрастья?

И еще:

Где видели змей
дружелюбных и воронов белых?
Красавиц, для всех
неприступных, и евнухов смелых?
Гуляк, во хмелю
рассуждающих здраво? Царей,
Чья дружба крепка?
Где такие — скажите скорей.

Видимо, кто-то из царских слуг оговорил меня. Потому-то государь и отвернулся от меня. Другой причины просто не может быть».

Как-то раз Дантила услышал, как подметальщик Горабха, смеясь, сказал стражнику, который охранял дворцовые ворота:

— В какой великой милости был наш Данти-

да! А теперь его даже не пускают во дворец. Смотри, как бы он не сорвал свою досаду на тебе. Мне тоже однажды досталось.

Дантила сразу догадался, кто истинный виновник его опалы. Недаром сказано:

Хоть и последний из слуг
 просто дитя по уму,—
Ежели служит царю —
 всюду почтенье ему.

Хоть он и подл и труслив,
 даже, случалось, был бит.
Ежели служит царю,
 он не прощает обид.

В подобных горьких раздумьях купец возвратился домой, в тот же вечер пригласил к себе Горабху, подарил ему одежду — рубаху и дхоти — и сказал:

— Ты уж прости, что я дурно обошелся с тобой. Ты сел на не подобающее тебе место, рядом с царским жрецом, — вот я и прогневался. Но я был неправ, так что ты уж прости меня.

Горабха возликовал, ощутив райское блаженство. Надев новую рубаху и дхоти, он, безмерно довольный, сказал опальному купцу:

— Ладно, прощаю тебя. А за дары твои щедрые, за почет мне оказанный, будет и тебе радость: возвратится к тебе царская милость.

С этими словами он ушел, преисполненный гордости. Верно ведь говорят:

Подобен весов коромыслу
подлец, попирающий честь:
Он может вас низко низвергнуть,
а может высоко вознестъ.

Наутро Горабха отправился во дворец и, приблизясь к царю, который, как и в тот раз, дремал на ложе, тихо произнес:

— До чего чудная привычка у нашего государя: прежде чем облегчиться, он всегда вкушает огурцы.

— Что за несурязицу ты несешь, Горабха! — воскликнул сразу же пробудившийся царь. — Раз уж ты служишь у меня во дворце, наказывать тебя я не стану. Но, скажи, видел ли ты хоть раз, чтобы я проделывал подобное?

— О богоравный! — ответил подметальщик. — Этой ночью допоздна я играл в кости. Вот меня и сморил сон. Болтаю невесть что. Смилуйся надо мной, государь. Мало ли какую чепуху можно сказать со сна?

«Но ведь со мной никогда в жизни не бывало такого: чтобы я ел огурцы, прежде чем облегчиться, — задумался царь, — видно, и в прошлый раз этот подметальщик оболгал во сне Дантилу. Несправедливо я поступил, лишив милости столь достойного человека. К тому же его отсутствие пагубно сказывается и на городских и на государственных делах». Тщательно обмыслив все происшедшее, государь призвал к себе Дантилу, одарил его одеждами, дорогами украшениями и восстановил в прежней должности.

Вот почему я и говорю:

Кто не возгордился, достигнув богатства?
Минуют ли беды, несчастья
Того, кто, стрелой любви пораженный,
томится в плену любострастья?
Кого не опутают сети злодеев?
И кто ускользнет от всевластья
Бегущего времени? Кто тот счастливец,
который достигнет бесстрастья?

— Совершенно с тобой согласен, — сказал Сандживака шакалу. — Как ты советуешь, почтенный, так я и поступлю.

Даманака тут же отвел его к своему повелителю.

— О богоравный, — доложил он, — Сандживака пред тобой. Поступай с ним по своему усмотрению.

Сандживака стоял, почтительно склонясь перед Пингалакой.

Желтогривый лев вознес свою правую лапу, вооруженную грозными когтями, и милостиво изрек:

— Да сопутствует тебе удача! Откуда, о достойный, изволил ты пожаловать в наш лес?

Сандживака поведал льву о том, что с ним приключилось, как вынужден он был разлучиться с Вардхаманой и все прочее. Выслушав его, Пингалака благосклонно молвил:

— Отныне ты находишься под особым покровительством моей могучей лапы и можешь жить, как тебе заблагорассудится, не ведая никакого страха. Помни все же, что этот лес населен множеством хищных зверей и прожить здесь такому большому травоеду, как ты, не так-то просто. Поэтому в случае опасности держись ко мне поближе.

В окружении своей многочисленной свиты Пингалака отправился к берегу Ямуны и утолил жажду. Затем, возложив бремя государственной власти на Каратаку и Даманаку, он удалился в самую глубь леса, где вел с Сандживакой долгие беседы, уснащенные различными мудрыми речениями. Недаром ведь говорится:

Общенье с людьми благородной
души продолжается вечно.
Не знает оно повторений,
по сути своей бесконечно.

Преуспев в изучении шаштр, Сандживака отточил свой ум. Общение с ним благотворно сказывалось на туповатом от природы льве, который перестал вести себя как дикий обитатель леса, усвоив более благородные повадки сельского жителя. Сандживака и Пингалака не разлучались целыми днями. Всем остальным зверям приходилось держаться на почтительном от них расстоянии. Даже Каратака и Даманака не решались нарушить их уединение. Царская власть слабела, голодные звери разбредались в разные стороны. Верно сказано:

Все слуги царя покидают,
когда на дары он скупится.
Досадуя, так улетают
с засохшего дерева птицы.

Без слуг, в одиночестве полном
останется царь скуповатый,
Когда он в урочное время
не платит положенной платы.

Да ведь, сказать по справедливости, так поступают не одни только слуги. Все в этом мире преследуют свою выгоду. При этом они не гнушаются никакими средствами: используют силу, уговоры, плутни и наветы, сеющие раздоры. Говорится же:

Воюют цари неустанно
за власть, расширение границ,
Купцы — покупателей ищут,
ученые — ищут тупиц.

Доверчивых ищут пройдохи,
девица, стыдливость похерив,
Мужчин зазывает, а мастер
разыскивает подмастерьев.

Пройдохи, гонясь за наживой,
пускают все хитрости в ход.
Свою же родню пожирают
голодные жители вод.

А вот и еще несколько уместных речений:

Грабителям, ворам и змеям
не в каждом замышленном деле —
Везенье, — и в этом причина,
что мир существует доселе.

Дай волю — змея, что на шее у Шамбху,
Ганapati крысу пожрет,
Павлин Картикейи, дай волю, мгновенно
змею заключет, в свой черед.
А лев, служающий Парвати, с гривой
сверкающей, огненной масти,
Набросясь на слоноволикого бога,
его растерзает на части.

Уж если такое творится
в пещере у Шамбху — чего ж нам
И ждать от других, посудите,
в сем мире — жестоком,
безбожном?!

Оголодавшие, с тощими загривками, Каратака и Даманака стали советоваться, как им вернуть утраченную милость государеву.

— Ах, достойный Каратака, — горько сетовал Даманака, — где наше прежнее влияние? Пингалака так прочно сдружился с быком, что отвернулся от всех своих любимцев. Что же нам делать?

— Достойный Даманака, наш долг — высказать ему правду. даже если он нас не послушает, — ответил Каратака. — Только так можем мы упасти его от тяжкого греха.

Пускай не желает и слушать
советников преданных царь.
Их долг — продолжать наставленье:
так делали мудрые встарь.

И еще:

Погонщиков долг — укрощать
слонов, что в горячке любовной.
Царей наставлять, просвещать —
советников долг, безусловно.

Зачем ты привел к нашему господину этого травоеда? Глупо дивиться, что занялся пожар, если сам же и притащил пылающие уголья.

— Ты совершенно прав, — согласился Даманака. — Если тут кто и виноват, так это я, а не наш повелитель. Правильно сказано:

Погибель настигла шакала,
обкраден я Ашадхабути,
И сводне досталось, однако
мы сами виновны, по сути.

— Расскажи об этом подробно, — попросил Каратака, и его приятель поведал такую историю.

РАССКАЗ ЧЕТВЕРТЫЙ

— Есть в некоей стране святилище, где свершал свое подвижничество Девашарман. Благочестивые люди жертвовали ему одеяния из лучших тканей, которые он продавал по высокой цене. Так он разбогател. Все свои деньги он хранил в суме, которую не выпускал из-под мышки ни днем, ни ночью. Верно ведь говорится:

Беда — накопленье казны,
беда — сохраненье казны,
Расход и приход — все беда.
На что же богатства нужны?

Приметив, где укрывает деньги подвижник, некий искусный в своем ремесле вор по имени Ашадхабути задумался: «Как бы мне похитить его богатство? Конечно, можно было бы продолбить стену святилища, но уж больно она толста. Ворота слишком высоки, чтобы че-

рез них удалось перелезть. Остается одно: лъстивыми речами вкрасться в доверие к подвижнику. Сказано же:

Бывает ли разве
 нечестолубивый сановник?
Бывает ли разве
 неженолюбивый любовник?
Бывает ли разве
 разумник в роду человеческом,
Который умело
 не пользуется сладкоречьем?»

Так рассудив, он отправился к святилищу. Увидев у самого входа подвижника, простерся перед ним и возгласил: «Ом! Слава всевеликому Шиве!» — и с подобающим смирением добавил:

— О господин! Наше суетное существование лишено всякого смысла. Юность проносится, как бурливые воды горной реки. Зрелость испепеляется, подобно сухой траве, охваченной пожаром. Наслаждения улетучиваются, словно облака в холодную пору года. Зыбка, как сон, наша привязанность к друзьям, женам, сыновьям и слугам. Все это я уже сумел постичь. Посоветуй же, как мне переправиться через океан бытия.

— Сын мой, — одобрительно ответил Девашарман, — счастье твое — что ты уже в столь молодые годы сумел отрешиться от мирских пут. Говорят же:

Кто с юности мог побороть
 желанья — мудрец настоящий.
Ну много ль желаний в груди
 у старца, живущего в чаше?!

И еще:

У добролюбивых покои
душа обретает и тело.
У прочих же — тело одно,
а мукам души нет предела.

Итак, слушай же, что надлежит сделать, дабы
переправиться через океан бытия:

Шудра ли, чандала — если
ходит, как брахман, с косицей
И посыпается пеплом, —
в мире богов возродится.

Кто скажет в шесть знаков заклятье,
возложит на лингам цветок,
Избавится от возрождений,
к богам вознесется, сам — бог.

Ашадхабхути припал к стопам наставника,
обхватил их руками и почтительно попросил:

— Наставь меня на путь истинный. Назначь
мне любой искус.

— Хорошо, сын мой, — согласился Девашарман. — Окажу я тебе такую милость. Но сейчас ночь. Это неподходящее время для вступления в святилище. Не забывай, что все подвижники — среди них ты и я — нуждаются в уединении. Сказано ведь:

Губят дурные советы царей,
общенье подвижников губит.
Губят родители малых детей,
когда их бездумно голубят.

Одичи губят старинный свой род,
бесчестное дело содеяв.
Губят добра основанье само,
потворствуя шайке злодеев.

Губят наветы и дружбу и все,
что прежде нам дорого было.
Пылкость чрезмерная губит любовь,
и губит отсутствие пыла.
Губят исполненных гордости жен
свое — и чужое бездушье.
Пахарей губят беспечность и лень.
Пороки губительней суши.

Лишь после принятия обета ты будешь допущен в святилище и сможешь почивать в соломенной хижине.

— О господин, — отозвался Ашадхабхути, — твои повеления святы. С твоей помощью я сумею достичь высшего блага.

С тех пор, устроив себе ложе в соломенной хижине, он стал вести обычную жизнь ученика, предписываемую шастрами: растирал своему гуру руки и ноги, оказывал любые услуги, всячески стараясь его ублажить. Однако подвижник по-прежнему не расставался с сумой. В конце концов Ашадхабхути отчаялся завоевать его доверие. «Уж не отравить ли мне его? — думал он. — Не зарубить ли мечом? Не прирезать ли ножом, как бычка?..»

Но тут из какой-то деревни явился сын одного из учеников Девашармана с приглашением пожаловать на обряд возложения венков из травы куша. Обрадованные этим предложением, Девашарман и Ашадхабхути тотчас же отправились в путь. Когда им понадобилось

пересечь реку, Девашарман перепрятал суму с деньгами в другую, побольше, свершил омо-вение, помолился и сказал ученику:

— Слушай, Ашадхабхути, я пойду облегчиться, а ты тем временем постереги эту суму. Помни, что принадлежит она самому Йогешваре.

Как только он удалился в кусты, Ашадхабхути, не будь дураком, подхватил суму и припустился прочь.

Девашарман же, уверенный в своем ученике, задержался, наблюдая за сшибкой двух баранов. Снова и снова бросались они друг на друга, разбивая лбы в кровь. А шакал, что оказался поблизости, стал ее подлизывать.

«Вот неразумный! — подумал Девашарман. — Как бы ему не окончить жизнь на рогах этих баранов...»

Как он предположил, так и случилось. Ринувшись друг на друга, бараны раздавили шакала. С горьким вздохом сожаления Девашарман отправился обратно. Не увидев ни своей сумы, ни того, кому было поручено ее охранять, он горько завопил: «Хай, хай, я обкраден, обобран, несчастный...» — и в беспомощности рухнул на землю. Придя в себя, он принялся громко браниться: «Ах ты, подлец Ашадхабхути! Ах ты, обманщик! Отзовись! Вернись!» В конце концов, устав браниться, он пустился на розыски беглеца.

Уже под самый вечер он добрался до какого-то селения. Навстречу ему показались ткач с женой — они направлялись в ближний городок, чтобы там хлебнуть хмельного.

— О почтенный! — обратился к ткачу Девашарман. — Вот уж и солнце к закату клонится,

Родичи губят старинный свой род,
бесчестное дело содеяв.
Губят добра основанье само,
потворствуя шайке злодеев.

Губят наветы и дружбу и все,
что прежде нам дорого было.
Пылкость чрезмерная губит любовь,
и губит отсутствие пыла.
Губят исполненных гордости жен
свое — и чужое бездушье.
Пахарей губят беспечность и лень.
Пороки губительней суши.

Лишь после принятия обета ты будешь допущен в святилище и сможешь почивать в соломенной хижине.

— О господин, — отозвался Ашадхабхути, — твои повеления святы. С твоей помощью я сумею достичь высшего блага.

С тех пор, устроив себе ложе в соломенной хижине, он стал вести обычную жизнь ученика, предписываемую шастрами: растирал своему гуру руки и ноги, оказывал любые услуги, всячески стараясь его ублажить. Однако подвижник по-прежнему не расставался с сумой. В конце концов Ашадхабхути отчаялся завоевать его доверие. «Уж не отравить ли мне его? — думал он. — Не зарубить ли мечом? Не прирезать ли ножом, как бычка?..»

Но тут из какой-то деревни явился сын одного из учеников Девашармана с приглашением пожаловать на обряд возложения венков из травы куша. Обрадованные этим предложением, Девашарман и Ашадхабхути тотчас же отправились в путь. Когда им понадобилось

пересечь реку, Девашарман перепрятал суму с деньгами в другую, побольше, свершил омовение, помолился и сказал ученику:

— Слушай, Ашадхабхути, я пойду облегчиться, а ты тем временем постереги эту суму. Помни, что принадлежит она самому Йогешваре.

Как только он удалился в кусты, Ашадхабхути, не будь дураком, подхватил суму и припустился прочь.

Девашарман же, уверенный в своем ученике, задержался, наблюдая за сшибкой двух баранов. Снова и снова бросались они друг на друга, разбивая лбы в кровь. А шакал, что оказался поблизости, стал ее подлизывать.

«Вот неразумный! — подумал Девашарман. — Как бы ему не окончить жизнь на рогах этих баранов...»

Как он предположил, так и случилось. Ринувшись друг на друга, бараны раздавили шакала. С горьким вздохом сожаления Девашарман отправился обратно. Не увидев ни своей сумы, ни того, кому было поручено ее охранять, он горько завопил: «Хай, хай, я обкраден, обобран, несчастный...» — и в беспомощности рухнул на землю. Придя в себя, он принялся громко браниться: «Ах ты, подлец Ашадхабхути! Ах ты, обманщик! Отзовись! Вернись!» В конце концов, устав браниться, он пустился на розыски беглеца.

Уже под самый вечер он добрался до какого-то селения. Навстречу ему показались ткач с женой — они направлялись в ближний городок, чтобы там хлебнуть хмельного.

— О почтенный! — обратился к ткачу Девашарман. — Вот уж и солнце к закату клонится,

пора мне устраиваться на ночлег, а я никого не знаю в вашем селении. Исполни же закон гостеприимства. Сказано ведь:

Хозяин, встречающий гостя
пришедшего в пору заката,
С почтеньем великим, — достигнет
всего, что божественно, свято.

И еще:

В домах благочестных хозяев
в избытке — еда и вода,
Приветные речи в избытке,
есть мягкое ложе всегда.

Гостей принимают, как будто
сам Шамбху стоит на пороге,
Их, словно отцов, почитают,
водой омывают им ноги.

Выслушав его, ткач повернулся к жене:

— Вернись домой, дорогая, и достойно прими нашего досточтимого гостя. Подай ему воду для омовения ног, приготовь вкусное угощение и постель. Я же тем временем схожу в город и принесу оттуда чего-нибудь хмельного.

Жена ткача была большая распутница. Ведя подвижника к себе домой, она с вожделением думала о своем полубовнике Девадатте. Не зря и справедливо говорится:

Распутницам счастье, когда
Дождь на дворе, непроглядная ночь,
Но самое счастье, когда
Супруг их надолго отправится прочь.

И еще:

Красоток немало таких:
Страсть, наслажденье всего им дороже,
И что им семейная жизнь,
Муж добродетельный, чистое ложе?

Мужа объятья — как яд
Женщине, блуд у которой в крови.
Не может быть счастья для тех,
Кто не питает друг к другу любви.

На что ни решится жена
Ради любовника, в страсти слепой:
Ей даже тюрьма не страшна,
Не убоится и кары любой.

Возвратясь домой, жена ткача ткнула пальцем на незастеленную поломанную кровать.

— Устраивайся, досточтимый, — небрежно обронила она. — А я пока сбегаяю к подруге.

Но едва она вышла на улицу, в радостном предвкушении любовного свидания, как увидела возвращающегося мужа. Он был уже в сильном подпитии и шел с кувшином вина в руках, шатаясь и спотыкаясь на каждом шагу. Растрепанные волосы стояли дыбом.

Жена метнулась обратно в дом и сразу же сняла с себя все украшения. Однако ткач успел заметить, что она принарядилась, и заподозрил неладное. До него и раньше доходили слухи о ее дурном поведении, а теперь они как бы воочию подтверждались. И, едва переступив порог, он гневно закричал:

— Куда это ты наладилась, шлюха?

— Ну и здорово же ты наклюкался! — не те-

рясь, ответила она. — Ты же сам видел, как я вошла в дом. Что же болтаешь всякую чепуху? Верно говорят:

Шатается, видно, ослаб,
несет неподобную чушь.
По этим приметам легко
того, кто хмелен, обнаружь.

Шаткость в походке, небрежность в одежде,
Грубость и склонность

к проклятьям —

Вот состоянье того, кто с Варуной
слился — в стремленье к объятьям.
Даже и Солнце, с Варуной встречаясь,
в гневе нежданном, в смятенье
Все багровеет, трепещет и гаснет,
будто настало затмение.

Ее возражения ничуть не убедили его. А то, что она переделась, лишь усугубило давние подозрения.

— Ах ты, потаскуха! — выругался он. — Я уже давно слышу о тебе невесть что. Сегодня же я сам убедился, как ты меня обманываешь, и рассчитуюсь с тобой за все.

Он хорошенько отдубасил ее палкой, крепко-накрепко привязал к столбу и тут же, одурманенный выпитым вином, уснул.

Немного погодя явилась приятельница этой женщины, которая была замужем за цирюльником.

— Подруженька! Девадатта заждался тебя. Пospеши к нему, — поторопила сводня.

— Ты только глянь, в каком я виде, — ответила жена ткача. — Передай ему, что сегодня я не смогу с ним встретиться.

— Не говори так, — стала убеждать ее подруга. — Уж если ты обманываешь своего благоверного, так и обманывай! Сказано ведь:

Того, кто решил раздобыть
Труднодоступный, но сладостный плод,
Славлю! Сто мук претерпев,
Счастье желанное он обретет.

И еще:

Сомнений исполнен наш мир,
Всякие сплетни и слухи в нем ходят.
Блаженны же те, кто в любви
Годы свои молодые проводят.

И кроме того:

Бывает распутнице мил
Любовник ее, хоть и сущий урод,
На мужа-красавца она
Глядит, искривив с отвращением рот.

— Я привязана к столбу. Да и мой пьяный муж валяется тут же рядом. Как я могу пойти к своему дружку? — сказала жена ткача.

— Твой муж так нализался, что проснется лишь с первыми лучами солнца, — настойчиво убеждала ее подруга. — Я освобожу тебя и привяжусь сама на твое место. А ты поспеши к Девадатте.

— Хорошо. Так и сделаем, — согласилась наконец жена ткача.

Вопреки их ожиданиям, ткач вскоре проснулся, уже отрезвевший. Гнев его поутих.

— Ладно, негодная, — сказал он, — если ты пообещаешь мне, что больше не будешь шлять-

ся и перечить мне на каждом слове, я, так и быть, отвяжу тебя.

Жена цирюльника молчала, опасаясь выдать себя голосом. Тут ткач рассердился пуще прежнего. Схватив острый кинжал, он отрезал ей нос, приговаривая при этом:

— Ах ты, развратная тварь! Ты у меня еще наплачешься!

И опять уснул.

Меж тем жена ткача, досыта наслаждаясь любовью, разомлевшая и радостная, вернулась домой.

— Да снизойдет на тебя благо! — сказала она подруге. — Не просыпался ли случаем мой злодей?

— Нечего сказать, хорошенькое благо на меня снизошло: твой муж отрезал мне нос. Отвяжи меня, пока он еще спит, и я побегу домой.

Чуть погодя ткач проснулся снова и принялся бранить свою супружницу:

— Ты все так и будешь молчать, шлюха поганая? Смотри, как бы я не отрезал тебе уши. . то и что-нибудь почище с тобой сделаю!

Она гневно отвечала:

— Ах ты, подлец! Я вижу, ты и впрямь готов изуродовать свою верную женушку! Да услышат обо всем этом Хранители Мира:

Голосу истины чистой внемля,
Слушайте, Небо, Вода и Земля,
Слушайте, Ветер, и Вечер, и Мрак,
Дхарма и Яма, живущего враг.

Если, о великие боги, я чиста душой, не миловалась ни с каким посторонним мужчиной, сделайте так, чтобы мой нос остался целым. Если

же я согрешила, хотя бы только в помыслах своих, испепелите меня, о великие боги! — Она помолчала немного и добавила: — Смотри же, негодяй. Нос у меня цел. Это ли не доказательство моей полной невинности?!

Запалив лучину, ткач убедился, что нос у его жены и впрямь какой был, таким и остался. Но на земле алела целая лужа крови. Рядом лежал притихший подвижник. Весьма удивленный увиденным, ткач развязал жену, уложил ее в постель и начал ласкать.

Тут Девашарман, который видел все проделки женщины, сказал про себя:

«Шамбара, Бали, Намучи
как ни хитры на уловки,
Их превосходят, однако,
женщины, эти плутовки.

С тем, кто смеется, смеется,
с плачущим плачет умильно.
Хоть и притворщица — все же
сердце пред нею бессильно.

Даже и мудрость мудрейших
с женским умом не сравнится.
Ловит мужчину любого
в сети свои чаровница.

Ложь выдают за святую
истину, правду — за ложь.
Как же от бед и несчастий
этих обманщиц спасешь?

А где-то еще сказано и такое:

Потворствовать женщинам умный
не станет:
Они ненасытны, их просьбам конца нет.
Кто им покорился, цветами увитым,
Отныне — как ворон с крылом
перебитым.

Медовые речи, улыбки,
А сердце наполнено смертной отравой.
Недаром, их губы целуя,
Мужчины грозят им кулачной расправой.

И еще:

Кто куклу подобную создал,
с душою холодной и черствой,
исполненную непокорства,
Вместилище всех прегрешений,
гнездилище мыслей коварных,
неверья, сомнений извечных,
Великую тайну, загадку,
которую даже старейшим
мужам не постигнуть
мудрейшим,

Кто куклу подобную создал,
опасней смертельной отравы
для праведников безупречных?!

Взоры горящие, пышные бедра,
груды упругие, плечи,
Нежность, стыдливость, обман
и притворство,
замысловатые речи:

Все это вместе и есть их оружие:
без заклинаний и зелий
В плен забирают мужчин легковых
хитрые эти газели.

Смеются, и плачут,
и просят: мол, верь им.
А сами взирают
на всех с недоверьем.
Кто праведен — дружбы
с такими не водит,
Как с прахом усопших
горшки, их обходит.

Мужчин завлекают усердно,
надев дорогие подвески, —
Лишь те заглотают приманку,
их водят, как рыбу на леске.

И кроме того:

Вся в страсти, как бурное море, клокочет,
Пылает пожаром... Возьмет, что захочет,
А там и прогонит, змеи вероломней:
Как лак на стопе, мол, истерся — на что
мне?

Корыстны, бесчестны и глупы,
к тому же нечисты, жестоки.
О, скольким из женщин присущи
дурные пристрастья, пороки!

Снаружи — само обаянье,
внутри же — отрава. Плоду
Гунджаки подобные девы
кем созданы, нам на беду?»

Так рассуждал сам с собой подвижник, а жена ткача поглядывала на него с большой опаской.

Тем временем, держа в руке отрезанный кончик носа, ее подруга вернулась к себе домой. Она с горечью раздумывала, как ей быть, что сказать в свое оправдание.

Но муж ничего не заметил. Торопясь по делам, он попросил ее, стоя в дверях:

— Дорогая! Принеси мне сумку с бритвенными принадлежностями — я иду брить нашего государя.

Жена схватила сумку, вытащила из нее бритву и швырнула ее в мужа. Разгневанный тем, что она не только не подала ему сумку, но и могла поранить его неосторожно брошенной бритвой, цирюльник метнул бритву обратно — прямо в лицо своей жене. В притворной ярости воздев руки вверх, она выскочила на улицу и громко заголосила:

— Смотрите, люди добрые. За мной ни одного греха не водится, а этот злодей отрезал мне нос. Помогите, помогите!

Откуда ни возьмись, набежала царская стража. Они изрядно отделали цирюльника палками, крепко-накрепко связали и вместе с женой отвели в суд.

— Ваши милости! — возгласили стражники. — Этот человек без всякого на то повода отрезал нос у своей жены. Накажите его, как того требует закон.

— За что ты покалечил свою жену? — начали допрашивать судьи. — Может быть, она сошлась с другим, изменила тебе или, может быть, обворовала?

Избитый до полусмерти цирюльник не мог

вымолвить ни слова. Судьи приняли его молчание за признание вины.

— Стало быть, верно говорят стражники, — решили они. — Виноват именно он, а не его несчастная жена. Сказано ведь:

Смятенье, трепещущий голос,
Рыскающие глаза с пеленою —
Не явные ль это приметы
Всех, удрученных своею виною?

И еще:

Шатается, речи — с запинкой,
лицо вытирает, потея,
Глаза потупляет смущенно —
все это приметы злодея.

С другой стороны:

На судей глядит невинный
без страха, уверенно, твердо,
И лживые все измышленья
отводит спокойно и гордо.

Все признаки свидетельствуют, что цирюльник и впрямь покушался на жизнь своей жены. Его следует посадить на кол.

Бедного цирюльника хотели уже было повести на место казни, но тут выступил вперед Девашарман, который все это время держался в сторонке.

— Уважаемые судьи, — сказал он. — Эта женщина ранена не цирюльником — он человек весьма достойный.

И тут он произнес стих:

— Погибель настигла шакала,
обкраден я Ашадхабути,
И сводне досталось. Однако
мы сами виновны, по сути.

— Расскажи об этом подробно, — попросили судьи, и Девашарман поведал им обо всем, что ему довелось видеть и слышать.

Судьи слушали его с большим изумлением, а когда он кончил, велели освободить цирюльника, сказав:

— Подвижников, брахманов, женщин,
детей и недужных — исконно
Казнить запрещают: их только
увечить во власти закона.

Поскольку жена цирюльника из-за своих бесчестных проделок уже лишилась носа, государь повелел ей отрезать оба уха. После того как его веление было исполнено, Девашарман, который к тому времени уже перестал горевать по поводу утраты денег, направился обратно в святилище.

— Как же все-таки случилось, что этот мошенник Ашадхабути изловчился обокрасть человека столь добродетельного? — спросил Каратака.

Даманак ответил:

— Бывает, и бога обманет
искусный проныра, ловкач.
Прикинувшись Вишну, женился
на царской наследнице ткач.

— Расскажи об этом подробно, — попросил Каратака, и его приятель поведал такую историю.

Рассказ пятый

— Жили некогда в одном селении двое загадочных друзей — колесник и ткач. Дружба их вела начало с самых ранних лет, они были всегда неразлучны. Однажды в этом селении, где находилось святилище, устроили праздник с торжественным выездом священной колесницы. Собралось множество народу из окрестных мест. Их потешали шуты и плясуньи. Приятели разгуливали, как всегда, вместе и вдруг заметили паланкин, в котором восседала царевна несказанной красоты. Вокруг нее толпились евнухи и многочисленная челядь. Сраженный стрелой бога любви, ткач рухнул наземь, будто его отравили или заколдовали. Сильно встревоженный, с помощью оказавшихся поблизости друзей, колесник отнес его к себе домой. Там его кое-как привели в чувство всевозможными лекарственными снадобьями и заклинаниями.

— Почему ты впал в беспамятство — расскажи, друг, — попросил его колесник.

— Так и быть, в ответ на твою просьбу, я открою тебе свою тайну, — проговорил ткач, — и если ты мне истинный друг, прикажи разложить погребальный костер. Прости меня за то, что я обременяю тебя такой просьбой.

Колесник выслушал его со слезами на глазах.

— Почему ты ведешь такие печальные речи? — сказал он. — Само собой, я сделаю для тебя все, что в моих силах. Недаром говорится:

Для разума и для богатства,
для снадобий и для заклятий
Все в мире доступно, возможно,
нет неисполнимых изъятий.

С помощью этих четырех средств: разума, богатства, снадобий и заклятий я сделаю для тебя все, что в человеческих силах.

— Ах, друг, — горестно вздохнул ткач, — ни эти четыре средства, ни тысячи других не могут исцелить моего горя, посему не трани время: прикажи разжечь погребальный костер.

— Открой же мне свое горе, — попросил колесник, — и если оно и впрямь неисцелимо, я взойду вместе с тобой на костер. Мы были неразлучны в жизни — будем же неразлучны и в смерти.

— Мой друг, — признался ткач, — в то самое мгновение, когда я увидел царевну в паланкине, бог, на знамени которого нарисовано морское чудище, и причинил мне столь великое горе.

Внимательно выслушав его, колесник с легкой улыбкой произнес:

— Ну, твое горе не так уж непоправимо, как ты убежден. Сегодня же постараюсь устроить тебе свидание с царевной.

— Но ведь это совершенно несбыточная затея, — возразил ткач. — Ты знаешь, что дворец охраняется множеством бдительных стражей. Как же я смогу проникнуть в покои царевны? Зачем ты тешишь меня напрасными надеждами?

— Сейчас ты убедишься, сколь велика сила

моего разума,— молвил колесник и показал другу точное подобие Вайнатеи, сооруженное из дерева, кожи и перьев. Как и настоящий Вайнатея, он был нагружен метательным диском, палицей, раковиной, каустубхой и украшен лотосом. Управлялся он с помощью рычага. Усадив ткача на своего Вайнатею, колесник научил его пользоваться рычагом. Затем, придав ткачу обличье самого великого Вишну, он сказал:

— Сегодня ночью ты под видом бога проникнешь в опочивальню царицы, находящуюся на седьмом этаже дворца. Представься ей, глупенькой, как сам Васудева, ублажи ее ласковыми речами и, выполнив все предписания Ватсьяны, постарайся овладеть ею.

Ночью, воссев на Вайнатею, ткач влетел в окно опочивальни.

— О, пробудись, безмятежно спящая! — возгласил он громким голосом. — Покинув пылко-страстную Лакшми, добытую при пахтании молочного океана, прилетел я к тебе, дабы соединиться с тобой в любовных объятьях.

Она же, увидев перед собой четырехрукого бога, восседающего на Гаруде, со всем его оружием, с каустубхой, восстала, изумленная, с лотоса и почтительно молвила:

— О царь богов! Я всего-навсего простая смертная девушка, не сподобившаяся никакой святости. Мой долг повелевает мне склониться перед богом, освящающим все три мира. Но возможна ли близость между богом и простой смертной?

— Я понимаю твои сомнения, о счастливица! — ответил мнимый Вишну. — Но ты хорошо знаешь, что моя супруга Радха родилась в про-

стой пастушеской семье. Я спускался к ней с высоты небес, как нынче спустился к тебе.

— Но ведь ты должен испросить благословение моего батюшки, — сказала царевна. — Он человек рассудительный и не станет противиться нашему соединению.

— Не могу же я предстать пред простыми смертными во всем своем величии. Это может вызвать нежелательные толки. Посему ты должна вступить со мной в брак по обычаю гандхарвов. Если же ты, обуянная непомерной гордыней, посмеешь мне воспротивиться, я испепелю твоего отца со всем его семейством.

Мнимый Вишну соскочил с Гаруды, взял за руку царевну, всю трепещущую от страха и стыдливого ожидания, со смятенными слезами на глазах, и повел ее к ложу. Остаток этой ночи они провели в полном согласии с предписаниями Ватсьяяны, а когда забрезжило утро, ткач, никем не замеченный, улетел к себе домой. С тех пор он навещал ее каждую ночь.

Однажды один из свнухов заметил на нижней губе царской дочери следы укусов и сказал другим евнухам:

— Видимо, царская дочь утратила свое целомудрие. Ума не приложу, как это могло случиться в тщательно охраняемом дворце. Надобно доложить обо всем нашему повелителю.

Посоветовавшись, евнухи отправились все вместе к царю и сказали ему:

— У нас есть основания подозревать, что кто-то тайно проникает в бдительно охраняемую опочивальню твоей дочери.

Царь, сильно встревоженный, подумал:

«С дочерью малой — заботы,
с большой —
Хуже еще, все болеешь душой:
Где бы супруга такого сыскать,
Чтобы ей горя вовеки не знать?»

И еще о том же:

Рождается, матери боль причина.
Растет — в бесконечной тревоге родня:
Красавице как жениха подберешь?
Поди разберись-ка, кто плох, кто
хорош».

После долгих размышлений он поделился своим беспокойством с царицей:

— О богоравная! Надо проверить, правду ли говорят внухи. Если же правду, то нет кары достаточно жестокой, чтобы покарать этого негодяя!

Встревоженная царица тотчас поспешила к дочери и, осмотрев ее, увидела следы укусов на нижней губе и следы ногтей по всему телу.

— Ах, грешница! — ахнула царица. — Ты опозорила наш род. А ну-ка поведай мне, какой негодяй, заслуживающий самой лютостью казни, забирается к тебе в опочивальню. Говори без всякой утайки.

Смушенно потупясь, дочь рассказала, что к ней по ночам навевается сам Вишну. Выслушав ее, с сияющим от радости лицом мать бросилась к царю:

— О богоравный! На нас снизошло великое счастье. Нашу дочь посещает сам великий Нараяна, с которым она состоит в браке по обычаю гандхарвов. Давай сегодня ночью понаб-

людаем в слуховое окно. Помни только, что бог не устаивает своей речью простых смертных.

Царь был очень обрадован. Он ждал ночной темноты с таким нетерпением, что день показался ему равным столетию. С вечера царь с царицей устроились около слухового окна, так, чтобы хорошо видеть небо. Вскоре они увидели летящего Гаруду и на нем ткача в облики Вишну, вооруженного метательным диском и палицей, с лотосом и раковиной. Грудь царя как будто наполнилась животворной амритой.

— О дорогая! — гордо сказал он супруге. — На свете нет никого счастливее нас, ведь нашу дочь возлюбил сам великий Нараяна. Отныне исполнятся все наши желания. Имея за собой поддержку такого зятя, я завоюю всю землю.

На другой день он повелел своим войскам перейти границы соседних царств. Началась война, сразу на все стороны.

Через свою жену царь передал дочери такую просьбу:

— Доченька! Когда будешь разговаривать нашим зятем Нараяной, спроси у него, почему он не разгромит всех этих наглецов, которые осмеливаются вести войну против его тестя. Пусть он их покарает достойно!

— О чем тут говорить, любимая? — сказал ткач, когда царевна передала ему эту просьбу. — Разумеется, я покараю всех врагов твоего отца. Разнесу их на мелкие куски своим метательным диском и палицей.

К тому времени вся страна была уже захвачена врагами. Единственным оплотом царя оставалась его крепость.

Не зная, что под личиной Вишну скрывается простой ткач, царь посылал ему редкостные благовония: агуру, камфару, мускус, роскошнейшие одеяния, изысканнейшие яства и напитки и снова и снова просил дочь передать его отчаянную мольбу.

— О божественный! У наших людей не осталось ни еды, ни топлива, чтобы сготовить ее. Они так ослабли, что не могут даже сражаться. Завтра крепость неминуемо падет. Спаси же ее защитников от гибели, о божественный.

Ткач вынужден был призадуматься.

«Если крепость и впрямь падет, — испугался он, — я потеряю свою возлюбленную. Уж лучше я воссяду на Гаруду и во всеоружии предстану пред вражеским войском. Вполне возможно, что осаждающие примут меня за Васудеву и погибнут от страха. Речено же:

Змея устрашает шипеньем,
раздутым своим капюшоном.
Быть может, нет яда, но это
неважно уже устрaшенным.

Ну, а если я паду при защите крепости, то это, может статься, еще лучше. Сказано ведь:

Навеки отринет рождений оковы,
Кто жизнью пожертвует ради коровы,
Властителя, брахмана, женщины ради,
А также чтоб крепость спасти, при осаде».

Так порешив, поутру он снарядился к бою и молвил своей возлюбленной:

— Сегодня, моя дорогая, я отведаю вражеской крови. По твоему слову я выступлю на

битву вместе со всем нашим войском. С небесной высоты я обрушусь на всех этих царишек и посрамлю их славу. Те, кто падет от моей руки, даже если они и закоренелые грешники, вознесутся в рай Вайкунтха. Тех же, кто падет не от моей руки, минует сия блаженная участь.

Царевна поспешила передать отцу все, сказанное ей ткачом.

С благодарностью выслушав слова ободрения, царь рано утром выступил из крепости во главе хорошо вооруженного войска. Приготовясь мысленно к смерти, ткач взял в руки лук, воссел на Гаруду и тоже полетел на битву.

В то же утро Нараяна вспомнил о Пожирателе Змей, и тот сразу предстал пред своим повелителем.

— О Гаруда! — спросил бог. — Ведомо ли тебе, что некий ткач, приняв мое божественное обличье, летая на твоём деревянном двойнике, наслаждается любовью царской дочери?

— Да, божественный, ведомо, — ответил вождь Вайнатей. — Как же нам следует поступить?

— Ткач отправился на битву с твердым намерением умереть, — молвил вседостоинный Нараяна. — Его может поразить стрела какого-либо смертного. Если такое и впрямь произойдет, сыщутся досужие болтуны, которые разнесут весть, что вот, мол, простой воин сразил великого бога, восседающего на Гаруде. С этих пор ни мне, ни тебе не будут приносить полагающихся жертв. Посему немедля вселись в деревянного Гаруду, я же войду в тело ткача и разметаю всех их врагов. Их гибель послужит к нашей вящей славе.

— Повинуюсь, — ответил Гаруда. Он сделал, как ему было велено, сам же повелитель воплотился в ткача. Наделенный его могуществом, ткач в мгновение ока поразил доблестнейших вражеских воинов. Подоспевший царь прикончил всех оставшихся в живых.

Благодаря всему этому народ уверился, что зять царя — сам великий Вишну: он-то и разгромил врагов. Видя, что все враги поражены, победа одержана полная, обрадованный ткач спустился с небес. Тут-то и сам царь, и его советники, и все горожане узнали ткача, который жил в их городе.

— Как это может быть? — удивились они.

И он, ничего не скрывая, поведал им обо всем. Восхищенный его умом и отвагой и признательный за славную победу, одержанную с его помощью над врагами, царь устроил ему, как положено по обычаю, пышную свадьбу, отдав ткачу не только свою дочь, но все царство. Отныне ткач, как это свойственно всему живому, вкушал счастье любви вместе со своей женой. Потому-то и сказано:

Бывает, и бога обманет
искусный проныра, ловкач,
Прикинувшись Вишну, женился
на царской наследнице ткач.

Выслушав его, Каратака сказал:

— Все, тобою реченное, справедливо. Но я так и не знаю, как нам поступить.

— Положись на мой ум, — ответил ему Даманака. — С его помощью я сумею обхитрить господина Сандживаку. Говорится же:

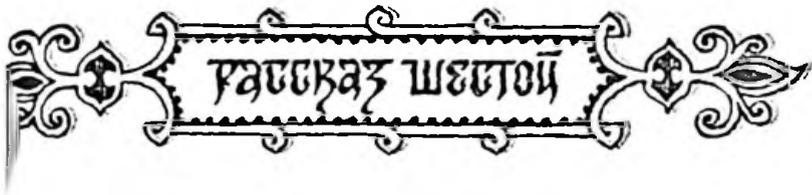
Известно, что ум изощренный,
отточенный, словно копье,
Смертельные раны наносит
стране и владыке ее.

— Хоть ум твой, не спорю, и остер, — сказал Каратака, — но все же ты не сумеешь разлучить Пингалаку с Сандживакой.

— Иной раз, братец, и неспособный оказывается способным, а что же говорить о способном? — возразил Даманака. — Говорится же:

Где всякая сила бессильна,
там надобно ум применить.
Ворона змею погубила,
подбросив жемчужную нить.

— Расскажи об этом подробно, — попросил Каратака, и Даманака поведал такую историю.

— Росла в некоей стране раскидистая смоковница, на которой свила себе гнездо пара ворон. Но, на беду, в их гнездо повадилась черная змея: только воронята повылупятся, — она тут же их пожирает. В конце концов вороны отправились за советом к своему доброму приятелю-шакалу, который жил под одним из соседних деревьев.

— Вот какое у нас несчастье, — пожалова-

лись они, — всякий раз, как у нас вылупляются воронята, из дупла вылезает черная змея. Эта злодейка пожирает наших птенцов. Нет ли какого-нибудь средства защититься от нее, посоветуй.

Коль поле твое у реки,
твоя благоверная в блюде
Погрязла, а в доме — змея,
как жить — посоветуйте, люди!

Да и наша собственная жизнь в опасности, куда мы живем на этом дереве.

— Что можно сделать в столь тесном месте? — молвил шакал. — Разве что попробовать убить злобного врага.

Кто телом и слаб и тщедушен,
но знает надежное средство,
Легко победит супостата,
в чьем сердце — обман и
зловредство.

И еще:

Множество рыб съел журавль.
Думал он: «Всех изловлю».
Но удушил его рак.
Тут и конец журавлю.

— Расскажи об этом подробно, — попросил Каратака, и Даманака поведал такую историю.

Рассказ старшой

— Есть в некоем краю озеро, изобилующее всяческой водяной живностью. На его берегу поселился журавль. Был он до того дряхлый, что уже не мог ловить рыбу. И вот однажды, не в силах вынести муки голода, принялся он лить горючие слезы. К нему приблизился рак в сопровождении множества различных жителей озерных вод.

— Дядюшка, — участливо спросил он, — почему ты весь день стоишь на одном месте, ничего не ешь, только плачешь?

— Я скажу тебе всю правду, племянничек, — ответил журавль. — Я дал великий зарок: отныне не ешь рыбу. Тебя окружает много рыб. Но ты сам видишь, я даже не пытаюсь их проглотить.

— Почему ты дал этот зарок, дядюшка?

— На берегу этого озера я родился, жил и состарился, — ответил журавль. — Сам посуди, каково мне было узнать, что целых двенадцать лет здесь не будет дождей.

— Как же ты это узнал? — спросил рак.

— Так явствует из расположения светил, — ответил журавль. — Сыну Солнца предстоит столкновение с Повозкой Рохини, Месяцу — с Бхаумой. А ведь звездочет Варахамихира предрек:

Уж если Сын Солнца столкнется
с Повозкою Рохини вдруг,
Двенадцатилетнею сущью
все выжжено будет вокруг.

— Тут недалеко есть полноводное озеро, заросшее лотосами, — отвечал журавль. — Даже если не выпадет ни одного дождя, это озеро не пересохнет и за двадцать четыре года. Я мог бы перенести вас всех туда.

Доверчивые жители вод наперебой принялись умолять журавля:

— Отнеси меня первого, дядюшка.

— Нет, меня.

— Нет, меня.

А этот душегуб, который обольстил их всех ложными посулами, брал их по одному, относил на высившуюся поблизости скалу и там пожирал.

Наконец к нему обратился рак:

— Дядюшка! Ты не раз говорил о своем расположении. Почему же ты оставляешь меня здесь? Уж сегодня-то отнеси меня в то озеро.

«Опостылело мне питаться одной рыбой, — подумал обрадованный журавль. — Отчего бы мне не полакомиться рачьим мясцом?»

Так порешив, он подхватил рака и полетел к скале. Рак еще издали увидел груды рыбьих костей.

— Далеко ли еще до озера? — спросил он журавля. — Не выбился ли ты из сил, я ведь тягеловат. Может быть, передохнем?

«Ну и глупец же этот рак!» — усмехнулся журавль. И произнес вслух:

— До озера еще далеко. Да я и не собираюсь туда лететь. Помолись-ка ты лучше своему богу-покровителю, потому что сейчас я сброшу тебя на скалу и съем.

Но рак не растерялся, ухватил журавля клешнями за тонкое, с лotosовой стебель, горло и стиснул с такой силой, что журавль сразу

же задохся. А рак спустился со скалы и побрел в то самое озерко, откуда его унес журавль.

Обитатели вод подступили к нему с настойчивыми расспросами:

— Почему ты возвратился? Не прихворнул ли часом? И почему задерживается дядюшка? Мы все с нетерпением ожидаем, когда же он выполнит обещанное.

Рак засмеялся:

— Всех, кто ему доверился, он сожрал вон на той скале, что виднеется невдалеке. Я тоже верил ему до последнего мгновения, но как только узнал его истинное намерение, схватил за горло и удушил. В подтверждение истинности моих слов я принес вам кусочек его шеи. Отныне можете жить в спокойствии и мире. Вот почему я и говорю:

Множество рыб съел журавль.

Думал он: «Всех изловлю».

Но задушил его рак.

Тут и конец журавлю.

— Как же мне все-таки расправиться со змеей? — спросил ворон. — Я все жду твоего совета.

Шакал ответил:

— Лети, дорогой, в царскую столицу. Укради там у какого-нибудь богача-ротозея или царского советника дорогую цепочку или ожерелье и брось в дупло этой змеи. Когда будут разыскивать пропажу, ее непременно убьют.

Ворон и ворона тут же отправились в путь. Полетели они порознь. Пролетая над каким-то озером, ворона увидела, что в нем плещутся

и предаются веселым забавам царские жены, оставив на берегу расшитые одежды и дорогие украшения. Ворона схватила жемчужную нить и полетела в свое гнездо. Один из евнухов успел приметить, как она похитила жемчужную нить, схватил палку и вместе с другими слугами бросился вдогонку. Ворона кинула жемчужную нить в дупло, где жила змея, а сама уселась неподалеку. Царские слуги не мешкая полезли на дерево. Заглянув в дупло, они увидели змею, которая с грозным шипением раздувала свой капюшон. Убив ее палками, они забрали жемчужную нить и, радостные, возвратились во свояси. С той поры ворон и ворона жили в полном довольстве и счастье. Потому я и говорю:

Кто телом и слаб и тщедушен,
но знает надежное средство,
Легко победит супостата,
в чьем сердце — обман
и зловредство.

Нет ничего недостижимого для тех, кто наделен разумом. Речено же:

Разумный, хотя он и мал,
победы над сильным добьется.
Так заяц сумел утопить
владыку лесного в колодце.

— Расскажи об этом подробно, — попросил Каратака, и Даманака поведал такую историю.

КАВКАЗ ВОЗВЬЮЙ

— Жил в некоем лесу лев по имени Бхасурака. В опьянении своим могуществом он беспощадно истреблял газелей, зайцев и прочее лесное зверье. Но вот однажды все родившиеся в этом лесу вепри, буйволы, пятнистые олени, зайцы и прочие обратились к лесному владыке с такой просьбой:

— О господин! Зачем ты убиваешь столько животных, хотя для утоления голода тебе хватило бы и одного? Мы предлагаем тебе такой уговор: каждый день, начиная с нынешнего, мы будем присылать тебе по одному лесному жителю. Если ты примешь этот уговор, то до конца жизни будешь жить в сытости и довольстве. Что до нас, то мы будем соблюдать его неукоснительно. Но ведь и царю надлежит придерживаться дхармы. Предписано же:

Царю соблюдать подобает
умеренность, в этом вся суть.
Лишь в маленьких дозах полезно
лекарство, в котором есть ртуть.

Под мудрым правленьем приходит
и к бедной стране процветанье.
Не так ли огонь возжигают
при помощи тренья арани?

Блажен повелитель, который
по всей справедливости правит.
А тот, что чинит беззаконье,
навек себя обесславит.

Пастух охраняет и кормит
корову, не только доит.
Вот так и, блюдя справедливость,
царю поступать надлежит.

До нитки народ обирать —
властитель не глуп ли такой?
Козу забивающий — раз
насытится, но не другой.

Заботиться должен владыка,
к богатству стремясь, о народе.
Так в поте лица огородник
работает на огороде.

Владыка — горящий светильник:
хоть и забирает он ма́сло
У подданных — их награждает,
чтоб пламя его не погасло.

Известно правителям мудрым:
при дойке корову ласкают,
А древо водой поливают —
иначе плоды иссякают.

Разумный лелеет и холит
еще не окрепшие всходы.
Печась о народе, владыка
свои приумножит доходы.

Богатства казны, украшенья,
обильно растущие злаки,—
Все это царю приношенья,
ему благодарности знаки.

Властитель, вершащий народу
добро, процветает с ним вместе,
А тот, что, народ утесняя,
бесчинствует, гибнет в бесчестье.

Выслушав мудрые речения, Бхасурака сказал:

— О почтенные, все это истинно и справедливо! Но запомните, если вы хоть раз нарушите наш уговор, я сожру вас всех.

На том и порешили.

С тех пор лесные обитатели перестали опасаться за свою жизнь. Каждый день, в предобеденное время, ко льву являлся какой-нибудь зверь, либо совсем одряхлевший, либо отринувший сей мир, либо пожертвовавший собой ради спасения жены или любимого чада.

Но вот наступил черед зайца. Хотя и подгоняемый всеми зверьми, заяц с величайшей неохотой трусил по дороге. Он всячески старался оттянуть время угрожавшей ему расправы. Проходя мимо колодца, он заглянул в него и увидел собственное отражение. Тут-то его вдруг и осенило, как ему погубить лесного владыку. «Перво-наперво надо привести его в безумную ярость, а уж тогда с помощью хитрости можно добиться, чтобы он прыгнул в колодец».

Ко льву он приплелся уже в самом конце дня. Заждавшийся лев был вне себя от гнева. По углам его пасти клубились клочья пены. «Завтра утром я сожру всех лесных жителей», — рярился лев.

Тем временем тихонечко подошел заяц. Он низко поклонился и застыл в неподвижности.

— Как это ты, ничтожнейший зайчишка, посмел явиться так поздно, да еще и один, хотя ты такой крохотный?! — грозно ревел лев. — Теперь, по твоей вине, я истреблю всех зверей.

— О повелитель, тут нет никакой моей вины. Да и другие звери тоже не виноваты, — смиренно возразил заяц. — Соболаговоли выслушать, по какой причине я опоздал.

— Рассказывай, да побыстрее, пока я тебя не проглотил, — прорычал лев.

— О повелитель, — заговорил заяц. — Сегодня наступил мой черед. Зная, что я очень мал, звери послали со мной еще четырех зайчишек. Когда мы впятером направлялись к тебе, из своего логова выскочил громаднейший лев. «Куда это вы все идете? — спросил он. — Молитесь своим богам-покровителям и готовьтесь к смерти». А я ему говорю: «Мы все идем к нашему властелину Бхасураке, чтобы он мог сытно потрапезовать в условленное время». А тот лев как рыкнет: «Это мой лес. Со мной и договаривайся, в какое время являться ко мне, чтобы я мог потрапезовать. Этот ваш Бхасурака — вор и самозванец! Немедля же ступай и призови его сюда. Четырех зайцев я оставляю заложниками. Кто из нас двоих окажется более могучим, тот их сожрет. Он-то и будет здешним правителем». Об этом я и докладываю тебе, господин. Теперь ты знаешь причину моего опоздания.

— Вот что, любезный, — молвил Бхасурака, — покажи-ка мне этого самозванца. Я обрушу на него всю силу гнева и докажу свое превосходство. Сказано же:

Земли и богатств обретенье,
поддержка союзников — вот
Три цели похода, а нет их —
зачем же тогда и поход?!

Когда нет надежд на добычу
и можно войну проиграть,
В поход отправлять не годится
и самую смелую рать.

— Справедливо ты говоришь, о государь, —
льстиво согласился заяц. — Воины-кшатрии сра-
жаются, чтоб отстоять свои владения или
смыть нанесенное им оскорбление. Но этот лев
засел в своем логове, как в крепостной тверды-
не. А известно, что с врагом, укрывшимся
в крепости, справиться куда как трудно. Неда-
ром говорят:

Ни конная рать, ни слоновья,
вздымающаяся стеной,
В глазах государя не стоят
твердыни одной крепостной.

Сто лучников, скрытых в твердыне,
врагов поражая мгновенно,
Прославят ее — утверждает,
кто сведущ в науке военной.

Еще в стародавнее время
асуров смиряя гордыню,
Веленьем великого Шакры
воздвиг Вишвакарман твердыню.

И сказано было: «Твердыней
владеющий — непобедим».
И всюду восстали твердыни,
как бы мановеньем одним.

Подобен беззубой змее
и в течке без пота слону,
Без крепости царь — нападут,
и вот он повержен, в плену.

— Ты мне только покажи этого самозванца, — снова зарычал Бхасурака, — и даже если он упрятался в крепости, я все равно его растерзаю. Правильно говорят:

Недуг торопись исцелить,
врага поражай наповал.
Свой час упустил — и, глядишь,
ты сам, уничтоженный, пал.

Врага презирающий: дескать,
ничтожен,
Владыка спесивый — им будет
низложен.
Не так ли недуг, чуть заметный
сначала,
Окрепнув, разит, как зменное жало?

И еще:

Кто смел и расчетлив рассудком —
к тому и приходит успех.
Как Бхаргава в битве с врагами,
один одолеет он всех.

— Твои рассуждения весьма убедительны, — согласился заяц, — и все же я был до крайности поражен мощью того льва. Разумно ли ввязываться в сражение, не выяснив, сколь велика сила твоего врага? Говорят же:

Не знающий собственной силы,
ни силы врага — на войне
Падет, беспощадно сраженный:
так бабочка гибнет в огне.

Кто пренебрегает врагом,
хоть силы его велики,
Бесславно отступит, как слон,
о скалы сломавший клыки.

— Тебе-то что, — рыкнул на него Бхасура-
ка. — Твое дело — только показать мне кре-
пость, где скрывается враг.

— Хорошо, — согласился заяц и повел льва
к колодцу.

Когда они подошли ближе, заяц добавил:

— Кто может устоять пред твоей мощью,
о государь?! Едва заприметив тебя, этот само-
званец сразу укрылся в своей крепости.

— Покажи мне, где его крепость, — велел
лев.

И тогда заяц показал ему колодец.

Увидев в воде собственное отражение,
глупый лев зарычал. Из глубины колодца до-
неслось еще более грозное рычание. Лев не раз-
думывая бросился на своего мнимого супоста-
та; тут-то и пришел ему конец. Заяц очень
обрадовался, вместе с ним обрадовались и все
остальные лесные жители. С тех пор, дружно
прославляемый всеми, он мирно и счастливо
жил в этом лесу. Вот я и говорю:

Разумный, хотя он и мал,
победы над сильным добьется.
Так заяц сумел утопить
владыку лесного в колодце.

Так что, ежели почтенный не возражает, я силою ума своего разрушу узы дружбы между Сандживакой и Пингалакой.

— Коли так, ступай, — ответил Каратака. — Да сбудется все, тобою замышляемое.

Воспользовавшись отлучкой Сандживаки, Даманака подошел к Пингалаке и приветствовал его почтительным поклоном.

— Почему тебя так давно не было видно, уважаемый? — спросил его лев.

— Я не приходил потому, что во мне не было никакой надобности, — ответил шакал. — Ныне же благоденствие моего повелителя под угрозой. Вот почему, терзаемый жестокой тревогой, я пришел побеседовать с тобой. Известно же:

Желая добра властелину,
в заботе о собственной чести,
Открой — и не спрошенный даже —
дурные ль, хорошие вести.

Уловив в словах Даманаки некий тайный намек, Пингалака спросил:

— Что ты имеешь в виду? Говори, любезный!

— О богоравный! — ответил Даманака. — Да будет благословенна власть твоих могучих лап! Сандживака замыслил предательство против тебя. Вот что он поведал мне в разговоре с глазу на глаз: «О Даманака! Я вижу, что своей мощью я превосхожу Пингалаку. Я знаю все его достоинства и недостатки. Поэтому я убью его и буду править всеми лесными жителями. Тебя же я возведу в сан главного советника».

Эти слова поразили Пингалаку как удар гро-

ма. В полном замешательстве он онемел. Заметив, как изменилось выражение его глаз, Даманака сразу понял: «Вот и конец дружбе между ним и Сандживакой. Государь погубит своего главного советника!»

Главою страны почитается раджа,
советник — его подчиненный,
Однако о том забывает порою,
владыкой самим облеченный
Высокою властью над всем
государством, —
и вот он уже, опьяненный,
Мечтает низвергнуть владыку, добиться
престола его и короны.

Кое-как оправясь от замешательства, Пингалака сказал Даманаке:

— Сандживака — мой верный слуга. Для чего ему злоумышлять против меня?

— Да, он твой слуга. Но это еще не доказательство его невиновности. Говорят же:

Все люди — и это не тайна —
мечтают о царском зонте.

А кто не мечтает об этом, —
до смерти в прислужниках те.

— Почтенный, — возразил Пингалака, — я продолжаю питать к нему самое дружеское расположение. Правильно говорится:

Случается, царский любимец
немало проступков свершил,
Но и провинившийся даже
владыке по-прежнему мил.

— В том-то и вся беда,— молвил Дама-
нака. —

Великое счастье вкусит
прислужник, владыке угодный,
Хоть, может быть, в сущности, он
не стоит его, низкородный.

Любопытно было бы знать, за какие такие не-
сравненные достоинства приблизил ты к себе
Сандживаку. Ведь он начисто лишен каких бы
то ни было добродетелей. Может быть, ты, бо-
горавный, уповаешь с помощью этого громад-
ного быка одолеть своих супостатов? Но эта
надежда тщетная. Он, как тебе хорошо ведомо,
травоед, а все, кто осмеливается оспаривать
власть твоих божественных стоп, могучие хищ-
ники. Поэтому тут он тебе не помощник. Его
следует обвинить в измене и предать казни.

Пингалака молвил в ответ:

— Уж если сам царь на совете
кого-то из слуг превозносит,
Пусть лучше молчит тот советник,
который его не выносит.

К тому же я, по твоей просьбе, даровал ему
освобождение от страха. Зачем ты его оговари-
ваешь? Да ведь и нет каких-либо веских обвине-
ний против нашего друга Сандживаки. Сказано
же:

Хоть дайтя похитил богиню,
велели его не губить.
Не след ядовитое древо,
вращенное нами, рубить.

Уж если живущему жизнь
дана небесами,
Поддерживать надо ее
священное пламя.

Уж если возвышен тобой
слуга недостойный,
Тебе же его низвергать —
не благопристойно.

Лишь в добрых делах доброту
мы все превозносим и ценим,
В дурных же делах доброта
зовется уже снисхождением.

Так что не вижу я ни малейших оснований подозревать Сандживаку в измене и не стану его карать.

— О владыка, — продолжал увещевать его Даманака, — дхарма царя состоит вовсе не в прощении изменников. Говорят же:

Того, кто стремится с владыкой
сравниться, убить надлежит.
Такой оттягает полцарства.
Промедлишь — сам будешь убит.

Из-за дружбы с Сандживакой ты перестал соблюдать царскую дхарму; это вызывает законное недовольство твоих подданных, полагающих, что близкое общение с травоедом пагубно сказывается на самой твоей натуре. Они опасаются, что ты перестанешь добывать мясо. А если тебя покинут все твои подданные, ты неминуемо погибнешь. Сам посуди, с тех пор как ты сдружился с Сандживакой, ты еще ни разу не ходил на охоту. А ведь сказано:

В точности так, как ты служишь,
служат тебе самому.
Кто опровергнуть сумеет
нашу природу саму?

И еще:

Капля воды, угодив
на раскаленный чугун, испаряется разом.
На сердцевине цветка
ярко сверкает она — драгоценным
алмазом.

В раковине же морской
станет жемчужиной та, что была лишь
водою.

И добродетель сама
определяется кругом общенья, средою.

И кроме того:

Отвергших добро окруженье
подвижнику даже во зло.
Общенье с Дурьодханой Бхишму
до кражи коров довело.

Так что и святые отвергают общение с недо-
стойными. Говорится же:

Зачем ты пристанище тем,
кого ты не знаешь, даешь?
Доверившаяся клопу
погибла злосчастливая вошь.

— Расскажи об этом подробно, — попросил
Пингалака, и Даманака поведал такую исто-
рию.

РАЗСКАЗ ДЕВЯТЫЙ

— Во дворце некоего государя была опочивальня с редкостной красоты убранством. Там, меж двух шелковых покрывал, жила вошь по имени Мандависарпини — Медленно Ползающая. Питалась она только царской кровью, и жизнь ее не оставляла желать лучшего. Но вот однажды в опочивальню заполз клоп по имени Агнимукха — Огненноустый. Его появление сильно встревожило вошь.

— Здесь тебе не полагается быть, — сказала она клопу. — Уползай отсюда, да поживее, покуда никто не проведал о твоём присутствии.

— Даже недостойных гостей не встречают так грубо, — отозвался клоп. — Справедливо говорят:

Гостей недостойных — и тех
всегда привечают словами: «Входи,
дорогой!

Устраивайся, где тебе
удобнее. Как поживаешь? Давненько с тобой
Не виделась. Ах, как я рад!»

Так требует гостеприимства старинный
закон.

В чертоги небесные путь
указывает — мудрецами начертанный — он.

Я твой гость, — продолжал клоп. — Какой только крови не доводилось мне пробовать на своем веку: горькой от плохого питания, со слизью,

острой на вкус, но еще ни разу не посчастливилось мне отведать крови, сладостью своей подобной соку манго. Дозволь же мне полакомиться кровью царя, который вкушает отменные блюда, приправленные самыми разными соусами, и запивает их сладчайшим питьем. Я уже предвкушаю, какое это будет несравненное наслаждение. Сказано ведь:

Кровью царя усладиться —
чем не изысканный пир?!
Все мы стремимся к богатству.
Так уж устроен наш мир.

Если ж богатство исчезнет,
все переменится вдруг.
Все подчиненье отвергнут —
и не останется слуг.

Пусть смертный и лжец, и обманщик,
пускай он в изгнание живет,
Но если владеет богатством —
ему неизменный почет.

Так угости же меня едой, коей питаешься ты сама, — кровью царя.

— О Агнимукха, — ответила Мандависарпини. — Я позволяю себе наслаждаться кровью царя, только когда он в глубоком сне. Ты же, клоп, нрава взбалмошного — как на тебя положить? Я могу удовлетворить твою просьбу лишь при одном условии — что ты будешь вкушать царскую кровь одновременно со мной.

— Так я и поступлю, госпожа, — охотно согласился Агнимукха. — Клянусь всеми богами

и святыми мудрецами, что я отведаю царскую кровь не ранее, чем ты.

Тем временем в опочивальню явился государь. Едва он прилег и закрыл глаза, как клоп не утерпел и впился в его тело. Верно сказано по поводу таких вот случаев:

Присущий нам нрав и природа —
всех наших поступков основа.
Вода, как ее ни нагреешь,
потом охлаждается снова.

Скорее огонь охладает
и гладь запылает реки,
Чем кто-то из смертных поступит
природе своей вопреки.

В тот же миг царь подпрыгнул, будто в него вонзили толстенную иглу, соскочил с кровати и завопил:

— Меня укусило какое-то насекомое: то ли клоп, то ли вошь. Должно статься, оно прячется под простыней.

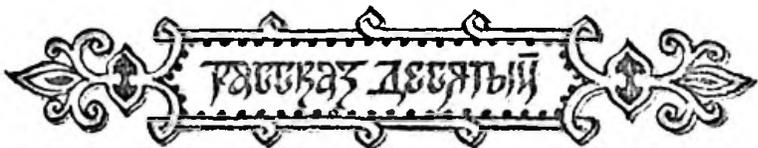
Постельничие, по долгу службы своей находившиеся в опочивальне, тут же схватили простыню и начали пристально ее разглядывать. Проворный клоп успел забиться в самый уголок, а вот Мандависарпини, от природы медленно ползающая, оказалась на самой середине. Ее сразу же поймали и придавили. Потому-то я и говорю:

Зачем ты пристанище тем,
кого ты не знаешь, дасшь?
Доверившаяся клопу,
погибла злосчастная вошь.

Если наперед известно, от кого тебе впоследствии смерть, надобно его убить. Не зря говорится:

Кто знается лишь с чужаками
и ближних отверг, неразумье
Являет: он будет растерзан,
подобно царю Какудруме.

— Расскажи об этом подробно, — попросил Пингалака, и Даманака поведал такую историю.

— В некоем лесном краю жил шакал по имени Чандарава. Однажды, нещадно мучимый голодом, он решил забежать в город. Со всех сторон тут же собрались городские псы и с громким лаем набросились на него. Искушенный острыми клыками, спасая свою жизнь, шакал юркнул в дом красильщика и запрыгнул в большой чан с синей краской. Вылез он оттуда весь синий. Собаки, которые подстерегали его у дверей, даже не узнали его, и он спокойно направился восвояси. С тех пор он утратил собственную масть. Сказано же:

У краски, у раков, у женщин
есть общее свойство одно:
Пристанут — уже не отстанут.
От них ускользнуть мудрено.

Завидев столь странного зверя с синей, как у самого бога Шивы, шей, все лесные обитатели: львы, тигры, пантеры, волки и прочие — в ужасе ринулись в разные стороны.

— Кто знает, чего ждать от этого диковинного чудища, — приговаривали они на бегу. — Лучше уж скрыться куда-нибудь подальше.

Не знаешь ни силы, ни рода,
тебе не внушает он веры? —
Держись в отдаленье: такие
опасны бывают без меры.

— Почему вы все в страхе разбегаетесь? — остановил их Чандарава. — Вам нечего опасаться. Меня сотворил сегодня сам Брахман. «Отныне, помазанный мною на царство, — повелел он, — ты будешь владыкой над всеми зверями. Величаться ты будешь царем Какудрумой — Скрипучее Дерево. Вот я и пожаловал к вам, дабы стать вашим правителем. С этих пор вы все находитесь под сенью моего царского зонта. Как меня величать, вы уже знаете, рожден же я в троемирье».

— Повелевай, о государь! — признали его власть все лесные обитатели.

Новоявленный царь Какудрума пожаловал льву сан главного советника, тигру — сан постельничего, пантере доверил охрану ларца с бетелем, волка назначил привратным стражем. Со своей же родней, шакалами, он и разговаривать не стал: повелел выгнать всех взащей. С того дня все хищные звери приносили добычу шакалу, а он уже — своей царской властью — делил ее между подданными.

Однажды, сидя в совете, он услышал вдалеке

протяжное завывание шакалов. И тут вдруг из его глаз хлынули слезы радости, и он, вскочив, громко завыл в ответ. Звери сразу же смекнули, кто перед ними. От стыда их головы поникли.

— Как же нас обманул этот пройдоха! — с горечью признались они. — Ведь это всего-навсего жалкий шакал, которого следует растерзать.

Шакал попробовал было спастись бегством, но его догнали и разорвали на мелкие куски. Поэтому я и говорю:

Кто знаетсЯ лишь с чужаками
и ближних отверг, неразумье
Являет: он будет растерзан,
подобно царю Какудруме.

— Какие же у тебя есть доказательства, что Сандживака замышляет недоброе? — спросил Пингалака.

— Да только сегодня он поклялся в моем присутствии: «Завтра на заре я убью этого Пингалаку». Какие еще нужны доказательства? Завтра утром, вот увидишь, он явится на совет с налитыми кровью глазами, с дрожащими губами, встревоженно озираясь по сторонам, и усядется на не подобающее ему место. Как тебе тогда поступить — решай сам.

Даманака тотчас же отправился к Сандживаке. Низко поклонился ему. Заметив, что шакал ведет себя как-то странно, будто его гнетет тревога, Сандживака ласково молвил:

— Здравствуй, друг. Да осенит тебя благо! Давно я тебя не видел. Уж не понадобилось ли тебе что-нибудь, чего у меня нет с собой? Если надо, я могу и домой сходить. Сказано же:

Да будет великое благо
ревнителю дружбы святой,
Который для помощи другу
с готовностью сходит домой.

— Какое может быть благо тому, кто живет
в услужении? — ответил Даманака. —

У слуг государевых вечно
тревога в душе — как заноза.
Не только богатства — и жизни
лишиться — над ними угроза.

И еще:

Корыстные царские слуги
не знают ни дружбы, ни братства
И жертвуют даже свободой,
чтоб только добиться богатства.

Рождаешься в муках великих,
и дальше — не жизнь, а мученье.
Но быть у других в услуженье —
поистине мук довершенье.

Пятеро: нищий, калека,
бродяга, глупец и слуга,
Бхаратам-братьям подобны:
обычно их жизнь недолга.

Ни душу открыть, ни наестся
и даже не выпастся всласть.
Одна у прислужника радость:
судьбу злополучную клясть.

Кто жизнью собачьей считает
служенье — собак обижает.
Те делают, что им охота.
Слуга же других ублажает.

Живет как аскет, голодает,
ночует один, безгреховен.
Заслуг же слуге не считают:
всегда и во всем он виновен.

О, если бы слугам зачли
их тяжкие муки в заслугу,
Мгновенно настал бы конец
рождений извечному кругу.

Ну, много ли вкуса в оладьях,
полученных за услуженье?!
Хоть испечены превосходно,
поешь — начинается жженье.

— Что ты говоришь, любезный? — удивился
Сандживака.

— Конечно, советникам не полагается рас-
крывать государственные тайны, — сказал Дама-
нака. — Ведь сказано же:

Болтун, разглашающий тайны,
доверенные властелином,
Да будет казнен: натворит он
сто бед языком своим длинным.
Сам Нарада так предписал:
тем, кто виноват в разглашенье
Царем поверяемых тайн,
один приговор — удушенье.

Однако я питаю к тебе искреннее дружеское
чувство и не могу утаить от тебя тайны, дове-
ренной мне близким другом во дворце нашего
царя. Сказано ведь:

На тех, кто во зло обратил
чужое доверье, к обману
Прибегнув, жестокий позор
ложится — так учит сам Ману.

Вот какое злодеяние задумал наш Пингалака. Сегодня утром, когда мы остались наедине и никто не мог подслушать нашего разговора, он поделился со мной своим замыслом. «Я должен убить Сандживаку, — сказал он, — тогда все звери смогут надолго утолить терзающий их голод». — «О владыка, — горячо возразил я, — негоже предавать истинных друзей. Говорят же:

Даже убийство простится,
если и ночью и денно
Каяться, но не простится
верному другу измена».

Пингалака же сказал с укоризной: «Но ведь этот зломысленный Сандживака — травоед, мы же все питаемся мясом. Меж нами исконная вражда. Врагов щадить опасно, от них следует избавляться любым способом, иначе сам же и окажешься виноват. Не зря сказано:

Рази беспощадно врага,
пускай он твой зять, — все равно.
И будет убийство его
богами тебе прощено.

Любое коварство боец
готов применить на войне.
Сын Дроны примером тому:
убил Дхриштадьюмну во сне».

Едва я сведал о его тайном умысле, как тотчас поспешил к тебе. Тем самым я оправдал твое доверие ко мне. Ты же поступай, как сочтешь нужным.

Его слова поразили Сандживаку как удар грома и повергли его в глубокое отчаяние.

— Верно говорится, — молвил он, —

Богатством — скупец обладает,
Подлый владеет женою прекрасной.
Твердыню, бесплодные скалы
Влага дождя орошает напрасно.

Я думал: он служит усердно,
а он оказался злодеем,
Меня ни во что он ни ставит.
Им замысел гнусный лелеем.

Уж лучше в чащобе глухой обитать,
Таскать на себе неподъемную кладь,
Уж лучше погибнуть в пути от ножа,
Чем жить, властелину-злодею служа.

Зря я завел дружбу с царем. Истинно речено:

Кто равен богатством и родом —
меж теми лишь дружба возможна.
Но дружба богатого с бедным,
увы, непрочна, ненадежна.

И еще:

Коровы — с коровами вместе, олени —
С оленями. Дружеских уз укрепленье
Зависит от равенства. Ищет ученый
Для дружбы подобный же ум
просвещенный.

Даже если я пойду и попытаюсь его умили-
вить, все равно мне уже не вернуть его благо-
расположения. Говорят же:

Кто гневается справедливо —
того успокоить нетрудно,
Но трудно того успокоить,
кто гневается безрассудно.

Говорят еще и такое:

Преданным слугам, которым
дорого благо владыки, которым чужда
Самая мысль об измене, — все же опасность одна
угрожает всегда:

Чуть провинились, владыка
ярость на них, о заслугах забыв, изольет.
Верить такому не то же ль,
что полагаться на милость Властителя
Вод?

И кроме того:

Служителей верных
ценить по заслугам не склонны,
Зато превозносят
бесчинно поправших законы —
Изменчивы души
царей, их дела и сужденья.
Не в силах и йоги
постигнуть всей тайны служенья.

Я вижу, что приближенные Пингалаки позави-
довали той милости, которую он мне оказывал,
и оговорили меня. И вот уже государь воспы-
лал несправедливым гневом. Правильно гово-
рится:

К отмеченным милостью царской
у слуг — беспредельная злоба.
И жены не терпят, чтоб кто-то
из них был возлюблен особо.

Случается, правда, и так, что достойный слуга
в окружении недостойных слуг бывает обойден
царской милостью. Не зря говорится:

Где есть добродетель, найдется
достойней еще добродетель.
Так утром тускнеет светильник,
хоть ночью казался он светел.

— Коли так, тебе нечего бояться, — успокоил
его Даманака. — Ты сможешь утишить его гнев
умелыми речами.

— Нет, друг, — ответил Сандживака. — Сколь
бы ни были ничтожны клеветники, правды им
никогда не докажешь. Их можно только унич-
тожить. Сказано же:

Средь пандитов — множество склонных
к обману: с доверчивым людом
Они поступают как ворон
и хищные звери с верблюдом.

— Расскажи об этом подробно, — попросил
Даманака, и бык поведал такую историю.

Рассказ одиннадцатый

— Жил в некоем лесном краю лев по имени Мадотката. Среди его приближенных были пантеры, шакалы и вороны. Однажды увидели они в своем лесу верблюда, который отбился от каравана. Звали его Катханаккой.

— Что за диковинное существо! — изумился лев. — Не знает ли кто-нибудь из вас, лесной он обитатель или деревенский?

— Он деревенский обитатель, — объяснил ему ворон. — Это верблюд, и он вполне пригоден для съедения. Задери же его!

— Как я могу убить гостя, который пожаловал в мои владения? — сказал лев. — Говорится же:

И недругу, если явился в твой дом,
Достойный окажет достойный прием.
Убийство его — нет гнуснее вины —
Сто брахманов будто тобой сражены.

Передайте пришельцу, что я жалею ему освобождение от страха, и приведите его сюда, дабы я мог спросить, зачем он пришел.

Звери передали верблюду заверения своего повелителя и отвели к Мадоткате. Верблюд рассказал льву, что отстал от каравана и заблудился.

— Зачем тебе возвращаться в свою деревню, Катханака? — сказал ему лесной владыка. — Тащить вьюки — работа тяжелая, неблагоприятная.

Лучше живи в нашем лесу, питаюсь нежными побегами.

Катханака согласился. С тех пор он бродил вместе с другими зверями, не испытывая никакого страха, вполне довольный своей судьбой.

Однажды Мадоткате пришлось выдержать жестокую схватку с громадным слоном, который забрел в его владения. В этой схватке он был изранен слоновьими бивнями, едва уцелел и до того ослаб, что и шагу ступить не мог. Он уже не приносил добычу своим слугам: ворону и прочим, и все они, изголодавшись, впали в великое уныние.

— Найдите же хоть какую-нибудь живую тварь, с которой я мог бы справиться даже и такой немощный, — сказал им Мадотката. — Тогда и всем вам перепадет кусок-другой.

Слуги долго блуждали по лесу, но так и не нашли никакой подходящей живой твари. Тогда ворон посоветовался с шакалом.

— Наш повелитель не в силах охотиться, — сказал шакал, — Катханака же пользуется особой его милостью. Нет у нас иного способа спасти свои жизни, кроме как съесть его.

— Ты говоришь сущую правду, почтенный, сущую правду, но ведь наш повелитель даровал ему освобождение от страха, — сказал ворон. — Он ни за что не согласится убить своего друга.

— Я улажу это дело, — вызвался шакал. — Вы подождите меня здесь, а я схожу к нашему повелителю, уговорю его и сразу же возвращусь.

Так порешив, он поспешил ко льву.

— О богоравный, — молвил шакал, — мы обежали весь лес, но не нашли ни одной подходящей живой твари. Что же нам делать? Мы

совсем ослабли от голода, еле ноги таскаем. Да и тебе надо подкрепить свои силы. Если бы ты дал свое милостивое соизволение, нынче мы отведали бы верблюжатины.

— Да как ты смеешь предлагать такое, негодяй! — заревел лев, разъяренный столь дерзостной речью. — Сейчас я тебя растерзаю. Слыханное ли это дело — убивать того, кому пожаловал освобождение от страха! Сказано же:

Даруют вкуснейшую пищу,
даруют быков и коров,
Но освобожденье от страха —
поистине дар из даров.

— Убийство того, кому пожаловано освобождение от страха, и впрямь может почитаться тяжким грехом, — откликнулся шакал. — Однако если он сам, по доброй своей воле, припадет к стопам повелителя, готовый пожертвовать собой ради его спасения, то следует принять эту жертву. В противном случае придется пожертвовать собой кому-нибудь из нас. Не можем же мы допустить, чтобы наш повелитель погиб голодной смертью. Но даже если кто-нибудь из нас и взойдет на погребальный костер, то это не спасет повелителя. Из этого не приотечет ничего хорошего. Говорят же:

Гибель того, кто главнейший в роду,
И на весь род накликает беду.
Если не выдержит ось в колесе,
Тут же и спицы сломаются все.

— Что ж, поступай, как повелевает тебе твой долг, — сказал Мадотката.

Шакал быстро воротился к своим товарищам и горько запричитал:

— Великая беда нависла над нашим повелителем. И нет у него иных заступников, кроме нас. Если он и впрямь покинет сей мир, сраженный губительным голодом, то вся вина падет на нас. Сказано же:

Слуга, что спокойно взирает
на муки царя своего,
Отправится в ад — справедливо
постигнет возмездье его.

И вот все они, с очами, полными слез, предстали перед Мадоткатой.

— Ну что, изловили ли вы или хотя бы видели живую тварь, пригодную для съедения? — спросил их лев.

Выступив вперед, ворон ответил:

— Мы обыскали весь лес и не только не изловили, но даже и не видели твари, пригодной для съедения. Поэтому, владыка, я жертвую собой ради поддержания твоей жизни. Съешь меня — и я обрету небесное блаженство. Говорится же:

Кто жизнью пожертвовать рад
во имя спасенья царя,
И старость и смерть победит,
в небесную высь воспаря.

— Но ты же, ворон, слишком мал телом, — вмешался шакал. — Наш повелитель не насытит-ся тобой, только зря грех на душу возьмет. Правильно сказано:

Мясо воронье, объедки,
те, что собака не сглохнет, —
Пищей столь скудной навряд ли
кто-то насытиться сможет.

Своей преданностью господину ты, ворон, достойно отблагодарил его за заботу о твоём пропитании — да вкусишь ты благоденствие в обоих мирах. Воистину, ты первый среди слуг государевых. А теперь и я обращусь к нашему владыке с подобной же просьбой. — Шакал выступил вперед и с почтительным поклоном продолжал: — О господин! И я тоже хочу вкусить благоденствие в обоих мирах. Соизволь же съесть меня ради поддержания твоей жизни! Ведь известно, что:

И жизнь и богатства слуги
в руках у владыки всецело.
Захочет он — все отберет.
С ним спорить — греховное дело.

Тут подала свой голос пантера:
— Превосходно сказано, почтенный. Но ведь и ты тоже невелик телом. Да еще и принадлежишь к тому же самому роду, что и наш господин, добывающий пищу с помощью когтей, — стало быть, он не может тебя съесть. Верно говорится:

Мудрец — и голодный — не станет
травиться едой несъедобной,
И в этом рожденье и в новом
она погубить нас способна.

Ты явил поистине похвальное благородство. По сему поводу весьма уместно говорится:

Только из высокородных
царь выбирает слугу,
Средним и низшим нет места
в избранном этом кругу.

Я тоже хочу сказать свое слово нашему властителю. — Пантера вышла вперед, низко поклонилась и молвила, обращаясь к Мадоткате: — И я готова пожертвовать собой для спасения твоей драгоценной жизни. Да осенит меня райское блаженство! Да облетит весь мир великая слава об этом моем деянии! Ничего подобного еще не случилось во времена нынешние. Правильно говорится:

Тот, кто во славу владыки
умер, о благостный жребий! —
Будет прославлен навечно
и на земле и на небе!

«Как благородны их речи! — восхитился Катханака. — И всех их пощадил наш повелитель. Скажу же и я свое слово, дабы снискать их общее одобрение».

— Все, сказанное тобою, совершенно справедливо, — обратился верблюд к пантере. — Но ведь и ты добываешь пищу с помощью когтей. Поэтому наш повелитель не может съесть тебя. Сказано же:

Кто только помыслит дурное
о свойственнике — осужден:
И в этом рожденье и в новом
жестоко поплатится он.

Дозвольте же и мне высказаться. — Он выступил вперед, отвесил поклон и продолжал: — О повелитель! Ты не можешь съесть никого из них. Благоволи же, ради поддержания своей драгоценной жизни, съесть твоего покорного слугу — и да вкушу я небесное блаженство в обоих мирах. Верно говорится:

Высокие есть два занятия:
и жертв приношение, и йога,
Однако у слуг, за владыку
погибших, иная дорога.

Едва он договорил последнее слово, как шакал и пантера, дружно набросившись на него, разодрали ему брюхо. Катханака повалился бездыханный, и они сожрали его, подлые душой, как пандиты. Вот почему я и говорю:

Средь пандитов — множество склонных
к обману, с доверчивым людом
Они поступают как ворон
и хищные звери с верблюдом.

Так что, любезный, я превосходно знаю, что такое государь, окруженный подлыми слугами. Добродетельные у такого не служат. Говорится же:

Людьми ненавидим властитель,
похожий на лебедя в стае
Стервятников: зло лишь вершит он,
все доброе прочь отменяя.

С другой стороны:

Когда окружают владыку-
стервятника лебеди-слуги,
Царя переймут все повадки,
спасти их — пустые потуги.

Видимо, кто-то возвел на меня гнусный поклеп;
вот государь и гневается. Подобное случается
на свете. Сказано же:

От тех, кто речей ядовитых
наслушался, ждаль ли поступка
Разумного? Хлещет хмельное
из черепа он, как из кубка.

По этому поводу удачно сказано:

Дубиной ударь, придави
ногой, изловчась.
Но если укусит змея —
знай, пробил твой час.

Опасней еще клеветник:
его оговор
Под корень подрубит тебя —
как острый топор.

Кроме того:

Лишь к уху владыки губами
подлец хитроумный приник —
И гибнет невинный — да будет
раздавлен такой клеветник!

Что же мне делать в столь бедственном поло-
жении? Посоветуй, друг.

— Следует покинуть страну, где властвует дурной господин, — ответил Даманака. — Сказано же:

Вершаций дурные деянья,
спесивец, хитрец лицемерный —
Да будет отвергнут подобный
наставник, исполненный скверны.

— Но ведь у меня нет никакого другого господина, кроме этого, который в гневе на меня, — молвил Сандживака. — Как же мне быть? Сказано ведь:

Пусть издали — гневать великих
опасно, себе на погибель,
Их длинные руки повсюду
дотянутся, где бы ты ни был.

— Не вижу я выхода более достойного, нежели отказаться от всякого сопротивления. Говорят же:

Не сразу достигнет
блаженства ушедший
в лесную обитель,
Но сразу достигнет
блаженства погибший
в сраженьи воитель.

Достигнут блаженства герои,
которые пали в бою,
Прославятся те, кто, сражаясь,
явили отвагу свою.

«Уж не собирается ли этот олух вступить в сражение с нашим властелином? — испугался Даманака. — Как бы своими острыми рогами он

не пропорол ему брюхо. Тогда мы все пропадем. Уж лучше я постараюсь его убедить, чтобы он покинул нашу страну».

— Ты говоришь справедливо, — произнес вслух шакал. — Но виданное ли это дело, чтобы слуга бился со своим повелителем? Говорится же:

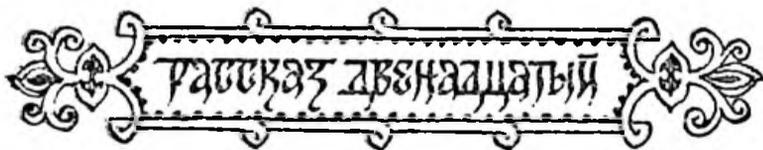
Бессильному с сильным сражаться —
не жаждать ли собственной
смерти?

А тем, кто силен, подобает,
как солнце, являть щедросердье.

И еще:

Врага изучи хорошенько:
в чем слабость его — и в чем сила.
Хоть малая птица — титибха,
а все ж Океан победила.

— Расскажи об этом подробно, — попросил Сандживака, и шакал поведал такую историю.

— В некоем краю на берегу океана жила пара тигибх. Однажды, готовясь высидывать потомство, жена сказала своему мужу:

— Дорогой! Скоро я должна снести яйца. Нельзя ли нам подыскать более безопасное местечко?

— Но ведь все титибхи издавна выводят птенцов на берегу океана, — возразил муж. — С какой стати нам искать другое место?

Самка продолжала настаивать:

— В полнолуние на нас может обрушиться прилив, подобно бешеному слону сокрушающий все на своем пути, — сказала она. — Давай же все-таки подыщем более безопасное местечко.

Но муж только посмеивался:

— Твои опасения напрасны, моя дорогая. Да и кто он такой, этот Океан, чтобы покушаться на мое потомство?! Повторяю, оставь свои страхи и спокойно разрешайся от бремени. Говорится же:

О матушка милая! Славой
себя запянтает дурною,
Кто, злых чужаков опасаясь,
гнездо покидает родное.

Случайно подслушав эти слова, Океан поразился: «Сколь непомерной гордыней обуяна сия ничтожная пичуга! Истинно говорится:

Спесивец напрасно позорит
себя похвальбою нелепой.
Мерещится, видно, титибхе,
что лапками держит он небо.

Любопытно было бы видеть, как он отомстит мне, если я унесу у них яйца».

И вот, дождавшись, когда титибха-жена снесла яйца, Океан вздыбился высоким приливом и, нахлынув на берег, похитил их. Видя, что гнез-

до опустело, она, рыдая, принялась горько корить мужа:

— О глупец! Я ли не просила тебя перенести гнездо подальше от берега, не то Океан погубит наше потомство. Но безмерная гордыня вскружила тебе голову, и ты не послушался моих советов. Справедливо говорится:

Кто мудрым речам не внимает,
в беду попадет, пропадет,
Упала с небес черепаха,
отправясь однажды в полет.

— Расскажи об этом подробно, — попросил ее муж, и она поведала такую историю.

— Жила в некоем озере черепаха по имени Камбугрива, и была у нее великая дружба с двумя лебедями — Санкатой и Викатой. Сидя на берегу, они вели долгие беседы о богах, мудрецах и великих прорицателях, с заходом же солнца лебеди улетали в свое гнездо. Но вот воцарилась долгая сушь, озеро мало-помалу начало высыхать. Безмерно опечаленные этим лебеди сказали однажды Камбугриве:

— Мы очень обеспокоены, почтенная, как ты будешь жить в этой грязной жиже.

— Какая может быть жизнь без воды? —
ответила черепаха. — Надобно спастись. Сказа-
но же:

Кто смел — не теряет надежды,
его не пугают невзгоды.
Пусть судно, в пробоинах, тонет,
стремятся спастись мореходы.

И еще:

Все силы свои прилагай
для выручки друга, родни.
Так требует Ману: завет
его, как святыню, храни.

Найдите легкую палку или веревку, я ухвачусь
зубами за ее середину, а вы отнесете меня в ка-
кое-нибудь полноводное озеро.

— Хорошо, так и сделаем, — согласились ле-
беди. — Только ты должна дать обет молчания.
Иначе выпустишь изо рта палку и упадешь.

С этим условием они и отправились в полет.
Черпаха хранила безмолвие, пока внизу не по-
казался какой-то город.

— Смотрите, смотрите, — кричали пора-
женные горожане, — птицы несут что-то кру-
глое, похожее на метательный диск Вишну.

— Что там за крики? — спросила черепа-
ха — и тут же, рухнув наземь, вдребезги разби-
лась. Вот почему я и говорю:

Кто мудрым речам не внимает,
в беду попадет, пропадет,
Упала с небес черепаха,
отправясь однажды в полет.

И еще:

Две рыбы, явив прозорливость,
живут, не горюя, на свете,
А та, что заране смирилась,
попалась в рыбацкие сети.

— Расскажи об этом подробно, — попросил супруг-титибха, и жена поведала такую историю.

— Жили в некоем озере три рыбы: Анагатавидхатар — Предусмотрительная, Пратхютпанамати — Не Теряющая Присутствия Духа и Ядбхавишья — Заранее Со Всем Смирившаяся. Однажды, проходя мимо, рыбаки заметили это озеро.

— Здесь, верно, полно рыбы, — сказали они. — Мы еще никогда тут не были. Жаль, что мы наловили уже много рыбы да и час поздний. Ну ничего, попытаем счастья завтра утром.

Этот разговор слышала Анагатавидхатар. Он поразил ее как удар грома. Она тут же созвала всех рыб, передала им подслушанное и сказала:

— Мы все должны немедленно переселиться в другое озеро. Сказано ведь:

Советуют слабым, лишенным
крепости или укрытья,
Спасаться от сильных поспешным
бегством, до кровопролитья.

Наутро сюда, несомненно, явятся рыбаки и примутся за свой промысел. Я полагаю, что нам ни на одно мгновение не следует задерживаться в этом озере.

Разумные предотвращают
и неотвратимый исход,
Глупцы же, в смятенье великом,
погубят себя и свой род.

— Почтенная права, — поддержала ее Пратхютпаннамати. — Нам следует сейчас же перебраться на другое место. Говорится ведь:

Труссы, олени, вороны,
если внушает им страх
Переселенье, нередко
гибнут в родимых местах.

Блажен, чья дорога — в далекую даль,
А в сердце — по дому родному печаль.
Презрен домосед, что хвалиться готов
Протухлой водой из колодца отцов.

Выслушав ее доводы, Ядбхавишья только рассмеялась:

— О почтенные! Вы несете нечто несуразное. Разумное ли это дело, подслушав случайный разговор, покидать озеро, доставшееся нам от

отцов и дедов? Вы знаете, что если отпущенный нам жизненный срок истек, смерть неминуемо настигнет нас, куда бы мы ни направили свой путь. Недаром говорится:

Судьба беззащитным — опора и щит,
Но вот защищенных она не щадит.
Кто брошен в лесу — выживает, глядишь,
Но гибнет оставленный дома малыш.

Так что я остаюсь здесь, а вы, почтенные, поступайте как считаете необходимым.

В тот же вечер Анагатавидхатар и Пратьютпаннамати вместе со всеми остальными переместились в другое озеро. А утром пришли рыбаки, закинули свои верши, но поймали одну Ядбхавишью. Вот почему я и говорю:

Две рыбы, явив прозорливость,
живут, не горюя, на свете,
А та, что смирилась заране,
попалась в рыбацкие сети.

— Почему ты полагаешь, будто со мной произойдет то же самое, что с этой несчастной рыбой? — возразил супруг-титибха. — Вот увидишь, как силой ума своего я разделаюсь с этим злокозненным Океаном.

— Так ты с ним и разделался, — пробурчала супруга. — Смотри не прогневай его. Верно говорится:

Бессильному следует ярость
удерживать. Как ни бурлит
Горшок на пылающих углях —
бока лишь себе опалит.

— Ну уж со мной-то не произойдет ничего подобного,— уверил ее муж.— Даже и самые слабые, проявляя настойчивость и упорство, могут победить могущественных врагов. Сказано ведь:

Кто мстит за любую обиду —
поддастся ли жалкому страху?
Поднесь на могучего Чандру
отважно бросается Раху.

И еще:

Огромен был слон разъяренный,
и сила его беспредельна,
Однако же львом желтогривым
повергнут он в схватке смертельной.

И кроме того:

Могучего солнца лучи,
собравшись в поток ярко-алый,
Высвечивают на заре
окрестные горы и скалы.

Слушай же меня! Я соберу всех пернатых, и все вместе мы осушим Океан.

— Куда уж тебе, муженек, осушить Океан, который вбирает в себя воды Джанхави, других девятисот рек, Инда и еще вдвое большего количества рек! Каждая птица может взять всего лишь по одной капле, да и то после принесения предписываемой жертвы.

— Милая, — ответил ей муж, —

Духом я крепок и смел,
и клюв у меня как железный.

Все, что решу, я свершу.

К чему же тут спор бесполезный?

Никто без усердья, упорства
еще ничего не достиг.
Как солнце ни ярко, а тучи
оно разгоняет не вмиг.

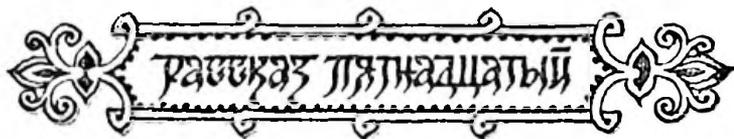
— Ну, если уж ты решил потягаться с самим
Океаном, созови всех пернатых, чтобы сообща
приняться за дело. Говорят же:

И малые, если в несметном
числе, торжествуют в бою.
Из многих травинок сплетенным
силком — побеждают змею.

И еще:

Воробушек, муха, лягушка,
как ни слабосильны, малы,
А вместе — слона погубили,
за что и достойны хвалы.

— Расскажи об этом подробно, — попросил
муж-титибха, и жена поведала такую историю.

— В некоем лесном краю жила чета воробьев. Они свили себе гнездо на темнокором дереве тамал, и в скором времени воробьяху снесла яйца. На другой день в тени этого дерева оста-

новился изнывающий от жары слон. В приступе любовного безумия он сломал хоботом сук, на котором устроили себе гнездо воробьи. Все яйца, само собой, попадали на землю и разбились. Бедная воробьиha не переставала сокрушаться об утраченном потомстве. Однажды ее добрый друг, дятел Каштакута, сказал ей с участием:

— Для чего предаваться пустым сетованиям? Сказано же:

Усопших оплакивать горько
ученым мужам не пристало.
Глупцы же горюют: им сколько
ни плачь и ни сетуй — все мало.

И еще:

Тот глуп, кто горюет, не зная
ни меры в тоске, ни узды.
Он горе одно превращает
в два горя, без всякой нужды.

И кроме того:

К чему над усопшим рыданья?
И вой — не от сердца — печальный?
Не лучше ли как подобает
обряд совершить погребальный?

— Но ведь этот безумец лишил нас потомства, — ответила воробьиha. — Если ты воистину мне друг, помоги придумать средство погубить этого злодея слона, который причинил мне безмерное горе. Говорится же:

Тот друг настоящий,
кто нам помогает
в беде и несчастье,
Нам служит надежной
поддержкой, являя
любовь и участие.

— Справедливо сказано, почтенная, — молвил дятел. —

Тот друг настоящий, который
в несчастьях — опора твоя.
Когда ж благоденствуешь — каждый
готов набиваться в друзья.

И еще:

Друг настоящий —
в несчастье и горе подмога,
Сын настоящий —
отца почитает, как бога.
Истинно ценен
слуга, за порядком следящий,
В доме достаток
всегда у жены настоящей.

Сейчас ты увидишь, какова сила мосго разума. Есть у меня верная подруга муха по имени Вйнарава — Мелодия Вины. Схожу-ка я за ней. Все вместе мы, глядишь, и придумаем, как извести этого злодея слона.

Когда они собрались на совет, Каштакута сказал мухе:

— Дорогая! Слон перебил все яйца, недавно

отложенные моею подругой-воробьиной. Помоги нам отомстить ему.

— Ну что ж, это дело нехитрое, — ответила муха. — Не зря сказано:

В беде выручающий друга,
и друга и всех, с кем он дружит,
Поддержкой своей бескорыстной
великое благо заслужит.

— Это совершенно справедливо. Но есть у меня еще подруга-лягушка по имени Бхека. Мы посоветуемся и решим, как нам следует поступить. Известно ведь, что:

Мудрец проникательный, в шастрах
знаток искушенный, неспешно
Обдумав свои замышленья,
их в жизнь претворяет успешно.

Все втроем они отправились к лягушке и стали с ней советоваться. И вот что она им сказала:

— Как может устоять какой-то там слон пред целым полчищем разъяренных врагов? Вот вам мой совет. Ты, муха, в самый разгар дня, подлети к этому безумцу и начни жужжать возле его уха. Ему примерещится, будто он слышит сладостные звуки вины. В блаженном забытии он прижмурится. Тут, дятел, ты выключешь ему глаза. А я примусь громко квакать со всеми своими сродницами. Охваченный нестерпимой жаждой, слон вообразит, будто поблизости находится пруд, но только сделает несколько шагов, как провалится в огромную яму и подохнет. Так мы отомстим ему за злодейство. Вот почему я говорю:

Воробушек, муха, лягушка,
как ни слабосильны, малы,
А вместе слона погубили,
за что и достойны хвалы.

— Мои слова не пустая угроза, дорогая, —
сказал муж-титибха. — Вместе со всеми своими
друзьями я высушу Океан.

Он созвал на совет ворон, журавлей, лебе-
дей, павлинов и прочих пернатых и обратился
к ним с такими словами:

— Океан похитил яйца, отложенные моей
супругой. Как его покарать за это злодея-
ние?

Посоветовавшись, пернатые ответили ти-
тибхе:

— Высушить Океан сами мы не можем. Ска-
зано же:

Кто пренебрегает врагом,
хоть силы его велики,
Бесславно отступит, как слон,
сломавший о скалы клыки.

Но есть у нас общий повелитель Вайнатя.
Надо рассказать ему о случившемся, и он, спра-
ведливо разгневанный, сумеет отомстить за
оскорбление, нанесенное его родичам. Сказано
же:

Горем своим поделись
с преданным другом, слугою,
супругой, владыкой.
Всех о подмоге проси:
как там ни трудно, а горе мое,
мол, размыкай.

Отправимся же все к Вайнатее, ибо от кого нам и ждать помощи, как не от своего господина!

Так порешив, все пернатые, заливаясь слезами, отправились к Вайнатее.

— Какая несправедливость, какая вопиющая несправедливость! — стонали они. — Океан похитил яйца, отложенные женой нашего достойного титибхи. Если и другие начнут чинить подобный произвол, всему птичьему роду грозит гибель. Недаром сказано:

Если один поступает
подло — за ним и другие.
Все подражают друг другу:
прочь устремленья благие!

И еще:

Кого надувают безбожно
мошенники, плуты и воры, —
Тех надо спасать благородным
от этой прожорливой своры.

Владыке, опоре людей, —
Всеобщих заслуг шестина́ зачтена.
Но на утеснителя их
Ложится всеобщих грехов шестина.

Огонь, утесненьем народа
возжженный, уже не умрет,
Пока не спалит он, бушуя,
владыку и весь его род.

Владыка — отец всем сиротам
и зоркое око незрячим.
Всем праведным — брат и заступник,
объятый учащем горячим.

О подданных верных властитель
да явит — себе же на благо —
Свое попеченье, ведь саду
нужны и забота и влага.

Вращенные бережно всходы
приносят зерна изобилье.
В заботе царя о народе —
его же богатство, всесилье.

Зерно, дорогие каменья
и золото — все властелину
От подданных верных. К их нуждам
ему ль поворачивать спину?

Выслушав горестные сии излияния, Гаруда
преисполнился гневом. «Справедливы жалобы
пернатых, — подумал он. — Океан заслужил,
чтобы его высушили».

Как раз в это время к нему пожаловал по-
сланец Вишну.

— О предводитель пернатых, — молвил го-
нец. — Я прибыл к тебе с посланием от самого
всемогущего Нараяны. Господин намеревается
посетить Амаравати. Поторапливайся.

— О посланец, — надменно ответил Гару-
да, — на что такой нерадивый слуга господину?
Поклонись ему от меня и скажи: пусть поищет
себе другого слугу, который возил бы его вме-
сто меня. Истинно говорится:

От тех, кто не видит достоинств
в достойных, дожденъся ли благ?
Служить им, кичливым, не все ли
равно, что цахать солончак?

— О Вайнатя, — увещевал его посланец. —
Неужто наш повелитель оскорбил тебя каким-
нибудь худым словом? Коли так, скажи прямо.

— Возгордясь от того, что служит нашему
владыке ложем, — ответил Вайнатя, — Океан
похитил яйца титиõхи. Если Господь не пока-
рает его, отныне я ему не слуга — так и передай.

Узнав от гонца, чем именно столь разгневан
Вайнатя, Нараяна подумал: «А ведь его оби-
да совершенно справедлива. Впору мне самому
попытаться его умилостивить. Говорится же:

Заботиться надо о верном
слуге, как о собственном сыне,
Его оскорблять не пристало
владыке, в чрезмерной гордыне.

И еще:

Слуг награждает владыка:
им и дары, и чины.
Те же, в уплату за это,
жертвовать жизнью должны».

Так рассудив, Господь отправился сам в Зо-
лотой Город, где пребывал Вайнатя. При его
появлении Вайнатя низко повесил голову,
устыженный, и молвил с почтительным покло-
ном:

— Возгордясь от того, что служит тебе ло-
жем, Океан причинил мне тяжкую обиду: похи-

тил яйца, отложенные женою одного из моих слуг. Только из великого почтения к тебе я его еще не высушил. Сказано же, что если боишься хозяина, не станешь бить собаку. Сам знаешь:

Кто верно властителю служит,
ему причинит ли урон?
Уж лучше пожертвует жизнью —
да будет незыблемым трон!

— Полностью с тобой согласен, Вайнатя, —
ответил Господь. — Говорится же:

Слуга провинился — вина
лежит на его господине,
И стыд — пополам. За слугу
он полный ответчик отныне.

Ступай же к Океану, забери у него похищенные яйца и верни их титибхе, а затем отправляйся в Амаравати. — Тут Господь обрушился на Океан с гневно-бранной речью и, пригрозив ему огненной стрелой, велел тотчас вернуть яйца титибхе, иначе, мол, он, Господь, превратит его в сушу.

Перепуганный Океан повиновался. Вот почему я и говорю:

Врага изучи хорошенько:
в чем слабость его — и в чем сила.
Хоть малая птица титибха,
а все ж Океан победила.

Никогда не следует отчаиваться, падать духом.

Выслушав его до конца, Сандживака стал допытываться:

— Как же тебе удалось вызнать, друг, что государь затаил на меня зло? За все время нашей дружбы он относился ко мне с неизменным благоволением, не проявлял ни малейших признаков неудовольствия. За что же мне убивать его?

— Вот тебе приметы его неблагосклонности, — ответил Даманака. — Если ты увидишь, что глаза у нашего господина налились кровью, смотрят сурово и злобно, уголки пасти подергиваются, а на челе — три складки, стало быть, на уме у него недоброе. Не станешь же ты утверждать, что это приметы добросклонности! Подумай же! Я ухожу к себе. Если ты можешь что-нибудь сделать для восстановления вашей дружбы, торопись! Но не вздумай с наступлением ночи отправиться к нашему владыке — иначе расстанешься с телом. Сказано ведь:

Кто, род покидая, уходит
в деревню, кто — в край
отдаленный,
Кто мир наш земной покидает,
от плоти своей отделенный.

Верно и такое речение:

В несчастье казну сберегай.
С казной сбережешь и жену.
А чтобы себя уберечь,
используй жену и казну.

Вообще же говоря, для того, кто оскорблен могущественным врагом, самое разумное — удалиться на чужбину. Там ты найдешь много путей защититься. Говорят же:

Кто жизни самой не жалеет
о детях и близких в заботе,
Не должен являть небреженья,
однако, и к собственной плоти.

И еще:

Какая бы там ни настала:
удач, неудач ли пора,
А все же самосохраненье —
один из законов Добра.

Кто жертвует жизнью во имя
богатства — последний глупец.
Едва он погибнет, злосчастный,
придет и богатству конец.

Так сказав, Даманака поспешил к Каратаке.
Увидев его запыхавшегося, тот спросил:

— Преуспел ли ты, почтенный, в замышленном?

— Я посеял семя разлада, — ответил Даманака. — Дело, как я предполагаю, должно кончиться убийством. Многое, правда, зависит от воли судьбы. С другой стороны:

Пусть от тебя отвратилась
судьба, — что задумал, верши,
На помощь себе призывая
все силы, всю волю души.

И еще:

Великий всего достигает
в усердном труде,
Ничтожный судьбу обвиняет
в малейшей беде.

О смертный! Пускай неудача
тебе суждена,
Но если ты бился упорно,
то чья тут вина?

— Как же ты посеял семя разлада? — спросил Каратака.

— Я наплел им обоим такое, что непременно разожжет меж ними непримиримую вражду, — ответил Даманака. — Отныне им не ужиться — вот увидишь!

— Ох, неладно поступил ты, друг, неладно, — вздохнул Каратака. — Они были счастливы своей взаимной привязанностью. А ты заронил в их сердца страх и ненависть. Сказано же:

Кто полное счастье вкушает
и тот, кто со счастьем в раздоре,
В одном из рождений, должно быть,
познали великое горе.

Не пристало тебе радоваться содеянному. Сотворивший зло не заслуживает одобрения. И еще справедливо говорится:

Ничтожный в боренье с великим
успехов больших не обрящет:
Мышь свалит кошелку с едою,
но в нору к себе не утащит.

— Я вижу, друг, — возразил Даманака, — что ты не сведущ в делах государственных. Так вот что я тебе скажу:

Спешу исцелить свой недуг,
врага поражай наповал.
Свой срок упустил — и, глядишь,
ты сам, уничтоженный, пал.

Этот Сандживака — наш общий враг, он захватил место главного советника, принадлежащее нам по праву со времен пращуров. Не зря же говорят:

Чтоб место отцово вернуть,
единственный способ — расправа
С врагом, захватившим его
в погранье исконного права.

Подобно тому как в свое время я исхлопотал для него освобождение от страха, теперь я добьюсь, чтобы он был лишен сана главного советника. Справедливо говорится:

Кто низкого ставит
на место высокое, тот неумен:
Себя же погубит
своей добротой неумеренной он.
Недаром в народе
присловья такого слова рождены:
«Глупец — тот, которым
пригрет любовник жены».

Вот почему замыслил я либо сгубить его, либо добиться, чтобы он покинул этот край. Но никому, кроме тебя, это не должно быть известно. Только так и можно осуществить свой замысел. Говорится же:

Выкорчуй жалость из сердца,
слово в кинжал обрати
И убери без раздумья
недруга злого с пути.

Если он будет сражен, мы с тобой наконец наедемся досыта. К тому же вернем себе сан главного советника. Таким образом, посеяв семя вражды, мы сможем добиться сразу двух целей. Чем же ты недоволен, глупец? Сказано же:

Кто вправду умен — причиняя
врагу тупоумному зло,
Достигнет успеха — не так ли
с Чатуракой произошло?

— Расскажи об этом подробно, — попросил Каратака, и его друг поведал такую историю.

— В некоем лесном краю жил лев по имени Ваджраданштра. Его всегда сопровождал шакал Чатурака и волк Кравьямукха. Однажды в небольшой роще они наткнулись на верблюдицу, оставшую от каравана. Верблюдица, в сильных болях, прямо у них на глазах родила крохотного верблюжонка. Лев и двое его спутников разорвали ее на части и съели, но малыш не тронули.

— Дорогой, — сказал ему лев, — никто из нас

не обидит тебя. Можешь спокойно разгуливать по всему нашему лесу. А поскольку твои уши похожи на наконечники стрел, мы нарекаем тебя Шанкукарной — Круглоухим.

С того дня они жили все вчетвером, часто наслаждаясь поучительными беседами. Шанкукарна, который уже успел подрасти и вступил в пору юности, не отходил от них ни на шаг.

Однажды Ваджраданштра затеял схватку с обезумевшим от течки слоном, который ударами бивней так искалечил его, что он еле шевелился. Изголодавшись, он сказал своим спутникам:

— Найдите какую-нибудь живую тварь, которую я мог бы убить прямо здесь, не сходя с места.

Когда опустились сумерки, шакал и волк отправились в лес, но сколько ни рыскали, так и не смогли найти подходящей добычи.

«Вот если бы Шанкукарна пожертвовал собой, — подумал Чатурака, — мы смогли бы прокормиться несколько дней. Но ведь он пользуется личным покровительством господина. Придется мне, видно, силой своего рассудка убедить его, чтобы он убил Шанкукарну. Сказано же:

Все для ума — постижимо,
все для ума — достижимо.
Всюду, свой ум применяя,
действовать необходимо».

И он тотчас же обратился к Шанкукарне с такой речью:

— Наш повелитель не может охотиться. Если он погибнет от голода, то и нам несдобро-

вать. Послушай же, что я тебе скажу, во имя блага нашего повелителя.

— Говори же, — поторопил его верблюдов. — Я, не раздумывая, выполню все, что ты мне посоветуешь. Для блага нашего повелителя я готов совершить сто добродетелей.

— О дорогой, — сказал ему Чатурака, — если бы ты пожертвовал ему своей плотью, то его жизнь была бы спасена. Ты же как бы обрел два тела.

— Хорошо, дорогой, — ответил Шанкукарна. — Так я и поступлю ради нашего повелителя. Дхарма — превыше всего.

Так порешив, отправились они все вместе ко льву.

— О богоравный! — заговорил Чатурака. — Мы обрыскали весь лес, но не смогли найти подходящей твари. Вернулись мы лишь к ночи. Наш Шанкукарна решил пожертвовать тебе своей плотью. Ты должен разделить его надвое, дабы обрести двойную выгоду. Так повелевает его преданность дхарме.

— Что ж, хорошо, — отозвался лев. — Всякое богоугодное дело следует исполнить немедленно.

И Шанкукарна был разодран надвое. Тут ему и конец наступил.

— Я спущусь к реке, совершу омовение и возблагодарю богов, — сказал лев. — А ты, Чатурака, оставайся здесь и не смей отлучаться.

Как только он ушел, Чатурака задумался, как бы ему одному съесть всего верблюда.

— Кравьямукха, — обратился он к волку, — ты, почтенный, верно, чуть жив от голода. Пока не вернулся наш господин, отведай-ка верблюжатинки. А я тебя не выдам.

Только было Кравьямукха вонзил зубы в верблюжью тушу, как Чатурака остановил его:

— Эй, Кравьямукха! Уже возвращается наш повелитель. Отсядь в сторону и жди, пока он не начнет пиршество.

Вернувшись, лев увидел, что верблюжья туша уже кем-то почата.

— Кто посмел есть мою добычу? — прорычал он, грозно нахмурясь.

При этих словах Кравьямукха исподволь поглядел на Чатураку: мол, не выдавай меня, такой меж нас уговор.

Но Чатурака только ухмыльнулся.

— Я предупреждал Кравьямукху, чтобы он не смел притрагиваться к твоей добыче, но Кравьямукха меня не послушал. А теперь, повелитель, взгляни на мою морду, и ты сразу поймешь, кто из нас двоих виноват, кто отведал плодов с древа дурных деяний.

Волк тотчас же кинулся наутек и скрылся вдалеке.

А тут как раз на дороге появился караван верблюдов, груженных тяжелыми вьюками. На шее у первого из них висел колокол. Услышав его громкие звуки, лев сказал шакалу:

— Разведай-ка, любезный, откуда доносится этот ужасный трезвон. Никогда не слышал ничего подобного.

Чатурака спрятался в чашобе, так, чтобы лев его не видел, а потом вернулся и запричитал:

— О повелитель, надо бежать! И как можно скорее! Беги, если только можешь.

— Что ты мелешь? — удивился лев. — Рассказывай, что увидел.

— О повелитель, — забормотал шакал. — На тебя возгневался сам Дхармараджа, бог смерти. Ты ведь без его на то соизволения лишил жизни верблюда. Вот он и явился сюда, ведя с собой несметное множество верблюдов. У того, что идет впереди, их вожака, на шее висит колокол. И все это сродники убитого, его деда и прадеды. Они поклялись отомстить тебе.

Лев издали посмотрел на мертвого верблюда и, даже не успев подойти к нему, упал, сраженный смертельным страхом. Чатурака же вдоволь наелся верблюжатины. Вот почему я и говорю:

Кто вправду умен, причиняя
врагу тупоумному зло,
Достигнет успеха — не так ли
с Чатуракой произошло?

После ухода Даманаки Сандживака глубоко призадумался: «И впрямь, что мне тут делать среди этих хищных зверей — льва Пингалаки и его присных? Справедливо говорится:

Опасно служить господину
неправедному: удалиться
Спеши от такого, иначе
погибнешь, подобно мулице.

Что же мне делать? Где обрести желанное пристанище и покой? И все же я должен пойти к Пингалаке, он всегда оказывал мне покровительство и, конечно, не станет покушаться на мою жизнь. Сказано же:

Несчастья бывают и с преданным вере,
коль это угодно судьбе,
Но цели своей добиваться, как прежде,
он должен в упорной борьбе.
Разумная есть поговорка такая,
которую слышим с пелен:
«Огню поклоненье свершать подобает
тому, кто огнем опален».

И еще:

Над сонмищем смертных
всесилен закон воздаянья.
Какие, однако,
плоды принесут их деянья,
От их разуменья
сокрыто: все будет по воле
Судьбы. Для чего же
раздумывать в горестной доле?

Если мне суждено принять смерть от какого-ли-
бо из хищников, то достойнее всего пасть от
лапы льва. Говорят же:

Великим беда прибавляет
величья. Возносят хвалу
Слону, что могучие бивни
сломал, сокрушая скалу.

И еще:

И малый, терпя, как великий,
беду, возвеличен бывает,
Подобно пчеле, что свой взятки
из пота слона добывает».

В таких вот размышлениях, спотыкаясь на каждом шагу, он побрел к Пингалаке. Едва завидев его логово, бык подумал: «Правильно ведь сказано:

Подобен гнездилищу змей ядовитых,
чащобе, где чудищ обилье,
Подобен пруду без цветов — и болоту,
где племя живет крокодиле,
Дворец государя, приют для злодеев,
бесстыжих и лживых. У власти
Такой душегуб для своих приближенных
воистину море несчастий».

Покуда Сандживака так размышлял, он вдруг увидел Пингалаку, возлежавшего с тем самым смятенным и гневным видом, который наперед описал Даманака. В полной растерянности он поклонился, но не подошел ближе, а остался стоять на почтительном отдалении. Пингалака же, в свой черед, увидев, что Сандживака ведет себя именно так, как предсказал шакал, сильно прогневался. «Этот злосчастный бык, выгнув спину, скребет копытами и метит рогами мне в самое брюхо, — подумал лев. — Видно, задумал меня убить и готовится к смертельной схватке...»

Видя, что оба они, подобные исполинским деревьям палаша, вот-вот набросятся друг на друга, обуреваемые жаждой убийства, Каратака сказал своему приятелю:

— О глупец! Зачем ты посеял меж ними столь непримиримую вражду? Ничего-то ты не смыслишь в делах государственных. Те, кто в них искушен, правильно говорят:

Лишь те из советников царских по праву
почета и славы достойны,
Кто силой ума своего отвращают
великие беды и войны.
А те же, кто, выгоды собственной ради,
при помощи лжи и коварства,
Великие беды и войны рождают —
угрозой пребудут для царства.

Если ваш повелитель будет искалечен, то только из-за твоих наущений. Сандживаке же грозит неминуемая гибель. Только потому, что он усомнился в истинном смысле жизни. И ты еще домогаешься, глупец, сана главного советника?! В своем нелепом тщеславии ты отвергаешь все пути, ведущие к миру, и помышляешь лишь о том, чтобы разжечь вражду. Но ведь:

«Война — наихудший из видов
политики», — рек Самосуший,
Лишь в крайности к ней прибегают,
погибель и горе несущей.

И еще:

Где дело решается миром,
грозиться разумно ли боем?
Мы сахаром лечим желтуху,
не паталы горьким настоем.

И кроме того:

Советник, наукой правленья
владеющий, к миру стремится.
Усилья его не бесплодны —
и вознаграждаются сторицей.

Ни солнце, ни месяц, ни пламя
не светят в кромешной ночи,
Врагом насылаемой, — мира
ее превозмогут лучи.

По всему этому выходит, что ты не вправе домогаться места главного советника, ибо не ведаешь путей, коими должен он следовать. Шастры предъявляют к нему пять условий: он должен знать, с чего надобно начать то или иное деяние, должен правильно рассчитывать силы и возможности, выбирать место и время, намечать пути для преодоления препятствий и, наконец, преуспевать во всех своих замыслениях. Несогласие между властителем и главным советником непременно приведет к великому бедствию. Если у тебя сохранилась хоть капля здравого смысла, подумай, как избежать этого бедствия. Разум главного советника проверяется испытаниями, но тебе, глупцу, не выдержать подобных испытаний, ибо ты устремлен к совершенно иной цели. Говорится же:

Советнику — тяжкие беды
 проверка, а лекарю — хвори.
На вид и мудры и учены.
 Им цену узнаешь не вскорю.

Не о тебе ли сказано:

Ничтожный в боренье с великим
 успехов больших не обрящет,
Мышь свалит кошелку с едою,
 но в пору се не уташит.

Впрочем, это не столько твоя вина, сколько вина повелителя, поверившего твоим наущениям.

Царь, окруженный толпой подлецов,
Слушать не станет уже мудрецов.
В клетку без выхода он заключен
И злодеянья творить обречен.

Зачем же ты хочешь стать главным советником
властителя столь подлого? Не стоит ли по-
искать тебе другого, истинно достойного служе-
ния? Говорят же:

Пусть праведен царь, но ему
дурные советники милы,
Его обходи стороной,
как пруд, где живут крокодилы.

Гибель повелителя, не окруженного доброде-
тельными и мудрыми слугами, неотвратима.
Сказано ведь:

Богатства царя, что внимает
лжецам, улещающим сладко,
Но лука в руках не державшим,
к врагам перейдут без остатка.

Чего же стоят все твои поучения, глупец? Не
может быть от них никакой пользы, только
вред. Вsrно говорят:

Из камня не выточить бритвы,
и кедр не согнуть толстоствольный,
Кто учит тупиц, Сучимукха,
погибнет — глупец сердобольный!

— Расскажи об этом подробно, — попросил
Даманака, и его приятель поведал такую исто-
рию.

РАССКАЗ ВЕННАДЦАТЫЙ

— В некоем краю, на высокой горе, жила стая обезьян. Однажды, в холодную пору года, разразилась сильная буря, хлынул проливной дождь. Обезьяны тщетно метались в поисках какого-либо укрытия, несколько обезьян, приняв светляков за угольки, поймали их и стали изо всех сил на них дуть. В это время мимо пролетала птица Сучимукха. Увидев их тщетные потуги, она принялась насмехаться над ними:

— Вы просто сборище глупцов. Ведь это же не угольки, а светляки. Напрасно вы тужитесь — огня из них не раздуть! Лучше спрячьтесь под густым деревом или в горной пещере. Смотрите, вон идет большая туча. Сейчас ливень хлынет снова.

— Тебе-то какая забота? — возразил вождь обезьян. — Лети своей дорогой. Сказано ведь:

Разумный не станет болтать
с продувшимся в пух игроком,
Ни с тем, у кого все дела
идут кое-как, кувырком.

Разумный не станет болтать
с ловцом, упускавшим не раз
Добычу, с никчемным глупцом
и с тем, кто в пороках погряз.

Убедясь, что ей все равно не отговорить обезьян, Сучимукха проворчала напоследок:

— Ну и дурацкое же вы дело затеяли!

Тут одна из обезьян в ярости схватила ее за крылья и ударила о камень. Вот почему я и говорю:

Из камня не выточить бритвы,
и кедр не согнуть толстоствольный.
Кто учит тупиц, Сучимукха,
погибнет — глупец сердобольный.

И еще:

Совета глупцу не давай:
его разъярит твой подсказ.
Змею молоком не пой:
лишь яда пополнишь запас.

И кроме того:

Напрасно даешь ты советы,
желаньем болтать обуянный.
Гнездо воробья разорила
разгневанная обезьяна.

— Расскажи об этом подробно, — попросил Даманака, и его друг поведал такую историю.

Рассказ Возвращающийся

— В некоем лесном краю росло дерево шала. На одном из его раскидистых ветвей свила себе гнездо чета воробьев. Жизнь их текла счастливо и благополучно, пока не начал моросить мелкий дождь, предвещая наступление холодной поры года. Тут появилась обезьяна. Спасаясь от порывов пронизывающего ветра, шелкая зубами, будто бряцая на вине, она устроилась у подножья дерева.

— О почтенная! — окликнул ее воробей. —

Ты руки и ноги имеешь,
они с человеческими схожи,
Так что же ты дом не построишь
для этой поры непогожей?

— Ничтожный, — взъярилась обезьяна, — тебе следовало бы наложить на себя обет молчания. Как ты смеешь смеяться надо мной!

Птицы, бродяги, невежды
вздор несусветный несут.
С этим никчемным покончить
сильный я чувствую зуд.

С какой стати ты вздумала заботиться обо мне,
глупая птица!

Советы берут у достойных,
ценимых и чтимых глубоко,
Внимать недостойным — пустое,
как в роще рыдать одиноко.

Да что с тобой толковать? Болтаешь невесть
что, сидя в своем гнезде. — Обезьяна вскарабка-
лась на дерево и разметала воробьиное гнездо,
не оставив от него ни веточки. Вот почему
я говорю:

Напрасно даешь ты советы,
желаньем болтать обуянный.
Гнездо воробья разорила
разгневанная обезьяна.

Ты же, погрязший в невежестве, берешься
поучать других. Это, правда, не твоя вина.
Известно, что учение впрок только достой-
ному, недостойному оно во вред. Сказано
ведь:

Не прилагают ученость
там, где ее и не надо.
В плотно закрытом кувшине
мигом погаснет лампада.

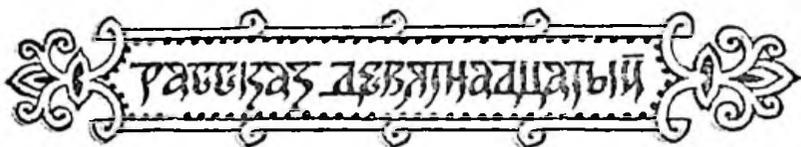
Вся твоя ученость — одна видимость, поэтому
ты не слушаешь меня и ни на миг не усом-
нишься в своей правоте. Говорят же:

Кто с радостью смотрит на муки
чужие, коварен и злобен, —
Сраженному, в пляске предсмертной,
безглавому телу подобен.

Воистину справедливо сказано:

Два друга живут — доброчестный,
другой вероломный, подлец,
У этого чуть не задохся
от дыма густого отец.

— Расскажи об этом подробно, — попросил Даманака, и его приятель поведал такую историю.

— Жили в некоем городе два приятеля: Дхармабуддхи — Праведный и Папабуддхи — Неправедный.

Подумал однажды Папабуддхи: «Что же это я, неразумный, мыкаюсь в горькой нищете? Отправлюсь-ка я вместе с Дхармабуддхи в какую-нибудь дальнюю страну, добуду вместе с ним богатство, а потом хитростью выманю его долю и заживу на славу».

— Мы с тобой никогда еще не странствовали, — сказал он приятелю. — О чем же мы будем рассказывать на старости своим внукам? Ведь говорят:

Кто в дальнем краю не бродил —
напрасно родился. Невежда
Не знает, какой там язык,
какая на людях одежда.

И еще:

Пока не накопит в скитаньях
по дальним краям человек
Достаточный опыт, богатство, —
не будет он счастлив вовек.

Предложение приятеля очень понравилось Дхармабуддхи. Испросив позволение старших, они выбрали благоприятный день и отправились в странствие. Мудрые советы благочестивого Дхармабуддхи помогли обогатиться и Папабуддхи. Скопив изрядные богатства, они затосковали по родным краям и решили вернуться. Говорится же:

Тому, кто живет вдалеке,
тоскуя по краю родному,
Все мнится: сто йоджан в клочке
земли, примыкающем к дому.

Когда они уже приближались к своему городу, Папабуддхи сказал:

— Неразумно, друг, нести все нами накопленное домой: друзья и родственники сразу же примутся выпрашивать: дай тому, дай этому. Лучше закопаем деньги где-нибудь в глубине леса, с собой же возьмем лишь небольшую толику. Истратим эту часть — откопаем еще, сколько надобно. Сказано же:

Богатство, хоть и небольшое,
не должно показывать разом.
Не так ли мудрец поступает,
скрывая могучий свой разум?

И еще:

И звери, и птицы, и рыбы —
все рады и малой добыче.
Довольствоваться немногим —
вот истинно мудрых обычай.

— Хорошо, — согласился Дхармабуддхи, —
так и сделаем.

Закопав деньги, приятели разошлись по домам. С тех пор они жили, не ведая горя. Но как-то ночью Папабуддхи прокрался в лес, вырыл все деньги, засыпал яму и вернулся домой. На другой день он зашел к приятелю и сказал:

— Семья у меня очень большая, все деньги уже разошлись. Пойдем-ка возьмем еще.

— Пошли, — ответил Дхармабуддхи.

Они отправились вдвоем в лес и, раскопав яму, увидели на дне лишь пустую кубышку.

Ударив себя по лбу, Папабуддхи вскричал:

— Это ты, Дхармабуддхи, стащил деньги, больше некому. Отдай же мне половину, не то я пожалуюсь самому царю.

— Не смей так говорить, негодный! — возмутился Дхармабуддхи. — Недаром я зовусь Праведным! О воровстве я и помышлять не могу.

Все праведники — дхармабуддхи —
к порокам любым нетерпимы,
Чужие богатства и жены,
как мать, благочестными чтимы.

Утром, свершив омовение, Папабуддхи отправился в лес. Следом за ним пошли судьи вместе с Дхармабуддхи. Подойдя к дереву шами, Папабуддхи возопил:

Именем Солнца, Небес и Огня,
Именем Смерти, и Ночи, и Дня,
Именем Правды — навеки святой,
Кто похититель богатства — открой!

Ответь же, о почитаемое божество, кто из нас двоих похитил клад.

— Клад похитил Дхармабуддхи, — отозвался отец Папабуддхи из дупла.

У судей широко открылись глаза от изумления. Покуда они выискивали в шастрах, какое наказание определить похитителю, Дхармабуддхи сгреб под деревом сушняк и поджег его. Вскоре из дупла, испуская жалобные стоны, выскочил отец Папабуддхи. Кожа у него была обожжена, глаза вылезли из орбит. Судьи допросили его, и он вынужден был рассказать о хитроумных уловках своего сына. Папабуддхи повесили на суку дерева шами, а Дхармабуддхи вознесли заслуженные хвалы. Поистине справедливо сказано:

Обдумывай тщательно средства,
к беде будь заранее готов.
У слишком доверчивой цапли
мангуста сожрала птенцов.

— Расскажите об этом подробно, — попросил Дхармабуддхи, и судьи поведали такую историю.

Рассказ двадцатый

— В некоей лесной стране росла большая смоковница. На ее ветвях гнездились множество цапель, а в дупле нашла себе приют черная змея. Эта змея пожирала всех птенцов еще до того, как у них успевали отрасти крылья. Как-то раз цапля, лишившаяся своего потомства, опустила на берег озера и, понурился голову, принялась лить горькие слезы.

— Почтенная тетушка, — спросил рак, видя ее глубокое отчаяние, — почему ты так горюешь?

— Как же мне не горевать, племянник, — ответила цапля, — если всех моих детей пожрала змея, поселившаяся в дупле дерева? Скажи, не знаешь ли ты средства извести эту погубительницу.

«Цапля — заклятый мой враг, — подумал рак, — поэтому я дам ей такой совет, в котором истину не отличить от лжи. Если она его примет, то погибнет не только сама, но и все ее родичи. Недаром говорится:

Пусть сладостен будет твой голос,
душа же твоя — беспощадна.

Врагу посоветуй такое,
чтоб сгинул он — трижды

неладный!»

— Если вы, дорогая тетушка, — посоветовал он, — разбросаете кусочки рыбы от норы ман-

густы до норы змеи, то мангуста по этой приманке доберется наконец и до змеи.

Цапля сделала так, как посоветовал ей рак. Однако вслед за черной змеей мангуста сожрала и всех цапель, которые на этом дереве гнездились. Вот почему мы и говорим:

Обдумывай тщательно средства.
К беде будь заранее готов.
У слишком доверчивой цапли
мангуста сожрала птенцов.

Папабуддхи надеялся на благополучный исход, но его постигло несчастье. Поэтому я и говорю:

Два друга живут — добродетельный,
другой вероломный, подлец:
У этого чуть не задохся
от дыма густого отец.

Вот и ты, глупец, подобно Папабуддхи, измыслил такое средство, которое привело к несчастью. И ты еще мнишь себя добродетельным! Подобно Папабуддхи, ты вверг в беду моего повелителя, явив всю низость твоей злобной души. Верно сказано по этому поводу:

Кто сможет увидеть остатки
еды у павлинов, объятых
Ликующей радостью, в пляске,
при первых же грома раскатах?!

Уж если ты так поступил с нашим повелителем, то чего же мне от тебя ждать? Видно, не быть нам друзьями отныне. Недаром сказано:

Где мыши весы из железа
сжирают, верша чудеса,
Там может и сокол ребенка
стрелую умчать в небеса.

— Расскажи об этом подробно, — попросил Даманака, и Каратака поведал такую историю.

Рассказ двадцать первый

— Жил в некоем городе молодой купец по имени Джирнадхара. Хоть и скопил он великое богатство, однако же, ради его приумножения, надумал отправиться в далекие страны. Не зря говорится:

Кто тем, что имеет, доволен,
сельчанин ли он, горожанин,
Никчемность свою обнаружит
и будет нуждой заарканен.

И еще:

Был полон великой гордыни,
жил некогда в роскоши пышной
Бедняк, презираемый ныне:
не видно его и не слышно.

В доме у молодого купца Джирнадхары были железные весы, доставшиеся ему от предков. Перед тем как отправиться в дальние скитания, он оставил весы у знакомого купца. И вот, вер-

нувшись наконец в свой город, Джирнадхара пришел к купцу и попросил отдать их.

Но тот отказался:

— Нет их у меня. Мыши сгрызли.

— Ну что ж, — ответил Джирнадхара, — коли их и впрямь сгрызли мыши, вины твоей тут нет... Пойду-ка я к реке, совершу омовение. А ты пошли со мной своего сынишку Дханадеву — пусть он мне поможет.

Купец, ожидавший обвинения в воровстве, не стал спорить и отпустил сына.

— Пойди с этим человеком, — велел он мальчику. — Помоги ему совершить омовение. Возьми с собой все, что для этого требуется. Правильно ведь говорится:

Так просто, без всякой причины,
никто никому не поможет.

У всех есть свои побужденья:
страх или корыстность, быть может.

И еще:

Сомненье внушает проситель,
склонившийся в подобострастье:

От тайных его замыслений
тебе не грозит ли несчастье?

Сын купца быстро собрал все необходимое для омовения и вместе с Джирнадхарой, радостный, поспешил на реку. Свершив омовение, Джирнадхара спрятал малыша в пещере на берегу, завалил вход камнями и тут же вернулся домой.

— Где же мой сынок, почтенный? — встревожился сосед.

— Его унес сокол — прямо с берега реки, — ответил Джирнадхара.

— Что за вздор! — возмутился сосед. — Слышанное ли это дело, чтобы сокол унес ребенка? Верни мне моего сына, не то я пожалуюсь в царский суд.

— О великий правдолюбец, — насмешливо ответил Джирнадхара, — если сокол не может унести ребенка, то и мыши, понятно же, не могут изгрызть железные весы. Верни мне весы, а я пришлю к тебе сына.

Так, препираясь, отправились они в суд.

— Горе мне, горе! — запричитал сосед Джирнадхары. — Этот человек похитил моего ребенка.

Судьи велели молодому купцу вернуть мальчика.

— Но я не могу этого сделать, — ответил Джирнадхара, — на моих глазах сокол унес ребенка прямо с берега реки.

— Не лги, почтенный, — сурово сказали судьи. — На свете нет сокола, способного поднять ребенка.

Но он возразил:

— Послушайте, ваши милости:

Где мыши весы из железа
сжирают, верша чудеса, —
Там может и сокол ребенка
стрелою умчать в небеса.

— Расскажи об этом подробно, — попросили судьи, и купец поведал им все с самого начала. Посмеялись судьи и велели тяжбщикам вернуть похищенное: Джирнадхаре — ребенка, а его соседу — железные весы.

Вот почему я и говорю:

Где мыши весы из железа
сжирают, верша чудеса,
Там может и сокол ребенка
стрелою умчать в небеса.

— Подлая душа, ты содеял все это потому,
что позавидовал возвышению Сандживаки.
Справедливо говорится:

Кто низкого рода — порою глумится
над высокородным, известно.
Кому не везет — над счастливецом глумится,
над честным глумится бесчестный.
Сквалыга — над щедрым, урод — над красавцем,
хоть пальца его недостойн;
Над праведным — грешник, глупец — над
ученым.
Так истари мир наш устроен.

И еще:

Кто туп — ненавидит ученых,
и сытых — кто мрет с голодухи.
Кто грешен — святых ненавидит,
и жен добродетельных — шлюхи.

Ты, глупец, искал собственной выгоды, а сотворил себе зло. Сказано же:

С глупцом неразрывная дружба
опасней с разумным вражды:
Царя обезьяна убила,
вор брахманов спас от беды.

— Расскажи об этом подробно, — попросил
Даманака, и Каратака поведал ему такую историю.

Рассказ двадцать второй

— Была у одного царя обезьяна, горячо ему преданная и столь же горячо им любимая. Куда бы ни направил он стопы, пусть даже на женскую половину дворца, она следовала за ним с неотступностью телохранителя. Однажды, когда царь задремал, обезьяна схватила опахало и принялась его обмахивать. Но тут на грудь ему уселась муха. Сколько ни отгоняла ее обезьяна, та снова и снова возвращалась на прежнее место. Своенравная, привыкшая удовлетворять все свои прихоти, обезьяна схватила острый меч. Муха успела улететь, а грудь царя оказалась рассеченной надвое. Вот почему царю, не желающему себе преждевременной смерти, не следует брать глупцов в телохранители.

Жил в некоем городе брахман, весьма сведущий в науках, который из-за дурных деяний, совершенных им в предыдущих рождениях, сделался вором. Однажды увидел он брахманов, прибывших из другой страны, которые распродавали привезенные им товары, и замыслил овладеть их богатствами. Чтобы добиться их расположения, стал он им говорить льстивые слова, читать дивно-звучные стихи, приводить речения из мудрых книг. Так он вошел к ним в полное доверие и стал их прислужником.

И шлюха бывает в смущенье,
Вода разогретая мнится холодной,
И вводит людей в заблужденье
Мошенник — личиной своей
благородной.

Распродав товары, брахманы накупили драгоценных камней и, перед тем как пуститься в обратный путь, спрятали камни промеж ягод. Видя их сборы, вор-брахман забеспокоился, как бы не лишиться своей добычи. «Отправлюсь-ка я вместе с этими брахманами, — решил он, — а в пути подсыплю им отравы в еду, — тогда все их камушки моими будут».

Так задумав, он жалобно запричитал:

— Что же вы покидаете меня, люди добрые?! Я так полюбил вас, что у меня душа разрывается при одной мысли о предстоящей разлуке. Сделайте милость, возьмите меня с собой, а уж я буду служить вам верой и правдой.

Брахманы, умилившись, согласились взять его с собой.

Когда они все впятером проходили через город Паллипур, нищие принялись им нашептывать:

— Тут рыскают кираты. Они выслеживают и грабят богатых купцов.

А тут как раз объявились кираты. Напав на брахманов, они отделали их дубинами, раздели догола, осмотрели одежды, но ничего ценного не нашли.

— Не может быть, чтобы у вас при себе ничего не было, — сказали кираты. — Признавайтесь, куда упрятали свои богатства. Будете за-

пираться — на куски разрежем, все равно съешем, куда вы их подевали.

«Если разбойники, убив брахманов и разрезав их на куски, найдут драгоценные камни, — смекнул вор-брахман, — то они и меня не пощадят. Попробую-ка я спасти купцов. Сказано же:

Что смерти бояться? И малым
и старым приходит свой срок.
Сегодня ли, через столетье
свершится начертанный рок.

И еще:

Кто жизнью пожертвует ради
коровы иль брахмана, тот
Блаженство небесное — волей
великих богов — обретет».

Так рассудив, он произнес вслух:
— Послушайте, кираты. Убейте меня и
осмотрите мои останки. Если не найдете ни денег,
ни драгоценностей, отпустите моих друзей.

Вот я и говорю:

С глупцом неразрывная дружба
опасней с разумным вражды.
Царя обезьяна убила,
вор брахманов спас от беды.

Так беседовали между собой Каратака
и Даманака.

Тем временем меж Сандживакой и Пингалакой завязалась смертельная схватка. В этой схватке когти одержали верх над копытами. Сандживака пал бездыханным на лоно земли.

И вот тогда-то, увидя своего бывшего друга мертвым, Пингалака вспомнил, сколь велики были его добродетели, и горько раскаялся:
— Убив Сандживаку, я запятнал себя злодеянием. Нет худшего греха, чем обмануть доверившегося тебе. Сказано же:

Убийца, наветчик, предатель
в аду да пребудут, покуда
Светила вращаются в небе.
Спасти их не может и чудо.

Немало на свете утрат,
Ими вся жизнь человечья чревата,
Но только утрата слуги
Непоправима, как царства утрата.

Отныне мне остается лишь возносить его пред всеми членами Совета.

Да будет он признан в Совете
достоинств исполненным мужем.
Пускай заблуждались, прощенье
мы этим признаньем заслужим.

Так изливал безутешное свое горе Пингалака.

Но тут к нему приблизился Даманака и радостно воскликнул:

— О богоравный! Ты поступил мудро, растерзав этого травоеда, замыслившего предательство. Зачем же ты теперь сокрушаешься? Это недостойно правителя. Сказано же:

Повинного в подлой измене
сражают, кто б ни был предатель:
Пусть даже отец твой родимый,
жена, закадычный приятель.

И еще:

Властитель изнеженный, жрец
плотоядный,
Приятель — обманщик и лжец
безоглядный,
Слуга непокорный, чиновник
бесчестный, —
Чего ожидать от таких — неизвестно.

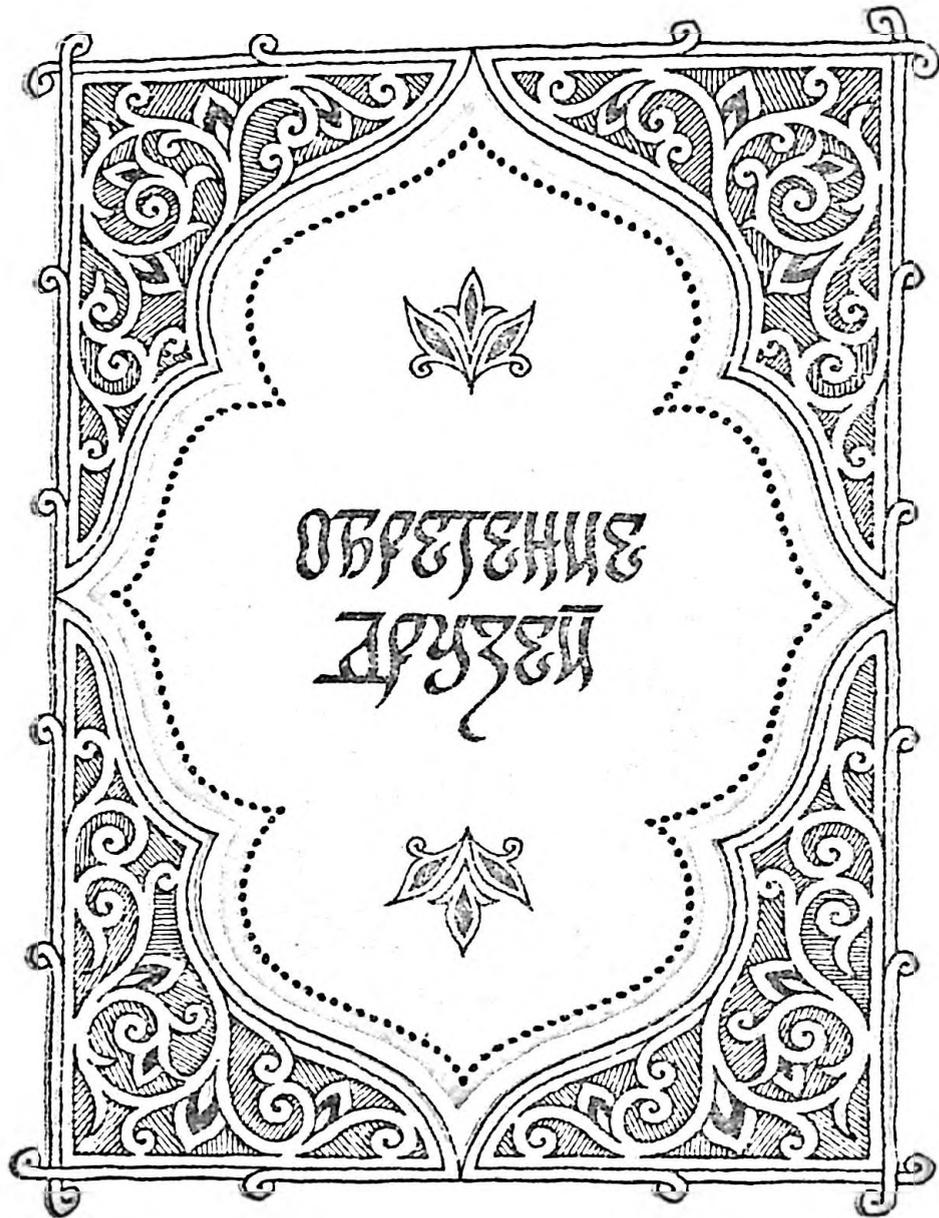
Владыки, под стать потаскухам,
утратившим честь,
Ложь с правдой мешают бесстыдно
и с грубостью — лесть.

Насилье мешают с радушьем,
алчбу — с щедротой.
Кругом все доход и прибыльток
им, низким душой.

С тех пор, следуя наставлениям Даманаки, лев перестал горевать о Сандживаке и благополучно правил своим царством. А Даманаку он возвел в сан главного советника.

На этом завершается первая книга «Панчтантры», сочиненной наидостойнейшим Вишнушарманом.

ОБРЕТЕНИЕ
ДРУЗЕЙ

Вторая книга «Панчатантры», именуемая «Обретение друзей», начинается с такого стиха:

Разумные, объединившись,
достигнут намеченной цели,
Как ворон, газель, черепаха
и крыса — в задуманном деле.

По этому поводу рассказывают:

Есть в стране Дакшинатья город Махиларопья. Некогда недалеко от него высилась могучая смоковница, которая щедро одаряла своей тенью всех путников. В ее многочисленных дуплах гнездились разные птицы, тут им был и кров и еда. Об этом дереве уместно было бы сказать:

Дремлют газели в тени, у подножья,
ветви — павлинам приют,
В щелях — бесчисленный сонм насекомых.
Тут же летают, снуют
Пчелы: медвяный нектар им приманка,
счастье дает всем вокруг
Благословенное древо — не бремя,
а покровитель и друг.

Среди прочих птиц жил на том дереве ворон Лагхупатанака — Быстролетающий. Однажды, в поисках пропитания, полетел он в город

и увидел, что по дороге идет человек, весь черный телом, волосы — дыбом, ноги — в ссадинах и язвах, а в руках, подобно посланцу бога Ямы, он держит сеть.

Лагхупатанака сильно встревожился. «Если этот злодей держит путь к нашему дереву, — подумал он, — то всем, там обитающим, угрожает верная гибель».

Он вернулся обратно и обратился к пернатым с такой речью:

— Слушайте! Сюда направляется птицелов с сетью и рисом для приманки. Остерегайтесь его. Раскинув свою сеть, он разбросает по ней зерна, но вы даже не прикасайтесь к ним, как если бы это был смертельный яд калакута.

Не успел он договорить, как птицелов подошел к дереву, раскинул сеть и разбросал по ней розоватые, точно слегка тронутые киноварью, рисовые зерна, а затем, отойдя на несколько шагов, затаился. Ни одна из птиц, предупрежденных Лагхупатанакой, даже не притронулась к зернам, словно это и впрямь был смертельный яд.

Меж тем над лесом, в окружении многочисленной свиты, пролетал повелитель голубей Читрагрива — Пестрокрылый. Он искал пищи, необходимой для поддержания жизни. Увидев еще издали зерна риса, побуждаемый голодом, он сразу же спустился вместе со своей свитой — и все они оказались в плену. Правильно сказано:

Алчбой одержимым — богатства,
добытые ими, не впрок.
Они погибают, как рыбы,
попавшиеся на крючок.

Впрочем, все это превратности судьбы, собственной их вины тут нет. Сказано же:

Когда бы не рок, для чего бы чужую
жену похищать Пауластье?
И Раме стрелять в золотого оленя
в тот миг, как свершилось несчастье?
Зачем бы Юдхиштхире царства лишаться,
к игре проявляя пристрастье?
В предчувствии бед неминуемых разум
мутится, как небо в ненастье.

И еще:

Коль петлю уже Завершитель
накинул — надеяться втуне.
Душа величава, как прежде,
но разум подобен горбунье.

Видя, что голуби попались в расставленную сеть, обрадованный птицелов подбежал и уже замахнулся было палкой, чтобы перебить их всех. Но Читрагрива успел сказать голубям:

— Отчаиваться рано. Говорят же:

Ум истинный не оскудеет.
Какие бы ни были беды —
Решительно преодолеет
их все и добьется победы.

Удача равна неудаче —
вот истинной мудрости слово.
Багрово всходящее солнце,
закатное тоже багрово.

Мало того что я упустил добычу, пропала и сеть, с помощью которой я добывал пропитание для семьи. Придется мне, видно, оставить свое ремесло.

Читрагрива же, оглянувшись и не увидев птицелова, сказал голубям:

— Этот злодей отстал от нас. Ну, а теперь полетим в северо-восточную часть города Махиларопья, где живет моя добрая приятельница — мышь Хираньяка — Рыжая. Она перегрызет все ячейки и высвободит нас. Говорят же:

Когда на испуганных смертных
несчастье обрушится вдруг,
Одна лишь у них остается
надежда — что выручит друг.

Но когда, повинувшись своему жожаку, голуби прилетели к норе Хираньяки, настоящей крепости с тысячью входов и выходов, осторожная мышь не решилась высунуть и носа.

Приблизясь к норе, Читрагрива громко воззвал:

— Дорогая Хираньяка! Выйди поскорее! Великая беда приключилась.

— Кто ты такой, почтенный? — отозвалась мышь, не покидая своего убежища. — Зачем изволил пожаловать? И что за великая беда приключилась?

— Это я, Читрагрива, — назвался повелитель голубей. — Выйди же поскорее. Дело-то очень важное.

Узнав наконец голос своего друга, Хираньяка так обрадовалась, что волоски у нее на теле встали дыбом. Она, не мешкая, вышла наружу. Верно говорится:

Испытанных, верных друзей
радушно всегда привечают
В домах благородных, души
в них, преданных сердцем, не чают.

Тем людям достойным, к которым
приходят друзья что ни день, —
Великое счастье. Их даже
беды не коснется и тень.

Тут только Хираньяка заметила, что Чи-
трагрива и вся его свита опутаны сетью.

— Что это? — воскликнула она.

— Если ты видишь сама, зачем спраши-
ваешь? — откликнулся повелитель голубей. —
Сказано ведь:

Когда, где, и как, и зачем,
покорствуя року,
К добру ли стремимся душой,
влечемся ль к пороку,
Тогда, там, и так, и затем
за наши деянья
Сужденный мы плод обретем.
Напрасны роптанья.

Мы попали в эту беду из-за собственной алчно-
сти. Спаси же нас.

Хираньяка молвила в ответ:

— С высокого неба находит
добычу приметливым взглядом
Парящая птица, но сети
не видит — раскинутой рядом.

И еще:

Видя у демона в пасти луну,
Видя слонов исполинских в плену,
Видя ученых среди нищеты,
Думаю: «Рок! Сколь могуществен ты!»

Кроме того:

Хоть птицы летают высоко, а все же
не могут от бед улететь,
Хоть плавают рыбы глубоко, а все же
к ловцам попадают в сеть.
Не все ли равно, что свершаешь ты: благо
иль зло в разъяренье слепом,
Ведь Время настигнет простертою дланью
тебя в отдаленье любом.

Так молвив, Хираньяка хотела было освободить от уз Читрагриву, но тот остановил ее:

— погоди, дорогая. сперва освободи моих слуг, а потом уж меня.

— Не дело ты говоришь, друг, — проворчала Хираньяка. — Преимущество всегда за господином.

— Нет, — возразил Читрагрива. — Эти несчастные — вернейшая моя опора. Они последовали за мной, оставив свои семьи. Неужто же не окажу я им столь малой чести? Говорят же:

Хозяин, что слуг возвышает
доверьем своим, уваженьем,
И в горе не будет покинут
их, верных ему, окруженьем.

И еще:

Владыка слоновьего стада
внушает любовь и доверье.
Ко льву недоверье питая,
его избегают все звери.

Разгрызая сеть, ты можешь поломать зубы,
а тут, глядишь, как раз подоспеет птицелов.
Тогда мне не миновать ада. Говорят же:

Владыка, вкушающий счастье
в палатах своих, ни о ком
Из преданных слуг не заботясь, —
отправится в ад напрямиком.

— Я знаю этот обычай, свято чтимый всеми праведными владыками, но хотела тебя испытать. Ты выдержал это испытание! — радостно воскликнула Хираньяка. — Да будет по-твоему: сначала я освобожу всех твоих подданных и только потом тебя. И да умножится твоя стая! Говорится же:

Правитель, что добросердечен
и слуг осыпает дарами,
Небесным, земным и подземным
достоин владычить мирами.

Так молвив, Хираньяка освободила всех голубей.

— А теперь, друг, возвращайся в свою обитель, — сказала она Читрагриве. — Если случится еще какая-нибудь беда, прилетай, постараюсь выручить.

С этим напутствием она вернулась в свою крепость-нору, а Читрагрива вместе со всеми голубями полетел домой. Справедливо говорится:

Друзей выбирая из равных,
достигнешь с их помощью цели
Труднейшей, которой другие
еще не достигли доселе.

Наблюдая за освобождением всей голубиной стаи и ее предводителя, Лагхупатанака пришел в восхищение. «До чего же умна эта Хираньяка, — восторгался он, — и сколь искусно устроена ее крепость! Не мудрено, что она сумела освободить голубей. Хотя я по природе своей недоверчив и своенравен, все же мне следует подружиться с этой Хираньякой. Говорится же:

Все новых и новых друзей
заводит мудрец прозорливый:
Могуч Повелитель Всех Рек,
однако и он ждет прилива».

Так рассудив, он слетел к подножью дерева, приблизился к одному из входов в крепость-нору и, подражая голосу Читрагривы, стал вызывать Хираньяку.

«Уж не остался ли кто-нибудь из голубей в сетях?» — подумала Хираньяка.

— Кто там? — спросила она.

— Это я, ворон Лагхупатанака, — был ответ.

Услышав это, Хираньяка забилась глубже и пропищала:

— Уходи отсюда, почтенный.

— Но ведь я пришел к тебе по важному делу, — сказал Лагхупатанака. — Почему бы тебе не потолковать со мной?

— Нет, нет, я не хочу с тобой встречаться, — отнекивалась Хираньяка.

— Но ведь я же видел, как ты избавила Читрагриву от пут, — продолжал настаивать ворон. — Я проникся к тебе дружеским чувством. Возможно, и со мной случится подобная беда, тогда я обратился бы к тебе за помощью. Вот почему я хочу с тобой дружить.

— Но ведь ты едок, а я еда, — ответила Хираньяка. — Какая же меж нами может быть дружба? И еще:

Кто дружбу с неровнями водит,
пусть даже он лучше их всех,
Всю глупость свою обнаружит,
заслужит язвительный смех.

Так что уходи прочь!

— Послушай, Хираньяка, — настаивал Лагхупатанака. — Я останусь здесь, у входа в твою нору-крепость, и, если ты не согласишься удостоить меня своей дружбой, уморю себя голодом.

— Ты мой прирожденный враг. Как я могу с тобой дружить, сам посуди, — отвечала Хираньяка. — Говорят же:

Глупец, кто природным врагам
объятыя свои распростер:
Пускай кипяти, все равно
вода заливают костер.

— О какой вражде ты говоришь? Я даже не вижу тебя,— возразил Лагхупатанака.— Твои рассуждения тут совершенно неуместны.

— Вражда бывает двоякая: унаследованная и приобретенная,— стояла на своем Хираньяка.—

С враждой не врожденной бороться
есть средство, но если вражда
Врожденная, только со смертью
исчезнет она навсегда.

— Расскажи мне о признаках той и другой вражды,— попросил ворон.

— В основе вражды приобретенной лежит обычно какая-нибудь причина,— начала свое объяснение Хираньяка,— поэтому ее можно устранить искусно подобранным средством; унаследованная же вражда неустранима: такова вражда меж мангустами и змеями, травоедами и хищниками, меж водой и огнем, богами и дайтьями, собаками и кошками, богатыми и бедными, меж соперницами-женами, львами и слонами, охотниками и оленями, меж шротриями и теми, кого приносят в жертву, меж глупцами и мудрецами, целомудренными женами и развратницами, праведниками и злодеями. Все они стремятся извести один другого, хотя и не всегда в этом преуспевают.

— Не согласен с тобой,— сказал ворон.—

Свои основанья для дружбы,
свои для вражды основанья.
Разумный вражды избегает,
на дружбу — его упованья.

Выйди же, чтобы мы могли завязать с тобой дружбу.

— Послушай, — возразила Хираньяка. — Я поведаю тебе суть житейской мудрости:

Кто с другом, ему изменившим
однажды, готов примириться,
Погибнет в жестоких мученьях,
подобно жеребой мулице.

Хоть я и сама отнюдь не праведница, но не могу дружить с прирожденными врагами. Недаром же сказано:

Создатель грамматики — Пáнипи — был
растерзан рыкающим львом.
Был Джáймини — мудрый мимáнсы
творец —
растоптан ревушим слоном.
А Пíнгала, стихосложенья знаток,
акулой разорван в куски.
Тупые невежды не могут ценить
достоинств, что столь велики.

— Может быть, это и верно, — перебил ее Лагхупатанака, — и все же благоволи выслушать, что я тебе скажу:

Взаимная помощь людей доброхотных
Сближает; единые цели — животных.
Страх, алчность — глупцов, что презренных
презренней;
Достойных же — общность их мыслей,
воззрений.

Злодей — что из глины горшок:
Бьется — уже черепки не составить.
Святой — что сосуд золотой:
Мнется с трудом, но нетрудно исправить.

Чем дальше от самой верхушки,
Тем слаще и слаще тростник сахаристый,
Такой же бывает и дружба
С людьми, что душой благородны и чисты.

Как тень поутру, убывает
Дружба с порочным, с ничтожным глупцом,
Как тень ввечеру, прибывает
Дружба с высоким душой мудрецом.

Таково мое глубокое убеждение. У тебя нет никаких причин опасаться меня. Я готов принести любую клятву, что не трону тебя.

— Не верю я ни тебе, ни твоим клятвам, —
ответила Хирапьяка. — Говорят же:

Врагу доверять, хоть и клятвой
он связан, не следует, помни.
Он клятву преступит, как Индра,
что Вритру убил, вероломный.

Излишек доверья опасен:
сгубил Повелитель Богов
Младенца во чреве у Дити.
Дождешься ль добра от врагов?

И еще:

Кто хочет достичь долголетия,
тот знает: нельзя легковерно
На мудрость других полагаться,
пусть даже она и безмерна.

Кроме того:

Врагу позволяя проникнуть
сквозь малую щель, безрассудно
Себя ты погубишь — так тонет
от малой пробоины судно.

Не верь недостойным доверья,
достоиным — не верь все равно,
И сердце не будет сомнением
мучительным омрачено.

С врагом недоверчивым сильный
не справится, сети плетя,
Того, кто доверчив не в меру,
бессильный осилит шутя.

Простак, доверяющий клятвам
врагов и нелюбящих жен,
Каким ни владеет богатством,
руками их будет сражен.

«Как изощрен ум Хираньяки, как хорошо
разбирается она в делах государственных! —
нова восхитился Лагхупатанака. — Я должен во
что бы то ни стало обрести ее дружбу».

— Послушай, Хираньяка, — молвил он. —

Для дружбы достаточно вместе
бывает пройти семь шагов,
Семью обменяться словами, —
обычай мудрейших таков.

Мы уже обменялись с тобою более чем семью
словами. Почему же ты не доверяешь мне, не
выходишь из своей крепости-норы? Мы могли

бы вести с тобой поучительные беседы о добре и зле, услаждая друг друга речениями мудрецов, рассказывать занимательные истории.

«Этот Лагхупатанака весьма красноречив, нет никаких оснований сомневаться в искренности его слов, — заколебалась Хираньяка. — Почему бы мне и впрямь не завести с ним дружбу? Почему бы не выйти из своей крепости-норы?»

— Говорится же, — произнесла она вслух, — что:

Однажды испуганный враг
Крадется ползком, прижимаясь
к земле,
Как будто любовник рукой
По телу любовницы водит во мгле.

— Согласен, — ответил ворон и добавил: — Так уж повелось, что двое сначала обмениваются словами и мудрыми речениями, а затем оказывают друг другу взаимные услуги.

Лагхупатанака слетал в лес и принес Хираньяке кусочки мяса, остатки жертвоприношений и всякую иную вкусную снедь. Хираньяка же тем временем сготовила отменные яства из риса и другой крупы. Вечером, собравшись вместе, они принялись угощать друг друга. Правильно сказано:

Дает и берет, узнаёт
у друга все тайны его
и сам поверяет свои,
Его угощает и ест
еду, поднесенную им, —
вот шесть проявлений любви.

Друзья настоящие служат
друг другу, взаимно добры.
Ведь боги и те благосклонны,
когда им подносят дары.

Любовь укрепляют дарами,
ведь малый теленок и тот
Родимую мать покидает,
коль та молока не дает.

Любовь проявляется в щедрых
дарах. Будь как можно щедрей —
И вот уж, смотри, ненавистник —
среди закадычных друзей.

Дары получать и скотине
приятно. Спеша отдариться,
Накормленная, буйволенка
поит молоком буйволица.

Что же тут еще добавить?

Хоть и не друзья от природы,
однако же ворон и мышь
С тех пор подружились. Как мясо
с ногтями — не разъединишь.

С того дня, растроганная дружескими услугами, преисполненная доверия Хираньяка забиралась под крыло к своему другу, и они вели нескончаемые беседы. Но вот однажды ворон прилетел весь в слезах.

— Почтенная Хираньяка! На нашу страну обрушилось жестокое бедствие, — проговорил

он, всхлипывая. — Мне остается одно — покинуть свою родину.

— Что это за бедствие? — спросила Хираньяка.

— Долгое время в нашей стране не было ни одного дождя, — объяснил ворон. — Начался великий голод. Жители нашей страны уже не в силах совершать жертвоприношения. Люди ставят во всех дворах силки на моих пернатых собратьев, однако мне удалось избежать плена, и теперь я собираюсь улететь прочь. Может быть, где-нибудь в ином краю мои слезы иссякнут.

— И куда же ты намерен направить свой путь? — спросила мышь.

— Есть в южных краях густой лес, а в том лесу — большое озеро, где живет моя давнишняя приятельница, черепаха Мантхарака, — ответил Лагхупатанака. — Там-то я и хочу поселиться. Моя верная подруга будет подкармливать меня рыбой. И мы будем коротать с ней время в дружеских беседах, в чтении прекрасных стихов. В эту же страну, покуда не прекратится охота на птиц, я не возвращусь. Правильно говорится:

В великую сушь, во всемирный
пожар — лишь одно утешенье:
Не видеть погибель отчизны,
всеобщий хаос, разрушенье.

Нет ноши, чрезмерно тяжелой
Для сильных, находчивых
и терпеливых,
Для тех, кто учен, нет чужбины,
И нет чужаков для приятноречивых.

Ученость и власть несравнимы:
владыкам почет воздают
В их царстве, — однако ученым
повсюду любовь и приют.

— Не возьмешь ли ты и меня с собой? — попросила Хираньяка. — Ведь и у меня беда великая.

— Какая же у тебя беда? — удивился ворон. — Расскажи!

— Это дело долгое, — молвила мышь. — Вот переселимся в другую страну, там я тебе обо всем и поведаю.

— Но как же я возьму тебя с собой? Ведь я полечу высоко в небе, — сказал ворон.

— Если ты и впрямь хочешь меня спасти, — ответила мышь, — посади меня на спину и отнеси в ту страну.

— Я счастлив от одной мысли, что мы будем проводить время там вместе, — согласился обрадованный ворон. — Я знаю все восемь способов полета, начиная с воспарения. Забирайся же ко мне на спину, и я благополучно отнесу тебя на озеро.

— Ты не мог бы назвать мне все эти восемь способов? — любопытствовала мышь.

Лагхупатанака объяснил:

— Взлет и полет по прямой,
в стороны — вправо и влево,
Медленный, быстрый полет,
спуск и посадка на древо.

Хираньяка тотчас же забралась к нему на спину. Лагхупатанака взмыл в воздух и полетел по прямой к озеру. Еще издали увидев своего

друга с мышью на спине, — «что-то тут не так, странное несообразие», — испугалась Мантхаракка и — шлеп в воду. Лагхупатанака же устроил мышь в дупле дерева, которое росло на берегу, пересел на конец сука и позвал громким голосом:

— Выходи же, Мантхаракка, выходи. Это я, ворон Лагхупатанака, верный твой друг, я очень соскучился по тебе, выйди же и обними меня. Недаром говорят:

Приятно, когда притирают
сандалом иль снегом холодным,
Приятней шестнадцатикратно
общаться, дружить с благородным.

И еще:

Не божеством ли ниспослан
этот бесценный нектар —
Друг, исцеляющий горе,
четырёхбуквенный дар?!

Узнав наконец своего друга, Мантхаракка, со слезами радости, выбралась на берег.

— Иди сюда, дорогой мой друг! — воскликнула она. — Обойми меня. Извини, что не узнала тебя сразу. Говорится же:

Ни с кем не встречайся, покуда,
смельчак ли он, трус ли, не сведал,
Какого он рода, достатка, —
Брихаспати так заповедал.

Лагхупатанака слетел с дерева и обнялся со своей верной приятельницей. Хорошо сказано:

Не столь усладительны даже
 потоки амриты для тела,
Как друга объятья, который
 душою нам предан всецело.

После долгих объятий, в беспредельной радости, они уселись под деревом и рассказали друг другу обо всем, что им пришлось пережить за долгое время разлуки.

Тут появилась Хираньяка. Она поклонилась Мантхараке и села рядом с Лагхупатанакой.

— Откуда взялась эта мышь? — удивилась черепаха. — Уж не ты ли принес ее сюда на спине? Если ты так поступил, должно быть, у тебя были на то веские причины.

— Эту мышь зовут Хираньяка, — ответил ворон. — И она мне дороже жизни. Да что тут говорить:

Ни звезд в небесах, ни песчинок
 в пустыне безбрежной не счесть,
Не счесть и струящихся капель
 дождя проливного — так несть
Числа добродетелям этой
 души благочестной: она
Отринула мир, отвращенья
 к его искушеньям полна.

— Что же породило в ней столь сильное отвращение к миру? — спросила Мантхарака.

— Я уже спрашивал ее об этом, — ответил Лагхупатанака, — но она сказала, что расскажет об этом, когда мы переселимся сюда. Итак, до-

рогая Хираньяка, настала тебе пора рассказать, что же отвратило тебя от суетного сего мира.

И Хираньяка поведала такую историю.

— Есть в стране Дакшинатья город Махиларопья. В его окрестностях высится храм Всеблагого Махадевы. Там свершал свой отшельнический подвиг Тамрачуда — Рыжекудрый. Жил он на подаяния, которые собирал в городе. Все недоеденное он оставлял в чаше, а чашу каждый вечер, перед сном, вешал на крюк, походивший на змеиный клык. Утром же отдавал остатки еды работникам и наказывал им подмести пол в храме, натереть его глиной и расписать узорами — словом, всячески украсить святилище. Но вот однажды явились ко мне мои подданные с такой речью:

— О повелительница! Подвижник вешает чашу для подаяний так высоко, что нам до нее не добраться. Даже тебе, повелительница, это не удастся. Что же нам делать? Не переселиться ли в какое-нибудь другое место, где с твоей помощью мы могли бы добывать себе пропитание?

Сопровождаемая всей стаей, я тотчас же отправилась в келью отшельника. Высоко прыгнув, забралась я в чашу, скинула оттуда съестное для своих подданных, наелась сама и вернулась домой. И так каждую ночь. Как только подвижник засыпал, я запрыгивала в его

чашу и кормила всю стаю. Однажды, однако, он притащил бамбуковую палку и с тех пор, даже дремля, стучал ею по стене, возле чаши, стараясь отпугнуть меня. Я стала остерегаться таскать у него еду и каждый раз уходила голодная.

Однажды к подвижнику явился его приятель, тоже подвижник, по имени Брихатспхиг, который совершал паломничество по всем священным местам. Хозяин приветствовал его с должным почтением, как полагается по обычаю. С приходом ночи они улеглись на подстилке из травы куша и принялись рассказывать друг другу назидательные истории. Все время, пока говорил Брихатспхиг, Тамрачуда размахивал бамбуковой палкой, оберегая чашу с едой, а если тот задавал какой-нибудь вопрос, отвечал невпопад. И на этот раз мне так и не удалось пожитья. Меж тем Брихатспхиг, сочтя поведение хозяина оскорбительным для себя, в гневе воскликнул:

— Оказывается, ты мне вовсе не друг. Ты даже не слушаешь меня. Поэтому, хотя на дворе и стоит ночь, я покину твою келью и попрошусь к кому-нибудь другому. Недаром говорится:

Коль нас привечают с порога
словами: «Входи, дорогой!

Как живешь?

Здоров ли? Ты выглядишь что-то
неважно. Ах, если б ты знал, до чего ж
Я счастлив, что свиделся снова
с тобою...» — к такому хозяину в дом
Мы рады захаживать часто.

Его благодарной душою почтем!

С другой стороны:

В тот дом не ходи, где хозяин
 глядит неприветливо, строго,
А то и глаза потупляет,
 подобно скотине безрогой.

В тот дом не ходи, где вставать
 не принято гостю навстречу,
Где не улаживают его
 исполненной благодати речью.

Я вижу, что, пребывая один в сей келье, ты
впал в гордыню безмерную, даже отринул дру-
жеские узы. Неужто не ведомо тебе, что твоя
келья есть ад истинный?

Ты хочешь в аду побывать,
 как самый заправский злодей?
Год младшим жрецом послужи,
 а старшим — так хватит трех дней.

Смири же обуявшую тебя гордыню, глупец!
Я покидаю твою негостеприимную келью!

— Не говори так, почтенный! — принялся
увещевать гостя испуганный его угрозой Тамра-
чуда. — Нет у меня друга более близкого, чем
ты. Прости, что я слушал тебя с недостаточным
вниманием. Сейчас я тебе все объясню. В мою
чашу для сбора подаяний каким-то образом
умудряется запрыгивать мышь. Она начисто
съедает все, что там остается, — поэтому мне не-
чем расплатиться за уборку храма. Вот я и по-
колачиваю палкой по стене, чтобы отпугнуть
эту негодницу. Только не могу взять в толк, как
она исхитряется прыгать так высоко, что пре-
восходит в этом кошек и обезьян.

— А ведомо ли тебе, где находится ее нора? — спросил Брихатспхиг.

— Нет, почтенный, не ведомо, — ответил Тамрачуда.

— Ее нора, без сомнения, находится над запрятанным под землей кладом. Жар, от него исходящий, и наделяет ее способностью прыгать так высоко, — сказал Брихатспхиг. — Говорится же:

Нам силы дарует тот жар,
который идет от сокровищ.
Всем найденным щедро делись —
и счастье себе уготовишь.

К тому же:

Если меняет луценыи
на нелуценыи кунжут,
Матушка Шандили ищет
выгоды собственной тут.

— Расскажи об этом подробно, — попросил Тамрачуда, и Брихатспхиг поведал такую историю.

Некогда, в пору дождей, попросил я одного брахмана, который жил в селении, приютить меня. Было у меня желание, с его благословения, принять обет послушничества и, как он, по-

клоняться божеству. Проснувшись однажды на заре, я услышал спор между хозяином и его женой.

— Сегодня, брахманка, наступает летний солнцеворот. Этот день считается особенно благоприятным, поэтому я пойду в деревню собирать приношения, — сказал брахман. — Ты же тем временем в честь этого события угости кого-нибудь достойного брахмана.

Жена разразилась сердитой бранью.

— Да у тебя, голодранец ты этакий, в доме нет ни крошки еды. Постеснялся бы нести всякий вздор! — закричала она. — С того самого времени, как жрец соединил наши руки, я ни разу не отведала ни одного лакомства. Нет у меня ни ожерелий, ни ручных, ни ножных браслетов.

— Что ты говоришь, брахманка? — шепотом попытался усюветить ее муж. — Сказано ведь по этому поводу:

Еще никому не досталось
всего, что хотелось, пока.
Попросят тебя — без раздумья
отдай половину куска.

Того, что ценой дорогою
Богач обретает, свершающий требу,
Бедняк достигает, ракушку
От чистого сердца пожертвовав небу.

Кто скуп, хоть богат, — ненавидим.
Кто щедр, хоть и беден, любим.
Мы воду берем из колодца,
не из океанских глубин.

Величье — в самообузданье,
не в царском венце. Святотатство
Махешвару сравнивать даже
с Куберой, владыкой богатства.

Свой пот отдающему щедро
Слону, хоть он худ, ото всех похвала.
Свой пот отдающего скупю,
Хоть жиром заплыл, порицают осла.

Туча дарует лишь воду,
но миру отраднa всему.
Друг, об услуге просящий
смирннo, не мил никому.

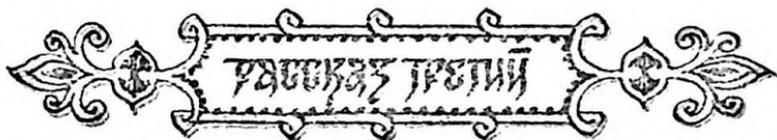
Даже те, кто живут в нищете, должны в положенное время класть хоть какую-нибудь малость в чашу для подаяний. Сказано же:

Даруется вечное благо
тому, кто в положенном месте
Свершает обряд приношенья,
как это велит доброчестье.

И еще:

Да будут все наши желанья
умерснными, без излишка.
У тех, кто чрезмерен в желаньях,
на лбу появляется шишка.

— Расскажи об этом подробно, — попросила брахманка, и муж поведал ей такую историю.

— В некоем лесном краю жил пулинда. Однажды, отправясь на охоту, он повстречал вепря, огромного, как гора Маханджана. Пулинда натянул свой лук так сильно, что оперенье стрелы коснулось его уха, и выстрелил. Но вепря ему не удалось повалить замертво. Раненый зверь в дикой ярости набросился на него и своими сверкающими, как народившийся месяц, клыками распорол живот. Пулинда рухнул бездыханный. Но и сам вепрь от нанесенной ему раны распался на пять изначальных стихий.

Случайно в эти места забрел голодный шакал. Увидев мертвого вепря и пулинду, он возрадовался: «О, сколь благосклонна судьба! Какое изобилие еды она мне посылает! Правильно говорится:

Пускай от грядущих времен
не ждешь ни возмездья, ни мзды,
Пожнешь непременно благих,
дурных ли деяний плоды.

Кто бы, когда бы и где
добрые, злые деянья
Ни совершил бы — ему
не миновать воздаянья.

Благодаря этой еде мое странствие по жизни продлится на много дней. Начну же я с того узелка, которым привязывается к луку тетива.

Мудрые каплю за каплей
жизненный пьют эликсир.
Пищу вкушают помалу —
так продлевается пир».

Взяв в пасть лук, шакал принялся грызть узелок тетивы. Как только он его перегрыз, лук распрямился и, пробив небо, выскочил одним концом среди лба. Вот я и говорю:

Да будут все наши желанья
умеренными, без излишка.
У тех, кто чрезмерен в желаньях,
на лбу появляется шишка.

Разве ты не слыхала, почтенная брахманка, — продолжал он, — что:

Жизненный путь, долголетье,
Мудрость, богатство и знатность — все пять
Нам суждены от рожденья.
Волю судьбы никому не поправить.

— Хорошо, — сказала, выслушав наставления мужа, брахманка. — У нас в доме есть немало кунжутных семян. Сейчас я их очищу и приготавлию для нашего гостя кунжутную кашу.

Не сомневаясь, что все будет сделано как положено, брахман отправился в деревню.

Его жена вымочила семена в горячей воде и положила их сушиться на солнце, а сама занялась другими делами. Пока она хлопотала по хозяйству, невесть откуда забежавший пес по-

мочился на рассыпанные для просушки семена. «Вот незадача,— огорчилась брахманка,— теперь, по воле судьбы, семена стали несъедобными. Соберу-ка я их и пойду к соседям. Всякий согласится поменять очищенные семена на неочищенные».

Зайдя в соседский дом, она предложила обменять очищенные семена на неочищенные. Хозяйка уже готова была согласиться, но ее сын, заглянув в «Камандакиянитишастру», сказал:

— Не бери этот кунжут, матушка. Да и вообще не следует менять неочищенный кунжут на очищенный: тут кроется какой-то подвох. Никто ничего не делает себе в убыток.

Послушавшись сына, хозяйка отказалась от предложенного ей обмена. Вот и я говорю:

Если меняет лущеный
на нелущеный кунжут,
Матушка Шандили ищет
выгоды собственной тут.

Закончив свой рассказ, он спросил:

— Известно ли тебе, каким путем приходит и уходит повелительница мышей?

— Известно, почтенный, — ответил Тамрачу-да, — она ведь ходит не одна, а в сопровождении бесчисленной стаи.

— Нет ли у тебя лопаты? — спросил гость.

— Как не быть, — ответил хозяин. — Есть железная.

— Завтра встанем с тобой пораньше, — сказал Брихатспхиг, — и, пока земляной пол еще не истоптан ногами верующих, пойдем по следам мышей.

Услыхав эти слова, я затрепетала. Мне грозила неминуемая гибель. Уж если он прознал о сокровище, то сумеет и разведать, где находится мое убежище. Говорят же:

Мудрец, с одного лишь погляда,
Узнает, какие достоинства в нас.
Торговец искусный прикинул
В ладонях — и вес называет тотчас.

По складу людского ума,
 что было, что будет,
Исполненный мудрости муж
 все в точности судит.
Павлина бесхвостый птенец,
 хоть слабый и робкий,
А все же, как взрослый, бочком
 ступает по тропке.

И вот я, умирая от страха, в сопровождении всей своей стаи, направилась к себе в убежище, но не по обычной дороге, а в обход. Откуда ни возьмись выскочил огромный котиче. Он прыгнул в самую середину стаи и принялся нещадно истреблять моих подданных. Немногие оставшиеся в живых, обливаясь кровью, все же добрались до нашей норы-крепости. Они проклинали меня за то, что я избрала столь губительный путь. Но ведь не всем удастся спастись от грозящей им беды, только немногим. Справедливо сказано:

Искусно сплетенную сеть разорвав,
 пронесшись, как ветер, сквозь лес,
Охваченный весь языками огня,
 от мчащихся наперерез

Ловцов ускользнув, обогнав на бегу
их стрелы, летящие вслед,
Сумела спасенье газель обрести
от всех угрожавших ей бед.

Я подыскала себе другое убежище. Все остальные, по неразумию своему, укрылись в нашей прежней крепости-норе. Странствующий подвижник без труда обнаружил ее по следам крови. Тут же, вооружась лопатой, он раскопал клад, над которым я жила и который наделял меня способностью прыгать на такую высоту. Безмерно обрадовавшись, он сказал Тамрачуде:

— Отныне, почтенный, ты можешь спать совершенно спокойно. Только жар, который исходил от клада, и позволял этой мышке вести себя столь дерзостно.

Он забрал клад, и оба они направились в келью. Я же вернулась в свое старое убежище. Теперь, когда под ним уже не было сокровища, оно вызывало во мне самые безотрадные чувства. «Что же мне делать? — задумалась я. — Куда пойти? Как обрести утраченный покой?» Весь день я провела в мучительнейших раздумьях. А на заходе солнца, обессиленная, в полном отчаянии, все же снова повела остатки своих подданных в келью, где жил Тамрачуда.

Заслышав шорох наших шагов, Тамрачуда вновь принялся размахивать палкой.

— Почему ты не спишь, приятель? — спросил его гость. — Ведь теперь тебе не о чем беспокоиться.

— Эта злодейка, предводительница мышей, снова явилась сюда со своей стаей. Вот я и машу бамбуковой палкой.

— Не бойся, — усмехнулся странник. — Вместе с богатством она лишилась и способности прыгать так высоко. Дело обычное, такое случается со всеми живыми существами. Богача видно издалека. Говорят же:

Усердые, а также чванливость
и велеречивость — по этим
Приметам нехитрым повсюду
всегда богача мы заметим.

Услышав сии глумливые слова, я разгневалась и попыталась допрыгнуть до чаши для подаяний. Не тут-то было. Услышав, как я шлепнулась на пол, мой враг со смехом сказал Тамрачуде:

— Смотри! До чего любопытно!

Тот и силен, кто богат,
тот и учен, кто богат.
Вмиг обессилела мышь,
только утратила клад.

И ты ныне спи спокойно. Мышь не причинит тебе ни малейшего вреда. Сказано ведь:

Без яда змея, слон без пота,
напрасно зовущий слоних,
Богач без богатства, — что, кроме
названий, осталось от них?!

«У меня нет сил подпрыгнуть хотя бы на высоту человеческого пальца, — горестно раздумывала я. — Воистину, презренна жизнь утратившего богатство! Говорится же:

В ничто обратятся деянья
того, кто утратил навеки
Богатство: вот так иссыхают
порою засушливой реки.

Пырей не пшеница, и дикий
кунжут — не возвращенный в полях.
Подобье одно человека —
богач, разорившийся в прах.

С утратой богатства людские
достоинства меркнут мгновенно.
Богатство — как солнце, которым
все высвечено во вселенной.

Уж лучше того, кто с рожденья
достатка не ведал, удел,
Чем участь того, кто утратил
богатство, которым владел.

Не лучше ли вырасти деревом
в просторах пустыни бесплодной —
Трухлявым, иссохшим и хилым, —
чем жить в нищете безысходной?!

У всех нищета вызывает
презренье. Кого ни попросит
О помощи — тот отвернется:
и вида ее не выносит.

В сердцах бедняков, зажигаясь,
желанья сгорают дотла.
Напрасно они пропадают,
как вдов налитые тела.

Несчастных, которые словно
окутаны тьмою кромешной,
Не видит никто, а увидит —
глаза уклоняет поспешно».

Погруженная в свои печальные раздумья, убитая всем происшедшим, я увидела, что мой враг положил откопанный им клад себе под подушку.

На заре я отправилась в свое убежище, слыша, как шушукуются меж собой мои подданные.

— Увы, — жаловались они, — наша повелительница уже не может заботиться о нашем пропитании. Если мы по-прежнему будем ей подчиняться, то все до единой погибнем в кошачьих когтях. Какой же смысл надеяться на ее благодеяния? Говорят же:

Уж если в служенье владыке
нет выгод, одни лишь напасти,
Не лучше ли освободиться
от столь утеснительной власти?

Оскорбленная подобными разговорами, я удалилась в свою нору-крепость. Но никто из моих подданных даже не пожелал проведать меня. «Будь проклята нищета! — кляла я свою участь. — Не зря сказано:

Бедняк — что мертвец, мертвецы —
бездетные муж и жена,
И жертва мертва, коль она
не шротрией принесена».

Оказалось, что все мои подданные переметнулись к моим врагам. Те же, видя, что я осталась в гордом одиночестве, осыпали меня насмешками. Тогда я погрузилась в йогический сон, и в этом сне у меня родился такой замысел: пойти к этому паломнику и, когда он крепко уснет, утащить у него из-под головы ларец с сокровищами. Если бы мне удалось выполнить этот замысел, я бы сумела вернуть себе прежнюю власть. Однако недаром говорится:

Богач обедневший жалеет
о прошлом, мечтает бесплодно,
Но дел избегает, подобно
вдове из семьи благородной.

На свете, все знают, несчастья
нет худшего, чем нищета.
Тех, кто обнищал, за умерших
родня принимает и та.

Бедняк переносит любые
обиды, затоптанный в грязь,
И даже роптать он не смеет,
с судьбою своею смирясь.

Стыдится родня бедняка,
уходят друзья от него,—
Взывает о помощи он,
но рядом с ним нет никого.

Безденежье — горестных мук
и унижений виною
Бывает всегда. Нищета —
для смерти названье иное.

Как тень от горящей лампы,
как пыль у козы из-под ног,
От нищего все убегают.
Он в жизни как перст одинок.

Даже от глины комка
польза: подтирка для зада.
Только от нищего нет
пользы — одна лишь досада.

Пусть даже приходит с дарами
бедняк — принимают его,
Как будто бы он попрошайка,
презреннейшее существо.

Если же я погибну, пытаюсь вернуть похищенные у меня сокровища, то тем лучше!

И жертвенной даже не примут
воды у того растеряхи,
Который, утратив богатство,
лишь хнычет в смятенье и страхе.

Так порешив, я дождалась темноты и отправилась в келью к подвижникам. Забралась на постель к паломнику и прогрызла в ларце дыру, и как раз в это время проснулся хозяин кельи и так треснул меня палкой, что я чуть было не испустила дух. Говорится же:

Богатство, судьбою сужденное нам,
У нас не отнять и верховным богам.
Зачем же тогда горевать и рыдать?
В свой срок все равно низойдет благодать.

— Расскажи об этом подробно, — попросили ворон и черепаха, и Хираньяка поведала им такую историю.

РАССКАЗ ЧЕТВЕРТЫЙ

— Жил в некоем городе купец Сагарадатта. Его сын уплатил сто рупий за книгу с одним-единственным стихом:

Богатство, судьбою сужденное нам,
У нас не отнять и верховным богам.
Зачем же тогда горевать и рыдать?
В свой срок все равно низойдет благодать.

— Сколько ты выложил за эту книгу? — спросил Сагарадатта.

— Сто рупий, — ответил сын.

— Ну и болван же ты! — воскликнул отец. — Выложить сто рупий за книгу, где написан один-единственный стих! С такой расточительностью ты сразу же прогоришь в нашем купеческом деле. Вон из моего дома! И чтобы больше ты не смел здесь появляться!

Прогнанный отцом сын направился в другую страну. Там он остановился в каком-то городе.

Через несколько дней один из жителей спросил его:

— Откуда ты прибыл, почтенный? Как тебя зовут?

В ответ на этот вопрос сын купца прочел стих: «Богатство, судьбою сужденное нам...»

О чем бы его ни спрашивали горожане, он всем отвечал: «Богатство, судьбою сужденное нам...» Его так и прозвали: «Богатство-Судьбою-Сужденное-Нам».

Однажды в праздничный день дочь царя, который правил этим городом, отправилась погулять по улицам. Звали ее Чандравати, и была она дивно хороша собой. И вот, прогуливаясь, увидела Чандравати красивого и приятного собой царевича из другой страны. Сраженная точными стрелами бога любви, она шепнула своей наперснице:

— Ах, милая, устрой мне свидание с этим красавцем. Прямо сейчас, я не могу ждать.

Наперсница подошла к царевичу и сказала:

— Меня послала к тебе царевна. Она велела передать, что ты с первого взгляда покоришь ее сердце. Ее терзают нестерпимые муки любви. Если ты не захочешь с ней встретиться, она не переживет твоего отказа.

— Я готов с ней встретиться, — согласился царевич, — но не знаю, как это сделать.

— Подойди ночью к дворцу, и мы сбросим тебе крепкий ремень. По этому ремню ты заберешься в опочивальню царевны.

— Ладно, так я и поступлю.

Но когда сгустилась тьма, царевич заколебался. «Недостойная это затея, — подумал он. — Говорится же:

Кто дочь властелина ли, гуру,
у друга жену совращает,
Тот грех непростительный, словно
убийство жреца, совершает.

И еще:

Наш долг — избегать неизменно
всего, что во вред добронравью,
Всего, что с пути благочестья
уводит к позору, бесславью».

Так порешив, он не пошел на свидание с царевной. Тем временем, прогуливаясь около беломраморного дворца, Богатство-Судьбою-Сужденное-Нам увидел свисающий из высокого окна ремень. Недолго думая, он взобрался наверх, в опочивальню царевны. Обрадованная царевна, не разглядев в темноте его лица, почтила купеческого сына омовением, отменными яствами и сладким питьем. Затем, подарив ему шелковые одеяния, возлегла с ним на ложе. От одного соприкосновения с его телом она вся затрепетала и, ощущая неизъяснимое томление, воскликнула:

— О дорогой! Я полюбила тебя с первого взгляда. Мое сердце отдано тебе навеки. Иного супруга мне и не надобно. Но почему ты молчишь?

Купеческий сын ответил:

— Богатство, судьбою сужденное нам...

Тут царевна сразу поняла, что он не тот, кого она приглашала к себе в опочивальню.

Сын купца соскользнул вниз по ремню, зашел в разрушенный храм поблизости, лег и сразу же уснул. А в этом храме назначил своей любовнице свидание начальник городской стражи. Увидев там спящего, он растормошил его и спросил:

— Кто ты такой?

— Богатство, судьбою сужденное нам... — ответил сын купца.

— Шел бы ты отсюда, — сказал ему начальник стражи, — а если тебе негде переночевать, ступай ко мне в дом.

Недолго раздумывая, сын купца отправился к нему домой. По ошибке он выбрал ложе, где спала дочь начальника стражи, юная красавица Винаявати. В кромешной тьме девушка приняла его за своего возлюбленного, попотчевала отменными кушаньями, нарядила в шелковые одеяния и возлегла с ним на ложе. Они насладились любовью по обычаю гандхарвов.

— Почему мой повелитель ничего не говорит? — спросила прекрасная, как лотос, девица.

— Богатство, судьбою сужденное нам... — отозвался юноша.

— Необдуманное дело приносит худые плоды, — сказала она и с досадой выгнала его вон.

Блуждая по переулкам, сын купца встретил свадебную процессию. Женихом был человек из другой страны по имени Варакирти. Богатство-Судьбою-Сужденное-Нам присоединился к этой процессии. В благоприятный для бракосочетания час — этот час был выбран астрологом — невеста, купеческая дочь, подошла к алтарю у ворот их дома, стоявшего на Царском пути. Она была в нарядных свадебных одеждах. Но тут случилась нежданная беда. Обезумевший от любовной страсти слон, убив своего погонщика, набросился на процессию. Испуганные крики людей привели его в еще большее неистовство. Жених и все, кто с ним был, кинулись наутек. Глядя на оставленную всеми невесту, чьи нежные глаза были исполнены ужаса, Богатство-Судьбою-Сужденное-Нам громко крикнул:

— Не бойся! Я спасу тебя!

Он обвил ее правой рукой и с такой яростью обрушил поток бранных слов на слона, что тот вдруг, по прихоти судьбы, остановился, а затем зашагал прочь.

Варакирти вместе со всеми остальными вернулся уже после того, как миновало благоприятное время, назначенное астрологом.

Увидев свою невесту в объятиях другого, он с укоризной сказал отцу девушки:

— Нехорошо ты поступил, уважаемый тесть. Просватанную за меня девушку отдал другому.

— Но ведь я убежал со всеми другими, — оправдался тесть. — Я тут ни при чем. — И, обратясь к дочери, он попросил: — Расскажи нам, как все это получилось.

— Он спас меня от неминуемой смерти, — ответила девушка. — Покуда я жива, я не выйду замуж ни за кого другого.

Поутру, когда весь город пробудился, услышав о событиях минувшей ночи, царевна поспешила на место происшествия. Туда же прибежала и дочь начальника стражи. Наконец, пожаловал и сам царь.

— Что тут произошло, говори смело, — велел он Богатству-Судьбою-Сужденному-Нам.

— Богатство, судьбою сужденное нам... — начал тот.

Припомнив все, что случилось с ней той ночью, царевна продолжала:

— У нас не отнять и верховным богам.

— Зачем же тогда горевать и рыдать? — дополнила дочь начальника стражи.

А купеческая дочь заключила:

— В свой срок все равно низойдет благодать.

Государь, пообещав простить их, приказал не таиться и по очереди рассказать о случившемся. Выслушав рассказ каждой, он сказал юноше:

— Отныне ты мой сын!

И отдал ему свою дочь в жены. В приданое за ней он пожаловал молодому зятю тысячу деревьев, несметное множество одеяний и украшений, а также подобающую свиту, а затем окропил его на царство. Ему же отдал свою дочь и начальник стражи. Он пожаловал зятю много дорогих вещей и нарядов. С тех пор Богатство-Судьбою-Сужденное-Нам жил в этом городе в счастье и радости, вместе со своими родителями, свойственниками и женами, и все относились к нему с должным почтением. Поэтому-то я и говорю:

Богатство, судьбою сужденное нам,
У нас не отнять и верховным богам.
К чему же тогда горевать и рыдать?
В свой срок все равно низойдет благодать.

Размышляя о превратностях судьбы, я впала в отчаяние. Но мой друг Лагхупатанака поддерживал меня своими утешениями. Теперь ты знаешь, почему я отвергла сей суетный мир.

— Да, он твой истинный друг, — сказала Мантхарака. — Ведь ты для него еда, однако же он посадил тебя на спину и, так и не съев, принес сюда. Говорится:

Тот истинный друг, кто с тобою
добросердечен, не лжив,
Кто другом твоим остается,
даже богатство нажив.

Как пандиты жертвенный пламень
испытывают: хорошо ли
Горит, — проверяют и дружбу
в счастливой судьбе и недоле.

Вот и я доверяю ему, хотя, казалось бы, ка-
кая может быть дружба между плотоядным во-
роном и той, кто живет в воде? Сказано
же:

Кто друг, а кто враг — неизвестно.
Порою случается так,
Что губит нас друг — и спасает
от верной гибели враг.

Добро же пожаловать в наши края. Пусть этот
берег озера станет тебе, дорогая пришлица,
родным домом. Не сокрушайся, что ты утрати-
ла богатство и вынуждена была переселиться на
чужбину. Правильно говорится:

Летящего облака тень
недолгое дарит приятство.
Все быстро уходит: любовь,
неверная дружба, богатство.

Вот почему истинные мудрецы, обуздавшие
свой дух, не стремятся разбогатеть. Говорят
же:

Жестокий богач с бедняком
шагов не пройдет и пяти,
Хотя бы богатствам его
ничто не грозило в пути.

— В некоем селении жил ткач Сомилака. Он ткал такие чудесные ткани, что их не стыдно было бы носить даже царю. Ткани были разного цвета, с всевозможными узорами, самой искусной выделки, но того, что он зарабатывал на их продаже, не хватало ни на еду, ни на одежды для семьи. Другие же ткачи, которые умели ткать лишь грубые ткани, выручали куда больше.

— Посмотри, милая, — однажды посетовал Сомилака. — Ткачи, изготавливающие грубые ткани, просто купаются в деньгах, я же, ты знаешь, едва свожу концы с концами. Пойду-ка я в другие края.

Жена стала его отговаривать:

— Это пустая затея. Если ты бедствуешь здесь, то напрасно надеешься разбогатеть в другом месте. Говорится же:

Летает ли птица в небесном
просторе, сидит ли на крыше,
Достанется ей лишь добыча,
предопределенная свыше.

И еще:

Как в стаде находит теленок
родимую мать без труда,
Свершившего дело любое —
оно настигает всегда.

Ты дремлешь — покоятся рядом
на ложе, идешь — за тобою
Деянья, свершенные прежде,
бредут неотступной толпою.

Как связана тень неразрывно
со светом, так неразделимы
Творец со свершенным им делом.
Извечен союз их незримый.

Так что оставайся здесь и занимайся привыч-
ным тебе делом.

— Нет, госпожа моя, ты рассуждаешь непра-
вильно, — возразил ткач. — Если сидеть сложа
руки, то не получишь даже плодов, предназна-
ченных тебе судьбою.

Нам обе ладони потребны,
дабы получился хлопóк.
Усилий своих не приложишь —
тебе не поможет сам бог.

Послушай, моя дорогая:
без помощи рук — и еда,
Судьбою сужденная даже,
до рта не дойдет никогда.

И еще:

Успех осеняет усердных,
в работе ретивых.
«Все в воле судьбы», — отговорка
глупцов нерадивых.
Трудись неустанно, со всеми,
кто трудится, вровень.
И если успех не достигнут,
то кто тут виновен?

По этому поводу можно также сказать:

Успех достигают усердьем,
одних тут не хватит желаний.
Ко спящему льву не приходят,
чтоб мог он насытиться, лани.

Не сбудутся наши желанья,
пока мы усердя не явим.
Валя на судьбу неудачу,
мы только себя обесславим.

Когда, прилагая все силы,
добиться не можем успеха,
Кто нас, невиновных, осудит?
Судьба тут, как видно, помеха.

Нет у меня иного выхода, кроме как отправиться в другую страну.

Так порешив, он пошел в город Вардхаманупур и, прожив там три года, заработал триста золотых. С этими деньгами он решил возвратиться домой.

Когда на полпути к дому ткач проходил через дремучий лес, солнце уже скрылось за Горой Заката. Остерегаясь диких зверей, он вскарабкался на сук большого баньяна и заснул. И привиделись ему два устрашающего обличья беседующих меж собой мужа.

— Слушай, Картар, — сказал один, — неужели не известно тебе, что Сомилаке определен недостаток не больший, чем требуется на покупку одежд и пропитание? Почему же ты позволил ему заработать триста золотых?

— Слушай, Карман, — ответил другой. — Мое дело — достойно вознаграждать усердые.

А что ты им оставишь от этого вознаграждения — дело твое.

Когда, пробудившись, ткач заглянул в свой узелок, там не оказалось ни одной золотой монеты. «Что за напасть! — огорчился он. — С таким трудом заработал деньги, а их нет, улетучились куда-то. Как же я теперь покажусь на глаза жене и друзьям?»

Так подумав, Сомилака отправился в город Паттана и заработал там пятьсот золотых. Когда он возвращался домой, заход солнца снова застал его в дремучем лесу. Опасаясь лишиться своего богатства, ткач, хоть и сильно притомился, отдыхать все же не стал — и даже ускорил шаг. Но и на этот раз ему померещились два мужа ужасающего обличья: они шли рядом и разговаривали меж собой.

— Слушай, Картар, — начал один, — почему ты позволил Сомилаке заработать пятьсот золотых? Неужто не ведаешь ты, что ему определен достаток не больший, чем требуется на покупку одежд и пропитание?

— Слушай, Карман, — ответил другой. — Я всегда вознаграждаю усердных. А уж что ты там им оставишь — дело твое. Что же ты меня укоряешь?

Сомилака тут же развязал узелок и увидел, что в нем не осталось ни одного золотого.

«Зачем мне и жить? — загоревал он. — Только одно и осталось — повеситься на баньяне».

Он сплел веревку из травы дарбха, набросил петлю на шею, взобрался на толстый сук и хотел уже было покончить все счеты с жизнью, как вдруг услышал голос с высоты:

— погоди, Сомилака. Я отобрал у тебя все твое богатство, ибо не могу допустить, чтобы

ты имел хоть одну каури сверх того, что требуется на покупку одежд и пропитание. Ступай домой. И знай: я очень доволен проявленным тобой усердием. К тому же тебе было дано лицезреть меня. Поэтому проси любую, какую захочешь, награду.

— Коли так, пожалуй мне денег, — поспешил ответить Сомилака.

— На что тебе деньги? — возразил голос. — Ведь тебе ничего не положено, кроме еды и одежды. Сказано же:

Что делать с богатством, которым
Владеешь один, как любимой женой,
Не принадлежащим, как вещь,
Любому идущему той стороной?

— Если мне не даровано судьбой никаких радостей, — ответил Сомилака, — то пусть хоть будет достаточно денег. Говорится же:

Пусть скуп, худороден, пусть даже
презреннее нет человека,
Богатому все служат:
так мир наш устроен от века.

И еще:

Пятнадцать уж лет миновало,
как я на два этих шара
Гляжу: все болтаются. Скоро ль
упасть им приспеет пора?

— Расскажи об этом подробно, — попросил муж устрашающего обличья, и Сомилака поведал такую историю.

РАССКАЗ ШЕСТОЙ

— Жил в некоем селении могучий бык по кличке Махавришабха — Великий бык. Однажды, в пору спаривания, покинув свое стадо, он бродил по лесистому берегу реки, взрывая рогами земляной склон и питаясь верхушками малахитово-зеленой травы. Жил в том же лесу прожорливый шакал Пралобхака. Когда он вместе со своей женой лежал, отдыхая, на берегу реки, мимо, направляясь на водопой, прошествовал остророгий Махавришабха.

— Посмотри, дорогой, — сказала шакалиха своему мужу. — Меж задних ног у него болтаются два больших шара. Рано ли, поздно ли они наверняка упадут наземь. Следуй за ним по пятам. Вот тебе и будет добыча.

— Еще не известно, упадут ли они или нет, — возразил шакал. — Зачем заниматься пустым делом? Мы можем питаться мышами, которые тоже ходят этой дорогой на водопой. К тому же, если, оставив тебя, я буду бродить по пятам за этим остророгим быком, не ровен час, кто-нибудь займет наше логово. Так поступать негоже. Сказано же:

Кто, верное дело оставив,
начнет заниматься неверным,
И в том, и в другом неудачу
потерпит с позором безмерным.

— Что за жалкое ты ничтожество! — выбрала его шакалиха. — Всегда довольствоваться малым. Мужчине надлежит быть предприимчивым, находчивым, сильным.

Где правят усердые, упорство,
где лени нет места, тем паче,
Где мудрость и смелость — не там ли
обитель богини удачи?

Нельзя на судьбу полагаться.
кто собственных сил не приложит,
Простого кунжутного масла
и то изготовить не сможет.

И еще:

В делах удовольствуясь малым,
глупец растеряет удачу
И вместе с удачей утратит
и все, что имеет, в придачу.

Все это одни отговорки, мол, неизвестно, когда отвалятся эти два шара. Сказано же:

Смелым и ловким хвала!
Ведь воробью и тому
Индра дарует питье,
честь воздавая ему.

И ко всему, мне надоело мышиное мясо. А эти два шара непременно отвалятся и упадут на землю.

Не в силах противиться настояниям жены, шакал перестал ловить мышей и вместе с женой последовал за остророгоим быком. Не зря говорится:

Бахвалится муж: «Я — глава».
Но только жена, как бодцом,
Словами его уязвит,
он вмиг завиляет хвостом.

Женой понукаемый муж
уже понимать неспособен,
Что осуществимо, что нет,
съедобен ли рис, несъедобен.

Пятнадцать лет неотступно ходили шакал
и его жена за остророгим быком. Но два шара
так и не оторвались. Тогда-то шакал и провор-
чал:

Пятнадцать уж лет миновало,
как я на два этих шара
Гляжу: все болтаются. Скоро ль
упасть им приспеет пора?

Хватит нам таскаться за этим быком. Пошли-
ка домой...

Выслушав рассказ Сонилаки, его боже-
ственный собеседник молвил:

— Коли так, ступай в Вардхаманапур. Есть
там двое купеческих сыновей: одного зовут
Гуптадхана, другого — Упабхуктадхана. Пона-
блюдай за каждым из них, как он живет, каков
его нрав, а уж потом проси себе награду. Если
тебе захочется, подобно Гуптадхане, хранить
свои богатства втуне, — воля твоя. Если же ты
пожелаешь наслаждаться жизнью, подобно
Упабхуктадхане, то и на это воля твоя.

Немало удивленный услышанным, Сонилака
направился в Вардхаманапур. Он добрался до
города уже в сумерках, вконец измученный,

и спросил дорогу к дому Гуптадханы. К тому времени, когда он вошел в дом, солнце уже село. В большой комнате, куда он попал, шла ожесточенная перепалка между Гуптадханой, его женой и сыновьями. Встретили его без должного гостеприимства, поднесли горстку еды и уложили спать. Во сне он опять увидел тех двоих мужей.

— Слушай, Картар, — сказал один, — зачем ты заставил Гуптадхану потратиться на угощение Сомилаки? Так поступать негоже.

— Нет тут моей вины, Карман, — отозвался другой. — Мое дело — даровать человеку богатство, а уж как этот человек с ним поступит, — дело твое.

Наутро, проснувшись, Сомилака узнал, что его хозяин Гуптадхана сильно мается животом и хочет поститься. Ткач тут же поспешил в дом Упабхуктадханы, который принял его со всем подобающим почтением, попотчевал вкусным угощением и одарил одеждами. Вечером его уложили на лучшее в доме ложе. Во сне он опять увидел тех двоих мужей.

— Слушай, Картар, — сказал один, — не слишком ли много денег потратил Упабхуктадхана на прием Сомилаки? Ведь ему пришлось занять эти деньги у купца — как же он расплатится?

— Знаешь, Карман, — ответил другой. — Я сделал свое дело, а что из него проистечет — это уж твоя забота.

Утром к Упабхуктадхане наведалься царский слуга и принес ему много денег из казны. Увидев это, Сомилака подумал: «Уж лучше сидеть без денег, как Упабхуктадхана, чем жить, как этот скупец Гуптадхана. Сказано же:

Кто веды постиг —
 священное пламя хранит,
Кто шрути постиг —
 добро неустанно творит,
Нам жены дарят
 утехи любви и детей.
Не ради себя —
 богатством для бедных владей.

Пусть Создатель дарует мне счастье и щедролюбие. Я не хочу быть скупцом, подобным Гуптадхане».

С тех пор Сомилака стал Даттабхуктадханой, то бишь Счастливым и Щедрым. Вот почему я и говорю:

Иной добывает богатство.
 Как им насладиться, однако,
Не знает. Такое случилось
 в дремучем лесу, с Сомилакой.

Так что, дорогая Хираньяка, если пораздумать, то не стоит печалиться по поводу утраты богатства. Если уж человеку ученому оно не приносит добра, то неученому — и подавно. Говорится же:

Уж если богатым считать
 того, чьи богатства в кубышке
Хранятся, — мы все богачи,
 мы все — и без денег — купчишки.

И еще:

Расходуй богатство свое.
 В закопанном много ли прока?
Застаивается вода,
 когда не бывает оттока.

Богатство — чтоб им наслаждаться.
Глупец — кто его стережет.
Смотри-ка, уносят другие
накопленный пчелами мед.

И к тому же:

Богатство — чтоб им наслаждаться
и щедро давать подаянье.
Кто этого не понимает —
утратит свое достоянье.

Разумный не стремится к богатству лишь ради
того, чтоб его хранить. Скупость ведет к не-
счастью. Сказано ведь:

Питаются воздухом змеи,
травкою — слоны:
Те ползают быстро, а эти
безмерно сильны.
Кто мудр — ест плоды и коренья,
все прочее яд.
Поверьте, довольство немногим
есть истинный клад.

Кто хочет покоя и счастья,
тот, следуя мудрых завету,
Не станет, гонясь за богатством,
метаться по белому свету.

Великое благо — довольство,
зато безграничное горе —
Тому, кто не знает довольства,
с собою извечно в раздоре.

Ум помутнен — и мутятся
чувства. Скрывается лик
Солнца за темной завесой —
гаснут лучи в тот же миг.

Да будут в душе у тебя
умиротворенье и тишь.
Богатство — огонь. Как огнем
ты жажду свою утолишь?!

Людей, на уме у которых —
нажива, неправеден суд.
Благое охают, худому
хвалу до небес вознесут.

Ты алчешь богатства? Сойди
с неправедной этой стези:
В болото тебя заведет —
утонешь, несчастный, в грязи.

Нет дара ценнее, чем щедрость,
и хуже врага, чем корысть.
Добро возлюби. От пороков
немедленно сердце очистиь.

Возвышен не тот, кто богат,
кто честь, как святыню, сберег.
Всего-то достатка что бык
у Шивы, однако он бог.

Я высказала тебе все это, Хираньяка, в надежде, что ты обретишь утраченное довольство жизнью.

— Любезная Мантхарака, — ответила мышь. — У меня нет ни малейших сомнений в твоей искренности. Справедливо сказано:

Как много приятноречивых!
Как мало таких, что готовы
И высказать не обвинуясь,
и выслушать горькое слово!

Кто может и горькое слово
нам высказать — истинный друг.
Все прочие лишь по названью
друзья, их немало вокруг!

Так они вели беседу, как вдруг на берег озера, спасаясь от охотников, прибежал пятнистый олень Читранга. Лагхупатанака в страхе взлетел на дерево, Хираньяка укрылась в густой траве, а Мантхарака прыгнула в воду. Разглядев, что это всего-навсего олень, Лагхупатанака крикнул Мантхараке:

— Иди сюда, Мантхарака. Это не человек, а изнемогающий от жажды олень.

— О Лагхупатанака, — ответила черепаха, поразмыслив. — Посмотри, как прерывисто он дышит, как тревожно озирается. Видимо, за ним гонятся люди. Надо бы его порасспросить. Верно сказано:

Запыхался, дышит неровно,
оглядывается в испуге,
Все это недаром: как видно,
ловцы объявились в округе.

— О Мантхарака, — вступил в разговор Читранга. — Ты правильно угадала причину моего страха. Самому мне удалось ускользнуть от стрел охотников, но все мое стадо будет неми-

нуемо истреблено. Покажи мне какое-нибудь укрытие, где я мог бы спрятаться от преследователей.

— Послушай, Читранга, — ответила Мантхарака, — в «Нитишастре» есть подходящее к этому случаю изречение:

Два способа есть от врага
спасти: дать отпор, отразить
Оружьем его, и еще:
бежать, полагаясь на прыть.

Пока не настигли тебя злодеи охотники, укройся в самой гуще леса.

— Слушай, Мантхарака, — сказал вдруг Лагхупатанак, слетев с дерева. — Я видел, как охотники отправились домой, унося с собой большие куски мяса. Читранга может спокойно отдохнуть здесь на берегу.

С тех пор они близко сдружились и, счастливые, все вчетвером проводили время в тени дерева за приятными беседами, услаждая друг друга мудрыми речениями. Правильно сказано:

Внимающий мудрым реченьям
не жаждет иной благодати.
Ему упоенье беседой
приманчивей женских объятий.

Кто не собирает речений
подобно тому, как в ларец
Кладут украшенья, чем сможет
украсить беседу, глупец?

И еще:

Не знающий ценности мудрых
речений — камней дорогих —
Сумеет блеснуть ли в беседе?
Посмешище он для других.

Однажды, однако, Читранга не явился в обычное время, и друзья, в сильной тревоге, стали спрашивать друг друга:

— Почему сегодня нет нашего оленя? Уж не задрал ли его лев либо иной хищный зверь? Или, может быть, его застрелили охотники? Не сгорел ли он в лесном пожаре? Не свалился ли в пропасть? А может быть, ему захотелось пощипать свежей травки и он отправился на другое место? Разумно сказано:

В саду задержался — и то
тревожатся близкие, зная,
Что беды нас всех стерегут,
а тут ведь чащоба лесная.

— Послушай, Лагхупатанака, — предложила Мантхарака. — Мы с Хираньякой — тихоходы. Зато ты у нас летаешь быстро. Облтай-ка весь лес, может быть, он еще жив.

Лагхупатанака тут же полетел на поиски и на берегу пруда увидел оленя, запутавшегося в охотничьих сетях.

— Что с тобой случилось, дорогой? — участливо спросил он.

При виде ворона олень еще больше опечалился. Верно говорится:

Утешить бы должен в беде
приход существа дорогого.
Бывает, однако, и так,
что боль обостряется снова.

— О друг! Видно, пришел мой смертный час, — залился слезами Читранга. — Теперь, при твоём появлении, я чувствую это с особенной силой. Недаром говорится:

Если в предсмертный наш час
друг появляется вдруг,
Рад отходящий — и рад
жить остающийся друг.

Прости меня, если во время наших бесед я молвил что-то неуместное. То же самое передай Хираньяке и Мантхараке.

Если обидел невольно,
вы уж за это меня
Не порицайте, простите,
в памяти зла не храня.

— Дорогой мой, — ответил Лагхупатанака, — рано отчаиваться, имея таких надежных друзей, как мы. Сейчас я слетаю за Хираньякой, она перегрызет твои путы. Держись стойко. Сказано ведь:

Кто — терпит ли он неудачи,
судьбой вознесен ли — спокоен
И в битве отважен — собою
три мира украсить достоин.

Тут-то как раз и появился охотник. Но прежде чем он успел дотянуть оперенье стрелы до уха, Хираньяка уже перегрызла последние ячейки, сплетенные из крепких жил, и Читранга умчался. Лагхупатанака взлетел на дерево, Хираньяка спряталась в ближайшей норе. Видя убегающего оленя, охотник очень огорчился. Но тут заметил он медленно ползущую черепаху и сразу повеселел. «Судьба похитила у меня оленя, — подумал он, — но даровала взамен черепаху. Ее мяса вполне хватит, чтобы накормить семью». Он обвязал Мантхараку веревками, сплетенными из травы дарбха, прикрутил ее к концу лука, лук вскинул на плечо и пошел домой. Глядя, как уносят их дорожку подругу, Хираньяка печально запричитала:

— Несчастье-то, несчастье какое приключилось!

С одной совладала бедою,
уже набегает другая,
Как вал океанский. Напрасно
пробоины я затыкаю.

еще:

В дни испытаний великих
в бедствиях гнуться упруго,
Но не ломаться: вот участь
лука, супруги и друга.

Ни брату, ни сыну родному,
хоть несказанно нам дорог,
Не верят, как старому другу,
полностью, без оговорок.

Я спаслась от гибели, утратив бесценный клад.
Но куда горестней утрата моей верной подруги
Мантхараки. Говорят же:

Три дара у дружбы: напастей
 делить непосильное бремя,
Содействовать в тайных деяньях,
 поддерживать в трудное время.

Мантхарака — мой истинный друг! Но я не могу защитить ее от стрел бедствий, которыми осыпает ее судьба. Вначале я утратила богатство, потом всех своих подданных и даже родину, а вот теперь, в довершение всех бед, лишилась друга. Таков, верно, неотвратимый закон жизни. Говорится же:

Недугам подвержено тело,
 богатство уходит, едва
Скопилось. Несчастьям нет счета —
 живущих судьба такова.

К тому же:

Приходится в место больное
 удар. Ты остался без денег —
В стране разражается голод.
 Напастей бессчетных ты
 пленник.

Верно заметил кто-то:

Кто создал сокровище это
 из букв четырех? От беды
Спасает оно — и приносит
 любви беззаветной плоды.

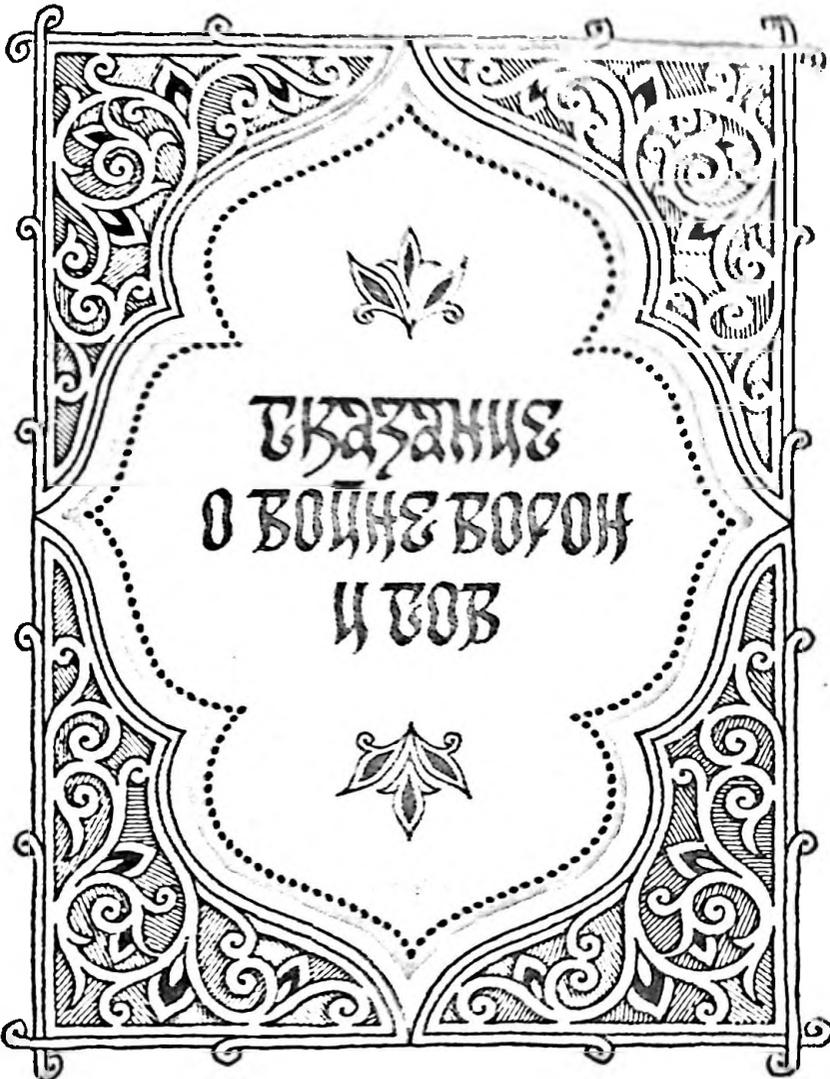
И лишь одного
я еще не лишился — души!
Возьми же ее
и, что начал уже — заверши!

Повторяя на все лады этот стих, охотник зашагал к себе домой. Когда он был уже далеко, ворон, черепаха, олень и мышь на радостях бросились обнимать друг друга, они будто родились заново. А потом все четверо вернулись к озеру, жизнь их потекла спокойно и счастливо. Они проводили время в приятных беседах, рассказывая друг другу поучительные истории и вспоминая мудрые речения. Так дружат разумные. Дружба зиждется на искренности. Сказано же:

Кто искренен в дружбе с друзьями
и тайно им козни не строит,—
Избавлен навек от несчастий,
а счастье свое — он утрит.

На этом завершается вторая книга «Панчтантры», сочиненной наидостоинейшим Вишну-шарманом.

УКАЗАНИЕ
О ВОЙНЕ ВОРОН
И ВОВ

И с равным себе подобает
поддерживать мир. Повелел
Брихаспати, мудрый наставник,
чураться сомнительных дел.

Войну начинают тогда лишь,
когда все пути примиренья
Испробованы: заверенья
о дружбе, посулы, даренья.

Пусть равен по силе, гордыней
объятому быть сокрушенным.
Горшок разбивается, если
столкнется — сырой
с обожженным.

И еще:

Гонясь за мышью, лишь когти
владыка зверей обломает.
И много ли радости, если
ничтожную мышь он поймает?

Войну начинать, не надеясь
пополнить богатой добычей
Казну государства, — таков ли
властителей мудрых обычай?

Пред сильным врагом, как тростинка,
клонись — и бессилен он будет.
Змея, восставая во гневе,
себя же на гибель осудит.

Когда угрожает опасность,
владыке пример — черепаха.
Но время настанет — как кобра,
он гордо восстанет из праха.

Владыка стремится покончить
с войною, с враждой обоюдной.
Когда не уверен в победе,
хвататься за меч — безрассудно.

И наконец:

Разумно ли слабому биться
со вражеской ратью могучей?
Кто видел такое — чтоб с ветром
успешно поспорили тучи?

Подобными доводами, заимствованными из «Учения о мире», Уддживин пытался склонить своего повелителя к замирению.

Выслушав все, им сказанное, Мегхаварна обратился к Сандживину:

— А теперь, многочтимый, я хотел бы выслушать твои соображения.

— О богоравный, — ответил Сандживин. — Скажу прямо: я не сторонник замирения. Истинно речено:

Бесплодная это затея —
с врагом заключать договор.
Хотя и присыпанный пеплом,
все тлеет и тлеет костер.

Нельзя забывать, что наш враг — безмерно жесток, одержим алчностью и лишен всякого понятия о справедливости. Тебе не следует с ним замиряться. Сказано же:

С коварным врагом договор,
хотя и составленный с тщаньем,
Приносит не мир, а беду.
Кто верит пустым обещаньям?

Посему я предлагаю пойти на врага войной.
Ибо сказано:

Жестокий, корыстный, ленивый,
готовый бежать без оглядки,
Надменный, беспечный и глупый —
легко побеждаются в схватке.

К тому же надо признать, что он нанес нам
большой урон. Если мы примемся теперь воз-
носить хвалы замирению, это лишь распалит
его рвение. Не зря сказано:

Где надо прибегнуть к сражению —
не след замиряться... Водичей
Не прыскают, до пропотенья,
на тех, кто горит в огневице.

Кто с сильным врагом разъяренным
толкует о мире, бессильный,
Не схож ли с водой, угодившей
в горячее масло светильни?!

Могущественный враг, уместно заметить,
не ищет себе никаких оправданий. Говорится

2:

Лев лапу свою возлагает
на лоб исполина слона,
И ярость его торжествует
над силой слона-яруна.

Кто мал, но могуч, одолеет
того, кто велик, — Бхарадваджа
Нас учит. Слона побеждает
лев, царства звериного раджа.

Где сила бессильна, там должно
прибегнуть к обману. Так Бхима,
Одевшись девицей, с Кичакой
расправился неустрашимо.

И еще:

Чтим всеми владыка, несущий
погибель врагам всевозможным.
Но если он терпит обиды,
его почитают ничтожным.

Напрасно рожден, кто не может
соперников блеск затмевать.
Напрасно потратила юность
такого родившая мать.

Та Лакшми, на теле которой
от вражеской крови нет пятен,
Не радуется, хоть и прекрасна,
того, кто воистину знатен.

Как славить владыку, чьи земли
в обилии не орошали
Ни кровь супостатов, ни слезы
супруг в беспредельной печали?

В таких словах Сандживин изложил основы
«Учения о войне». Внимательно выслушав его,
Мегхаварна обратился к Анудживину:

— Теперь ты выскажи свои суждения, высоко-
кочтимый.

— О государь, — начал Анудживин, — враг
наш пылает злобой, он наделен большой силой,

не признает никаких законов добра, поэтому
мы не должны стремиться ни к замирению,
ни к войне, оставаясь всегда начеку. Гово-
рят же:

С коварным и злобным врагом
ни мир, ни война ни к чему,
Но надобно быть начеку,
грозя нападением ему.

Поход затевают не ради
спасенья себя и народа,
Не ради отмщенья. Победа —
нет цели иной у похода.

Поход начинать подобает
в удобное время. Из года
Два месяца: картика, чайтра —
удобней всего для похода.

Но если во вражеском стане
есть мест уязвимых немало,
Доносят лазутчики, — значит,
пора для похода настала.

Крепость свою укрепи,
войско пополни, разведай
Силы врага — и тогда
будешь увенчан победой.

Кто с войском идет на чужую
страну, не разведав заранее,
Где воду, еду раздобудет,
домой возвратится ли с брани?

Разумнее всего уклоняться от прямого столкновения с врагом. Говорится же:

Отходит баран пред ударом,
сжимается лев пред прыжком.
Чего не предпримет разумный,
чтоб верх одержать над врагом!

И еще:

Кто царство покинет, гонимый
могучим противником, тот
Подобно Юдхитхире, снова
при жизни его обретет.

Кто схватку затеет с сильнейшим,
себя обольщая тщеславной
Надеждой, погибнет — и род свой
погубит в той схватке неравной.

Поэтому-то, когда тебе противостоит более сильный враг, мудрее всего уклоняться от прямого столкновения, не прибегая ни к замирению, ни к войне. — В таких словах Анудживин изложил «Учение об искусстве уклоняться от сражения».

Внимательно выслушав его речь, Мегхаварна обратился к великоопытному Прадживину:
— А теперь выскажи ты, многочтимый, свои суждения.

— Откровенно сказать, повелитель, мне не по душе ни замирение, ни война, ни стремление уклониться от столкновения. Я предлагаю терпеливое выжидание. Говорят же:

В воде крокодил одолеет
слона, затащив в глубину,
На суше не столь уж и страшен
собаке — не то что слону.

И еще:

Воюя с сильнейшим, разумно,
укрывшись в твердыне надежной,
Тайком призывать на подмогу
друзей: да придут неотложно.

Кто, силой врага уstraшенный,
бежит из надежной твердыни,
Уже победителем гордым
в нее не вернется отныне.

Сразить, за стеной крепостною
укрывшись, и сотню нетрудно.
Покинуть твердыню, имея
могучих врагов, безрассудно.

Разумно укрыться в твердыне,
и валом и рвом окруженной
И всеми для битвы с врагами
орудьями вооруженной.

Живой — отразишь всех врагов,
с бесстрашьем на приступ взирая.
Умрешь — возлетишь в небеса
и станешь насельником рая.

Кто сможет осилить слабейших,
которые тесно слиянны?
Не вырвать бушующей буре
две сплетшихся вместе лианы.

Но даже могучее древо,
чьи корни уходят глубоко,
Бывает бушующей бурей
повержено, коль одиноко.

Пусть даже безмерной отвагой
блистает боец одиночный,
А все же, сраженный врагами,
погибнет он в час неурочный.

В таких словах изложил Прадживин «Учение о пользе выжидания».

Внимательно выслушав его, Мегхаварна обратился к Чирадживину:

— О высокочтимый! Соблаговоли высказать свои суждения по этому поводу.

— О богоравный, — отвечивал Чирадживин, — из всех шести способов ведения государственных дел мне представляется наиболее приемлемым заключение союзов. Сказано ведь:

Что может поделаться разумный,
когда не придет на подмогу
Никто?.. Не подхваченный ветром,
погаснет огонь понемногу.

Хотя ты и наделен большой силой ума, тебе все же необходимо обзавестись надежным союзником, который помог бы тебе преодолеть все испытания. Если же ты решишься покинуть свой надежнейший оплот, сию твердыню, никто не сможет оказать тебе никакой помощи, разве что словами ободрения. Верно говорится:

Ветер — помощник пожара:
лес выжигают совместно.

Ветер же гасит лучину.
Друг ли он, враг — неизвестно.

Тебе надо объединиться с сильным союзником; ведь даже слабые объединяются вместе для обороны. Сказано же:

Бывает порой недоступен
бамбук среди бамбуковой роши.
И слабый всемогущ в союзе
с владыками, полными мощи.

В борьбе с врагами нет ничего лучше могущественных союзников. Говорится же:

Духом возвысится сам
тот, кто с великими дружен.
Капли воды на цветах
светятся ярче жемчужин.

Для того чтобы оказать достойное сопротивление врагам, требуется помощь союзников. Я предлагаю заключить союз с нашими соседями. — В таких словах изложил Чирадживин «Учение о заключении союзов».

Внимательно выслушав его, царь Мегхаварна поклонился престарелому Стхирадживину, который служил главным советником еще при его отце и славился глубоким знанием всех наставлений о делах государственных.

— О отец! — сказал он. — Я опросил всех своих советников. Ты вместе со мной выслушал их суждения. Теперь слово за тобой: как мне поступить, что делать?

— Твои советники, сынок, высказали суждения, основанные на соответствующих страхах. Все ими высказанное вполне уместно и правильно. Однако я полагаю, что в нынешнее время самое разумное прибегнуть к двуличию. Сказано же:

В военные ль, в мирные дни
повсюду царит недоверье.
В общенье со злобным врагом
полезней всего — лицемерье.

Чтобы погубить одержимого алчностью врага,
лучшее средство — войти к нему в доверие.

Врага извести помогают
и сладкая лесть, и забота,
Так патока — лучшее средство,
когда досаждают мокрота.

И еще:

Погибнет глупец, говорящий,
что думает, лекарям злобным,
Погрызшим в грехах негодьям
и женщинам, змеям подобным.

Перед богами и гуру
искренность только уместна.
Прочих обманывать, если
надобность есть, не бесчестно.

Правдивость, нелживость присуща
подвижникам лишь богоравным,
Не смертным корыстолюбивым,
не их властелинам тщеславным.

Прибегнув к лицемерию и двуличию, ты не
только сможешь сохранить за собой свою кре-
пость, но и изгнать оттуда алчного врага. Так
что, если ты выглядишь у него слабое место,
незамедлительно этим воспользуйся, дабы его
погубить.

— Как же мне узнать, где его слабое место? — спросил Мегхаварна.

— Я разведу это с помощью соглядатаев, — ответил Стхирадживин. Сказано же:

Коровам глаза — обонянье,
священнослужителям — веды,
Царям — соглядатаи: в битвах
без них не добиться победы.

И еще, по этому же поводу:

Тайком изучившему тиртх
своей и чужой стороны,
Царю — никакие уже
угрозы врагов не страшны.

— Кто такие эти тиртхи и сколько их — объясни, — полюбопытствовал Повелитель ворон.

— Благословенный Нарада упомянул в своем разговоре с Юдхиштхирой, — ответил Стхирадживин. — «Во вражеском стане насчитывается восемнадцать тиртх, пятнадцать — в своем, каждый из них связан с тремя соглядатаями; через них можно знать все происходящее во вражеском стане». Вот его точные слова:

Есть тиртхи; чужих — восемнадцать,
пятнадцать своих, и у всех
По три соглядатая: это
приносит желанный успех.

Слово «тиртха» вообще-то означает «брод», «переход», но здесь подразумеваются высокие лица, облеченные доверием государя. Горе ему, если

среди них окажутся продажные. И наоборот, если все они преданы своему государю, то это в немалой степени способствует его преуспеянию. Так вот, во вражеском стане к тиртхам причисляются следующие особы: главный советник, пурохита, военачальник, наследник престола, старший привратник, смотритель женской половины дворца, управляющий, глашатай, распорядитель, наставник, смотритель хозяйства, старший погонщик слонов, казначей, начальник крепости, хранитель границ, старший тюремный надзиратель, старший слуга. Раздор меж ними ослабляет вражеский стан... В своем же стане к тиртхам причисляются следующие особы: государева родительница, его кормилица, садовник, постельничий, начальник соглядатаев, звездочет, лекарь, водонос, бетельщик, наставник, телохранитель, распорядитель покоев, держатель зонта, наложница. Раздор меж ними, без сомнения, наносит ущерб их стану. Считается, что:

В своей стороне, создавая
лазутчиков тайную рать,
Гадателей, лекарей, гуру
в нее надлежит набирать.
В чужой стороне набирают
скитальцев при свете луны
И змей заклинателей: эти
все тайны разведать должны.

И еще:

Пускай соглядатаи, тайно
во вражьем орудуя стане,
У тиртх разузнают все тайны,
сокрытые в сем океане.

Внимательно выслушав речь престарелого советника, Мегхаварна осведомился:

— Чем порождена, отец, эта извечная война меж воронами и совами?

И Стхирадживин рассказал:

— Однажды, во времена стародавние, гуси, попугаи, цапли, кукушки, воробьи, совы, павлины, голуби, сойки, петухи и все прочие пернатые собрались на великий совет.

— Что нам делать? — горько вопрошали они. — Наш общий повелитель Вайнатая служит своему господину Васудеве, о нас же сей незадачливый правитель не проявляет ни малейшей заботы, даже не оберегает от ловушек и силков. А ведь сказано:

Кто подданных не защищает
от всех их врагов, тот, поверьте,
Не истинный царь — воплощенье
губителя злейшего — Смерти.

Народ без владыки, что правит
согласно извечным законам
Добра, справедливости — судно
без кормчего в море бездонном.

Как судно, что скоро затонет,
спеша покидают жреца,
Не сведущего в приношеньях;
наставника — не мудреца;
Супругу суровую, злую;
а также царя-гордеца,
Который своим небреженьем
безжалостно ранит сердца.

И вот порешили они выбрать для себя другого царя — повелителя сов, весьма почтенного и уважаемого.

Для окропления совы на царство была приготовлена священная вода из разных рек, собрано сто восемь целебных кореньев и установлен трон, изваянный в виде льва. Помимо этого был начертан земной круг с семью материками, с океанами, цепями гор. Всюду разостлали тигровые шкуры, поставили наполненные золотом чаши, разожгли светильники, повесили зеркала. Словом, было сделано все надлежащее. Поэты громко читали свои хвалебные стихи, брахманы хором возглашали священные веды, сладостно пели юные девы. Повелитель сов, сопровождаемый старшей царицей Крикалкой, готов уже был воссесть на трон, как тут откуда ни возьмись появился ворон.

«Ради чего, любопытно знать, тут собрались все пернатые?» — удивился он.

Птицы же обратились к нему с такими льстивыми словами:

— О ворон! Среди нас, пернатых, ты, как известно, наимудрейший. Верно сказано:

Сметливее всех из людей —
цирюльник, из хищных зверей
Шакал хитроумнее всех,
а ворон из птиц всех мудрей.

Послушаем, что ты нам посоветуешь.

Советы мудрейших, чей разум
блистает, как жемчуг окатный, —
Великая помощь, лишь надо
обдумывать их многократно.

— По какому поводу, почтенные, вы созвали столь торжественное собрание? — спросил ворон, приблизясь.

— Мы все огорчены, что нет у нас властителя, который был бы нашим верным заступником, — ответили ему пернатые. — Вот мы и решили окропить на царство повелителя сов. Ты пришел как раз вовремя. Выскажи свое мнение.

— Неужели вы впрямь хотите окропленья на царство этого кривоногого уродя, который днем ничего не видит? — возмугился ворон. — Уж кого-кого, а его-то не следует ставить над павлинами, гусями, кукушками, утками, цаплями, попугаями, журавлями и прочими дневными птицами. Такой повелитель обычно:

Косо глядит и кривится,
кислятину будто вкушает,
Даже когда и не злится,
он всем отвращенье внушает.

И еще:

Сова омерзительна видом,
душой — воплощенье коварства.
Чего мы достигнем, злодея
избрав повелителем царства?

Ведь у нас уже есть верховный повелитель — Вайнатей. Зачем же нам выбирать на его место другого, тем более такого, который днем ничего не видит? Да будь он наделен даже величайшими добродетелями, какое право мы имеем выбирать нового правителя при живом государе?

Один государь в государстве.
А если их двое иль трое,
Как солнце в день гибели мира,
погубят они все живое.

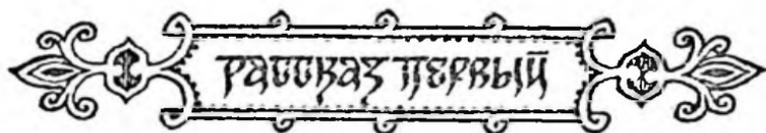
Даже само имя его не будет вам охраной и защитой. А ведь должно быть иначе:

Лишь имя царя упомянут,
величем его восхищенный,
Ликует достойный и сразу
мрачнеет злодей, укрощенный.

Кроме того:

Лишь названо имя благое —
и вмиг отвращается зло,
О Месяце упоминанье
от гибели зайца спасло.

— Расскажи об этом подробно, — попросили пернатые, и ворон поведал такую историю.

— В некоем лесу обитал вожак слоновьего стада по имени Чатурданта — Обладающий Четырьмя Бивнями. Однажды случилась там великая сушь, которая продолжалась много лет подряд. Все окрестные озера, пруды, заводи и болота высохли до дна.

— О богоравный! — сказали тогда слоны своему вожаку. — Многие из наших детей уже погибли от мучительной жажды, все остальные на краю гибели. Разыщи же какой-нибудь водоем, где мы могли бы утолять жажду.

Вожак после долгих раздумий ответил:

— В прекрасном равнинном краю Патале есть огромное озеро. Оно питается водами самой Ганги, протекающей в тех краях. Туда-то нам и надлежит отправиться.

После длительного, в пять ночей, перехода они добрались до озера, сразу же бросились в него и не выходили из воды, пока всласть не напились и не накупались. На берегу озера было великое множество заячьих нор, многие из которых слоны затоптали. Самих же зайцев они сильно покалечили: кому лапы переломали, кому туловище изуродовали, а кого и смяли в лепешку.

После ухода слоньего стада зайцы собрались все вместе и принялись горько сетовать:

— Горе нам, горе, несчастным! Отныне этот вожак будет снова и снова приводить сюда свое стадо, ибо только тут еще и осталась вода. Нам всем суждено погибнуть. Говорится же:

Слоны — прикасаньем сражают,
дыханьем отравленным — змеи,
Язвительным смехом — владыки,
притворным почтеньем — злодеи.

Как нам спасти свою жизнь? Есть ли такое средство?

— Нам не миновать гибели, — сказал один из зайцев. — А Ману и Вьяса, оба утверждают:

Ради спасенья деревни
родом пожертвуйте целым,
Ради нетленного духа
бренным пожертвуйте телом.

И еще:

Во имя спасенья души
пожертвует царь богоравный
Страною, где много скота,
издревле богатой и славной.

И кроме того:

Надобно ради семьи
деньги откладывать впрок,
Ради спасенья души —
вытравить в сердце порок.

Все прочие, однако, не согласились с его мнением.

— Негоже покидать место, доставшееся нам от предков, — сказали они.

Кто-то предложил напугать слонов.

— Напугать вожака слонов не так-то просто, — возразили ему. — Это сможет сделать только тот из нас, кто искусен в речах и кто сумеет выдать себя за посланца нашего владыки Виджаядатты, обитающего на луне. Пусть он явится к вожаку слоновьего стада и от имени самого Чандры запретит ему приходить на озеро, тут, мол, живут подданные властителя ночного неба. Глядишь, слоны и оставят нас в покое.

— Что ж, так и поступим, — согласились другие. — Надобно направить к нему послом Ламбакарну — Длинноухого, который владеет даром красноречия и к тому же хорошо сведущ в посольском деле. Сказано ведь:

Послом выбирают такого,
кто красноречив, бескорыстен,
Кто в мысли других проникает, —
провидец скрываемых истин.

И еще:

Кто глуп и корыстолюбив,
и лгун, и обманщик в придачу,
В послы не годится: ему
терпеть суждено неудачу.

А в таком деле, как это, нельзя допустить промашки.

— Лучше Ламбакарны нам и впрямь никого не найти, — поддержали все остальные. — Только он и может избавить нас от этой губительной напасти.

Выбранный послом, Ламбакарна направился к вожаку слоновьего стада и, взобравшись на неприступную скалу, воззвал к Чатурданте:

— Как ты смеешь, злодей, беззаботно играть на берегах озера, где тебе запрещено появляться? Уходи подобру-поздорову!

— Кто ты такой? — в изумлении спросил вожак.

— Зовут меня Виджаядатта. Обиталище мое — лунный круг, — ответил Ламбакарна. — А пришел я к тебе с посланием от самого велико-

го Чандры. Ты знаешь, что посол, если он не лжец, не самозванец, особа неприкосновенная, ибо его устами говорит сам государь. Сказано же:

Пусть даже подъяты мечи
и царский сородич убит,
Посла и за дерзкую речь
обычай казнить не велит.

— Передай же мне, заяц, скорее послание благословенного Чандры, — поторопил его Чатурданта.

— О почтенный! Вот что велел тебе передать божественный Чандра: «Вместе со своим стадом ты погубил вчера множество зайцев. Неужто не ведомо тебе, что они — мои подданные? Если дорожишь ты своей жизнью, уходи отсюда».

— И где же обитает Чандра, о почтенный? — спросил вожак слонов.

— Вот в этом озере он сейчас и пребывает, — ответил Ламбакарна. — Он спустился с небес, дабы спасти своих подданных — зайцев от полного истребления. Потому-то я и направлен к тебе послом.

— Покажи мне его лик, — попросил вожак. — Я почту его поклоном и тотчас же покину эту страну.

— Хорошо, ступай со мной, только один, — согласился заяц, — и я покажу тебе лик нашего божественного повелителя.

Таков был их уговор.

Когда пала ночная тьма, заяц привел слона к озеру и показал ему лик Чандры, который отражался на глади вод.

— Смотри, — сказал заяц, — наш повелитель погружен в благочестивое размышление. Почти же его поклоном и, не говоря ни слова, удались. Если ты, упаси боже, нарушишь его покой, наш повелитель безмерно разгневается. Тогда тебе конец.

Почтив лик Чандры глубоким поклоном, вожак стада тут же отправился прочь. С тех пор зайцы вместе с семьями тихо и мирно живут в своих норах.

Вот почему я и говорю:

Лишь названо имя благое —
и вмиг отвращается зло,
О Месяце упоминанье
от гибели зайцев спасло.

Тем, кто не хочет сгубить себя, не следует возводить на трон ничтожного, ленивого, подлого, неблагодарного, порочного, склонного к заушательству. Сказано же:

В суд обратились однажды
сойка и заяц, но оба
Съедены были судьей,
полным коварства и злобы.

— Расскажи об этом подробно, — попросили пернатые, и ворон поведал такую историю.

РАССКАЗ ВТОРОЙ

— Некогда жил я на одном дереве, а ниже под моим гнездом, в дупле устроилась сойка по имени Капинджала. Мы часто летали с ней вместе, соревнуясь в чтении мудрых речений, распевании священных гимнов, рассказах о житиях богов, царей-мудрецов и пророков или же просто обо всех любопытных событиях, кои доводилось нам видеть во время наших полетов. Однажды Капинджала вместе со своими товарками улетела на поле, где уже вызрел рис. Наступила ночь, а она все не возвращалась. «Почему ее нет? — думал я с глубоким беспокойством. — Уж нестряслось ли с ней какое-нибудь несчастье? Может быть, она угодила в силки? Только б она осталась жива и здорова! Без нее мне не жизнь!»

Шло время, и однажды вечером, на закате, в ее дупло запрыгнул заяц, которого звали Шигхрага — Быстроскачущий. В полном отчаянии я даже не пытался воспрепятствовать ему занять место моей дорогой подруги. Через несколько дней, однако, Капинджала вспомнила о своем жилище и вернулась — толстая, раскормившаяся: все это время, оказывается, она провела на рисовом поле. Но недаром говорится:

Блаженней стократ богача,
отъевшего брюхо в раю,
Довольный немногим бедняк,
живущий в родимом краю.

Увидев, что дупло занято, Капинджала сказала с укоризной:

— Это не твой дом, заяц! Уходи отсюда!

— Нет, это мой дом, — возразил Шигхрага. — Почему ты говоришь со мной так неучтиво и высокомерно? Сказано же:

Тому, кто лишился колодца,
пруда, водоема любого,
Раба или храма, — отныне
не стать им хозяином снова.

И еще:

Владеющий десятилетье
полями, другим ли именем, —
Уже их законный хозяин.
Как право его мы отменим?!

Доказывать право — стремление
людей, их обычай исконный.
У птиц и зверей обладанье
и без доказательств законно.

..к что этот дом мой, а не твой.

— Послушай, — возразила Капинджала, — я предлагаю обратиться к знатоку смрити: как он порешит, так тому и быть.

Мне было любопытно знать, чем закончится их спор, и я полетел вслед за ними.

На берегу рски, подле дороги заяц и сойка увидели лесного кота по имени Тикшнаданштра — Острозубый. Издалека услышав их разговор, кот взял в передние лапы пучок травы куша,

воздев их к небу, встал, прищурил один глаз и, обратив морду в сторону Благословенного Солнца, заговорил нараспев:

— Этот мир сансары лишен какого бы то ни было смысла, жизнь пролетает мгновенно, встречи с возлюбленной — пустой сон, мирские узы — наваждение, морок. Нет иного спасения, кроме веры. Истинно речено:

Все зыбко: преходят земные
богатства — и бренны тела.
Бессмертна лишь смерть. Так спешите,
вершите благие дела.

Кто время проводит в тщете,
деяний благих не творит,
Подобен кузнечным мехам:
он мертв, хоть и дышит на вид.

Ни стыд не прикроет собака
хвостом, ни убьет комара.
На что он? — На что и ученость
без веры? Одна мишура.

Веры лишённые сходны
с птичьим пометом, с половой.
Или с москитами: проку
нету от них никакого.

Что масла и сливок вкуснее?
Что слаще плодов наливных
И краше соцветий? Однако
кто веру сменяет на них?

Кто ради корысти ли, в гневе,
а может быть, в страхе, презренный,
Противное истине скажет, —
тот в ад угодит непременно.

И еще:

Коль суд о корове свершают
неправо и лицепрятно,
Греховность суждества такого
умножится десятикратно,
Стократно, когда о юнице
выносят сужденье бесчинно,
И тысячекратно, поверьте,
когда подсудимый — мужчина.

Держитесь подальше от судей,
вершащих неправедный суд,
Пускай милосердные боги
от этаких вас упасут.

Отриньте же все свои сомнения, подойдите и ясно изложите существо вашего дела.

Дальнейшее, видимо, не стоит и рассказывать. Едва сойка и заяц, в великом своем простодушии, приблизились к коту, как он тут же цапнул одного из них лапой, другого — зубами и сожрал и истца и ответчика.

Поэтому-то я и говорю:

В суд обратились однажды
сойка и заяц, но оба
Съедены были судьей,
полным коварства и злобы.

Если вы, почтенные, изберете своим правителем это никчемное существо, способное видеть лишь по ночам, то поступите так же опрометчи-

во, как заяц с сойкой. Поразмыслите над моими словами.

— Ты рассуждаешь совершенно справедливо, — согласились пернатые. — Соберемся-ка еще раз и посоветуемся, кого же все-таки поставить над собой царем.

Все разлетелись. Слепая сова продолжала сидеть на троне, тщетно ожидая окропления.

— Тут кто-нибудь ест? — спросила сова у Крикалики. — Почему никак не начнут окропление?

— Тебя чуть было не окропили, да ворон помешал, — ответила Крикалика. — Все птицы давно уже разлетелись, один только ворон и остался. Слезай-ка с трона, я отведу тебя домой...

— Так это ты, негодный, опозорил меня, помешав окроплению, — обратился царь сов к ворону. — Отныне и навечно между нашим и твоим родом — вражда непримиримая! Говорится же:

Стрелой нанесенная рана
затянется пусть и нескоро —
Но не заживает обида
от злобного слова иль взора.

Произнеся этот стих, сова с Крикаликой отправились восвояси.

«Что же это я натворил! — встревожился ворон. — Ведь до сих пор не было никаких причин для вражды между нами!

Коль скоро нечаянно вырвалось слово
Не к месту, не вовремя, полное злого
Желанья обидеть, унижить, то, право,
Подобное слово — не слово, — отрава!

РАССКАЗ ТРЕТИЙ

— В некоем селении жил брахман по имени Митрашарман, который наложил на себя обет поддерживать священный пламя. Однажды в месяце магх, когда дул приятно освежающий ветер, небо было сплошь затянуто тучами и сыпал мелкий дождь, брахман отправился раздобыть какое-нибудь животное, дабы принести его в жертву Парджанье.

— В наступающее полнолуние мне предстоит свершить жертвоприношение. Дай же мне какое-нибудь животное, — попросил он у одного из жертвователей.

Тот выбрал для него тучного, как предписано шастрами, козла. Митрашарман тщательно оглядел его и, сочтя вполне пригодным для своей цели, взвалил на плечо и зашагал к себе домой. А навстречу ему — три тощих, изголодавшихся плута. Увидели они тучного козла и стали меж собой переговариваться:

— Похитим мы у него эту животину, досыта наедемся.

Один из них, вывернув наизнанку одежды, подошел к Митрашарману сбоку и говорит:

— Какой же ты дуралей, хранитель огня! Ну зачем ты, всем на смех, взвалил на плечи шелудивого пса? Сказано же:

Грешно прикасаться к собаке,
к чандалу: нечисты они!
Осла и верблюда тем паче
касаться — господь оброни!

— Ты что, почтенный, ослеп? — в гневе накинулся на него брахман. — Это же козел, а не собака.

— Ну что ты гневаешься, брахман, — ответил плут. — Как хочешь, так и поступай: дело твое.

Митрашарман пошел дальше. Сбоку подошел к нему второй плут.

— Что же ты, достопочтенный, тащишь на плечах убитого мальчика? — запричитал он. — Грех это, большой грех. Говорится же:

Кто труп человека иль зверя
тащил на себе, окаянный,
Очистится лишь приношеньем
и долгим постом — чандраяной.

— Неужто ты не видишь, что это не мертвый мальчик, а козел? — снова вспылил брахман.

— Не гневайся, господин, — ответил второй плут. — Извини, если что не так сболтнул — по невежеству это. Поступай как знаешь, дело твое.

Едва брахман вступил в лес, перед ним, весь в лохмотьях, явился третий плут.

— Вот грех-то! — вскричал он. — Взвалил на плечи дохлого осла да и тащишь его куда-то! Скинь его сейчас же! Недаром говорят:

Тому, кто к ослу прикоснулся,
предписано тут же, в одежде.
Свершить омовенье, тогда лишь
очистится он, но не прежде.

Сбрось же скорее, брахман, свою греховную ношу,
покуда никто тебя не увидел.

Боясь осквернения, брахман скинул козла на дорогу
и припустил домой.

Трое плутов, собравшись вместе, зажарили козла
и досыта наелись.

Вот почему я и говорю:

Житейская мудрость к успеху
немало людей привела:
Так брахману плуты внушили,
что тащит он пса, не козла.

Верно ведь говорится:

Кого в заблужденье введут,
невидимой сетью опутав,
Услужливость слуг, лесть друзей,
плач женщин и выдумки плутов?!

Умному не следует враждовать сразу со многими.
Сказано же:

Со многими сразу враждуешь?
Уж лучше вражду затаи.
И кобру сжирают, собираясь
огромной толпой, муравьи.

— Расскажи об этом подробно, — попросил Мегхаварна, и Стхирадживин поведал такую историю.

РАУНАЗ ЧЕТВЕРТЫЙ

— В некоем муравейнике поселилась большая черная змея по имени Атиларна. Была она очень самонадеянна и вот однажды решила выбраться наружу не через свою нору, а через другое, более узкое отверстие. Протискиваясь сквозь тесный проход змея изранила себе тело. Тут же, привлеченные запахом крови, со всех сторон набегали муравьи. Сколько-то из них она изловчилась придавить, сколько-то покатчила, но было их бесчисленное множество, и в конце концов они закусали ее насмерть, и змея распалась на пять изначальных стижий. Вот почему и я говорю:

Со многими сразу враждуешь?
Уж лучше вражду затаи.
И кобру скираюл, обираясь
огромной толпой муравьи.

— Посоветуй же, что мне все-таки делать, как ты скажешь, так я и поступлю, — сказал Мегхаирна.

— Поступишь, дорогой мой сын, — молвил Стукралживен. — Все способы, которые предлагали тебе здесь, на обранье, в этом случае неприменимы. Поступи так. На глазах у вражеских соглядатаев, нонох меня самыми грубыми, бранными словами, ошкитай мне грывья, обмажь меня кровью, а сам со всеми своими сугрутами и приближенными удались на гору

Риньямудка. Я же постараюсь войти в доверие к совам, разведано, что там, внутри из крепости, потом в самый разгар дня, когда совы спаднут, я отведу туда тебя вместе со всей стаей — раскрыл свой замысел Стиррадживин — Полагаю, что нет другого способа добиться успеха. Врагов, засевших в крепости, можно перебить полностью только в том случае, если им негде бежать. Сказано же:

Лишь то укрепление надежно,
откуда есть ход потайной.
Твердыню без хода такого
уместно считать западной.

Что до меня, то не надо проявлять никакой жалости. Сказано ведь:

Когда разгоралась война,
и лучшие слуги — волыны,
Которыми надо огонь
поддерживать без сожаленья!

И еще:

Потому надо о них
заботиться, как о себе:
Да будут защитой твоей
в изменчивой этой судьбе.

Так что не отговаривай меня от выполнения этого замысла.

И Стиррадживин принялся громким голосом доносить слугу Маттаварны. Те не оставил в долгу и в свой черед начал обзывать его все теми же неотребными словами, прикидываясь, будто готов его заклясть насмерть.

Но тут Мегхаварна прокаркал:

— Проваливайте! Я сам покараю этого предателя, который переметнулся на сторону наших врагов.

Накинувшись на Стхирадживина, он не очень сильными ударами клюва поранил его до крови и вместе со своими женами и придворными удалился на гору Ришьямукху.

Тем временем Крикалика, которая все это видела, поспешила доложить о случившемся своему повелителю.

— Все твои враги во главе с их властителем улетели, — сказала она.

Услышав эту весть, повелитель сов созвал своих советников, и они вместе решили после захода солнца напасть на ворон.

— Надобно действовать без малейшего промедления, — призвал Аримардана. — Враги бежали в страхе перед нашей великой доблестью. Правильно говорится:

Когда обращается в бегство
твой враг, неотступно преследуй
Бегущего в страхе, покуда
над ним не одержишь победу.

Ведь боги и те выжидают
удобного случая, чтобы
Врага одолеть — пусть он даже
таится во мраке утробы.

Долетев до смоковницы, повелитель сов уселся на одной из ее ветвей и, видя, что все враги и впрямь улетели, возрадовался, а придворные поэты принялись петь ему хвалу.

— Надо бы разведать, куда и по какой дороге отправились эти проклятые вороны, — сказал Аримардана своим приближенным. — Если они не успели еще укрыться в крепости, мы могли бы налететь на них с тылу и перебить всех до единой. Говорят же:

Бывает, врага от разгрома
спасает обычный забор.
Какой же, укывшись в твердыне,
тебе он окажет отпор?!

Видя и слыша все это, Стхирадживин подумал: «Коль скоро эти совы не сумеют разгадать нашего замысла, все пойдет на лад. Мне же пока лучше ничего не предпринимать. Сказано же:

По двум отличают приметам
разумного: он не возьмется
За дело ненужное, в нужном,
однако, успеха добьется.

Поэтому-то лучше пока ничего не предпринимать, тогда с самого начала не будет никаких препятствий. Подам-ка я голос». И он тихо застонал. Совы кинулись к нему, чтобы его убить, но он тихо прошептал:

— Я Стхирадживин, главный советник Мегхаварны. Это он заклевал меня чуть не до смерти. Извольте доложить обо мне вашему государю. Я готов сообщить ему много важнейших сведений.

Выслушав доклад слуг, повелитель сов явился собственной особой.

— Расскажи мне, как ты дошел до столь бедственного состояния, — велел он.

— Слушай, о богоравный, — отвечивал ворон. — Вчера этот злодей Мегхаварна, обуреваемый сильным гневом, вознамерился пойти на вас, сов, войной, дабы отомстить за причиненный ему тяжкий урон. «О государь, — обратился я к нему, — иди войной на более сильного врага неразумно. Недаром же говорится:

С сильным вражда — нет глупее ошибки!
Будьте тростинке под стать, так же гибки.
Гибнет, как в пламени — рой мотыльковый,
Неосторожный, глупец безголовый.

Куда разумнее, — продолжал я, — принести дары, выплатить дань, замириться. Говорят же:

Спасая себя от врагов,
не жаль и богатство отдать.
Остаться бы только в живых —
стяжаешь богатство опять.

Этот злодей почему-то заподозрил, что дерекнул на твою сторону, и чуть было меня не убил. Поэтому я припадаю к твоим стопам с просьбой о защите и заступничестве. Что мне еще добавить? Пожалуй, только одно: помоги мне добраться до твоего стана, ибо я совсем обессилел от ран, а уж я отомщу за себя: сделаю так, чтобы ни одна из этих ворон не уцелела.

Выслушав его, грозный Аримардана созвал своих советников. А они служили еще при его отце и деде, и было их пятеро: Рактакша — Кро-

вавоглазый, Круракша — Свирепоглазый, Диптакша — Огненноглазый, Вакранаса — Кривоносый и Пракаранакарна — Ушастый. Первым он обратился к Рактакше:

— У меня в когтях оказался главный советник врага. Как поступить с ним?

— Что тут раздумывать, богоравный? — ответил Рактакша. — Прикажи его убить, да и вся недолга. Ибо:

Врага истребить торопись,
покуда он слаб и устал,
Чтоб сил не набрался, смотри,
и неодолимым не стал.

Счастье приваливает само, само и уходит, говорят в народе. Сказано же:

Удачное время бывает,
раз, но не два и не три.
Упустишь его, прозеваешь, —
не повторится, смотри!

А еще говорят:

Погиб неразумный твой сын,
разбита моя голова.
Того, что случилось, любви
уже не поправят слова.

— Расскажи об этом подробно, — попросил Аримардана, и Рактакша поведал такую историю.

Рассказ пятый

— Жил в некоем селении брахман по имени Харидатта. Занимался он землепашеством, но урожай собирал никудышный. Однажды на исходе лета он вздремнул в тени дерева, посреди своего поля, а когда пробудился, увидел рядом с собой, на муравейнике, громадную змею, раздувавшую свой капюшон.

«Эта змея, должно статься, и есть богиня-покровительница нашего поля, — догадался он. — Я никогда не приносил ей жертвы, поэтому и рис не родится. Сегодня же совершу приношение».

Он попросил у соседей молока, налил его в плошку и, подойдя ближе к муравейнику, сказал:

— О богиня-покровительница нашего поля! Не ведал я, что здесь твое обиталище, потому что не делал тебе подобающего подношения. Прости же меня, неразумного!

Положив плошку на землю, он удалился.

Возвратясь туда на другое утро, брахман увидел в плошке новехонький золотой. С той поры он каждый день неизменно относил змее молоко, а на другое утро забирал золотой.

Однажды брахман поручил отнести молоко своему сыну, сам же отправился по делам в деревню. Увидев в плошке золотой, сын подобрал его и подумал так: «Весь этот муравейник небось битком набит золотыми. Убью-ка я эту змею и заберу себе все ее богатство».

На другой день, дождавшись появления змеи, сын брахмана огрел ее палкой по голове. По милости судьбы, змея, однако, осталась жива. В ярости она укусила его своими острыми зубами, и он помер в одночасье. Сродники, которые работали тут же, поблизости, сложили костер и совершили обряд сожжения. О гибели сына отец узнал лишь на другой день, когда вернулся из деревни.

Будь милостив к тем беззащитным,
что ищут защиты твоей.
Едва не погибла, отвергнув
пришлицу, стая гусей.

— Расскажи об этом подробно, — попросили сородичи, и брахман поведал такую историю.

— В некоем городе правил раджа по имени Читраратха. Было в его владениях озеро под названием Лotosовое, которое неусыпно охраняли царские воины. Жило на озере множество золотых гусей, и каждые полгода они роняли по одному золотому перу. Однажды на озеро прилетела большая золотая птица другой породы. «Это наше озеро, — сказали гуси, — мы платим за него золотыми перьями. Тебе среди нас не место». Разгорелась между ними ссора, и тогда пришлица обратилась за помощью к радже.

— О богоравный, — сказала она, — эти гуси не признают твоей власти. «Что нам царь?! — презрительно говорят они. — Озеро принадлежит нам, только нам, мы его никому не уступим». Я так и не смогла их переспорить. Вот я и докладываю тебе, государь, обо всем.

Царь повелел немедля перебить всех гусей. Слуги кинулись исполнять его приказ.

Увидев царских слуг с дубинками, один старый гусь успел предупредить своих родичей:

— Горе нам, горе! Взлетайте скорее!

И они взлетели все разом.

Вот почему я и говорю:

Будь милостив к тем беззащитным,
что ищут защиты твоей.

Едва не погибла, отвергнув
пришлицу, стая гусей.

Так молвив, брахман взял на заре молоко, пошел к муравейнику и льстивым голосом восславил змею. Через долгое время она выползла и сказала брахману:

— Не горюй о сыне, который погиб из-за своей ненасытной алчности. Этот неразумный ударил меня палкой по голове, и поэтому я его ужалила. Я не смогу забыть об этом оскорблении, как и ты не сможешь забыть о своей потере. Отныне между нами не может быть любви. — Змея подарила ему дорогой смарагд, но предупредила, чтобы он больше к ней не приходил. Брахман взял драгоценный камень и, оплакивая в душе неразумного своего сына, возвратился домой.

Вот почему я и говорю:

Погиб неразумный твой сын,
разбита моя голова,
Того, что случилось, любви
уже не поправят слова.

Умертвив главного советника нашего врага, мы без труда избавимся от всех своих недругов.

— А каково твое мнение, высокочтимый? — спросил Аримардана у Круракши.

— Предлагаемое им жестоко, — ответил Круракша. — Грешно убивать того, кто ищет у тебя покровительства. Недаром же говорится, о богравный:

Я некогда слышал сказанье,
как лучший из всех голубей
Врага, что просил о защите,
попотчевал плотью своей.

— Расскажи об этом подробно, — попросил Аримардана. И Круракша поведал такую историю.

— Однажды по густому лесу бродил подлый злодей птицелов, жестокий губитель всех пернатых.

Не только друзья — отступились
все родичи от птицелова,
Виновного в наитягчайшем
грехе — истребленье живого.

Жена, что не радует мужа,
будь он молодым или старым,
Да испепелится, подобно
лиане, спаленной пожаром!

Мы, женщины, даже от сына,
отца получаем немного,
И мужа, который все разом
дает, почитаем, как бога.

К этому она добавила:

Послушай, любимый мой, ради
того, кто о помощи просит,
Исполненный благодати в жертву
себя самого же приносит.

Прими, как почетного гостя,
не помня о зле, птицелова.
Терзают и холод и голод
беднягу, лишенного крова.

Верно говорится:

Кто гостю, пришедшему в пору
заката, не явит почтения,
Утратит святую заслугу
и примет его прегрешенья.

Мой друг, не вини птицелова:
должно быть, дурные деянья
Свершила я в прежних рожденьях —
за них и терплю я страданья!

Все наши недуги и беды,
все горести, как ни безмерны,
Плоды, принесенные дровом
не чьей-то, а нашей же скверны.

Прости же, мой друг, птицелова.
Без всякого гнева и злости,
Прими, как предписано дхармой,
того, кто пожаловал в гости».

И, вняв увещаньям подруги,
спустился на землю мгновенно
Сизарь красноногий — и, низко
склонившись, промолвил
смирненно:

«Пусть благо тебя осеняет!
В столь мерзкую эту погоду
Что сделать могу, подскажи мне,
тебе, о почтенный, в угоду?»

«О голубь! — в ответ прозвучало. —
Промок я насквозь, весь в ознобе.
Согрей же меня поскорее,
пока не свалился в хворобе».

И голубь откуда-то быстро
принес уголек раскаленный,
Сгреб листья сухие — и вскоре
костер запылал, им зажженный.

Тому, кто просил о защите,
сказал он: «Без всякой тревоги
Приблизься, согрей хорошенько
озябшие руки и ноги.

Мы, жители леса, ты знаешь,
и сами питаемся скудно.
Сыскать же тебе пропитанье —
признаться, и вовсе мне трудно.

Кто тысячу кормит, кто — сотню,
кто — десятерых, я же, нищий,
Себя самого обеспечить
не в силах достаточной пищей.

Не знаю, как гостя принять, я,
почтить угощением обильным.
Какая же радость от жизни
в заботах, в труде непосильном?!

Для столь благородного дела
не жаль мне и собственной плоти.
Неужто отвечу я гостю:
мол, в доме еды ни щепоти?»

Себя самого осуждая,
а не птицелова-злодея,
Его обещал он насытить
поджаренной плотью своею.

И в помыслах благочестивых,
простившись с юдолью земною,
Он в пламя, горящее жарко,
вступил, как в жилище родное.

При виде великой сей жертвы
пронзила печаль птицелова,
В раскаянье горьком он молвил
от сердца идущее слово:

«Кто зло сотворил — омерзенье
внушает себе самому же.
Он плод своего злодеянья
вкушает — что может быть хуже?»

Всесилен закон воздаянья.
Злодействам таким нет прощенья.
Мне адовы муки готовит
судьба за мои прегрешенья.

Какой же пример мне, убийце,
сей голубь явил благородный,
Который свершил без раздумья
поступок, богам столь угодный?!

Отныне, клянусь, я не буду
питаться едою мясною,
Питье ограничу, чтоб тело
иссохло, как будто от зноя.

Все узы мирские отринув,
уйду я в лесную обитель
И там покаянью предамся,
жестокий мучитель, губитель!»

Так он говорил, запоздало
свою проклиная недолю,
Запоры у клетки сломал он
и выпустил птицу на волю.

Едва лишь увидев супруга
в огне обгоревшее тело,
Восплакала бедная: ею
безмерная скорбь овладела.

«Как жить без тебя, мой любимый, —
стонала сквозь слезы вдовица. —
Навеки утратившей радость
не лучше ли с жизнью
проститься?!

Довольство и гордость собою,
почтенье родни и прислуги,
Все разом теряем мы, жены,
лишь умерли наши супруги».

И так причитая, рыдая,
в горящее пламя вступила.
Незыблемой верности мужу
была в ней великая сила.

И вдруг в колеснице небесной
предстал перед нею, как вживе,
Супруг в одеянье чудесном —
она не видала красивей.

Сказал он, бессмертье обретший:
«Подруга любимая, в пламя
За мною вступившая, — щедро
ты взыскана будешь богами:

Там, в горнем краю, как доньше,
со мною в любви и совете
Жить будешь ты тридцать пять тысяч
блаженнейших тысячелетий».

Так, к сонму богов причастившись,
жил голубь с своей голубицей.
Свершивших благие деянья
судьба награждает сторицей.

А прежний злодей-погубитель
укрылся в лесной глухомани.
Отвергнув охоту, явил он
всей сути добра пониманье.

И вот, как и голуби, в пламя
вступив, он обрел очищенье
От зла, им свершенного прежде:
судьбы не бывает блаженней!

Вот почему я и говорю:

Я некогда слышал сказанье,
как лучший из всех голубей
Врага, что просил о защите,
попотчевал плотью своей.

Выслушав все сказанное Рактакшей, Ари-
мардана обратился к Диптакше:

— Как, по твоему суждению, нам следует
поступить при таких обстоятельствах?

— О богоравный, — ответил Диптакша. —
По-моему, мы должны его пощадить. Хоть он
и советник нашего врага, но помыслы питает
честные, потому-то и просит у нас защиты.
Конечно же, его природа несовместима с на-
шей, но он может принести бесспорную пользу,
если откроет нам уязвимые места недругов
наших. Вот почему я предлагаю его поща-
дить.

— А каково твое суждение? — спросил Ари-
мардана у Вакранасы.

— Я тоже предлагаю его пощадить, — отве-
тил советник. — Так как:

Любые раздоры и ссоры
во вражеском стане нам впрок.
Вор брахмана спас от съеденья,
а ракшас коров уберег.

— Расскажи об этом подробно, — попросил Аримардана, и Вакранаса поведал такую историю.

— В некоем селении жил бедный брахман по имени Дрона. Питался он только тем, что ему подавали, никогда не носил добротной одежды, не употреблял благовоний и притираний, не украшал себя цветочными плетеницами, не жевал бетеля: словом, был лишен всего, что составляет другим удовольствие. Волос он ни разу не стриг, ногтей не подрезал. Тело его было открыто холоду и зною, дождю и ветрам. Как-то раз кто-то, проникшись к нему состраданием, пожертвовал ему пару телят. Этих телят он кормил тем, что ему удавалось выпросить: пахтой, сливочным маслом, ячменем и всем прочим. И в конце концов выросли телята в откормленных коров. Завидев этих коров, некий вор задумал их украсть. Он взял две веревки с петлями на конце и отправился к брахману. Дело было ночью. По дороге встретилось ему чудовище, сплошь заросшее огненно-рыжими волосами, с бородой, похожей на ярко пылаю-

ший жертвенный огонь, с ввалившимися щеками, с налитыми кровью глазами. Руки и ноги чудовища были оплетены взбухшими венами.

Вор, хоть и перепугался, однако же нашел в себе смелость спросить:

— Кто ты, уважаемый?

— Я брахмаракшас Сатьявачана, — услышал он в ответ. — Назови и себя, почтенный.

— Я Круракарма, воровских дел мастер, — сказал вор. — Иду к брахману Дроне, чтобы свести у него двух коров.

Исполнившись доверия к вору, ракшас обрадованно сказал:

— Я ем всего один раз в три дня. Вот сегодня я и сожру этого брахмана. Оказывается, у нас с тобой одна цель — это просто замечательно!

Дальше они пошли вместе, а когда добрались до дома брахмана, затаились и стали ждать подходящего времени. С приходом ночи, когда брахман заснул, брахмаракшас собрался было его сожрать, но вор остановил его:

— Негоже так, любезный. Позволь мне сначала увести коров, а там и делай что хочешь.

— Но ведь если брахман проснется от мычания коров, моя затея не удастся, — возразил ракшас.

— Но ведь если ты накинешься на него, он примется кричать, и сразу же сбежится народ, — доказывал свое вор. — Тогда моя затея не удастся. Сначала я уведу коров, а уж потом ты делай что хочешь.

Их громкая перебранка разбудила брахмана.

— Послушай, досточтимый, этот брахмаракшас хочет тебя сожрать, — поспешил сказать ему вор.

А Сатьявачана громко завопил:

— Он хочет свести у тебя двух коров!

Услышав это, брахман тотчас же вскочил со своего ложа. От брахмаракшаса он оборонился заклинанием, обращенным к своему божеству-покровителю, а от вора толстой дубиной. Вот почему я и говорю:

Любые раздоры и ссоры
во вражеском стане нам впрок.
Вор брахмана спас от съеденья,
а ракшас коров уберег.

Обдумав хорошенько его слова, Аримардана спросил Пракаранакарну:

— Как, по твоему разумению, надобно поступить в сем случае?

— О богоравный, — ответил советник. — Сохранив пленнику жизнь, мы сможем подружиться с ним и жить в мире и согласии. Говорится же:

Есть множество мест уязвимых
у каждого. Их не тая,
Погибнешь ты — так, перебранку
затеяв, погибла змея.

— Расскажи об этом подробно, — попросил Аримардана, и Пракаранакарна поведал такую историю.

Рассказ девятый

— Жил некогда властитель города, которого звали Девашакти. В животе у его сына, как в муравейнике, поселилась змея. Юноша худел с каждым днем, Хотя его пользовали сведущие целители, применяя и разные способы лечения, и разные снадобья, как то предписывают соответствующие шастры, юноша никак не поправлялся. В конце концов царевичу так опостылело лечиться, что он отправился в другой город, где и стал жить сбором подаяний возле святилища бога Калы, коему он поклонялся. Правителя того города звали Бали, и было у него две дочери в самом цвете девичества. Каждый день, на восходе, они приветствовали отца, склоняясь к его стопам, и одна из них неизменно провозглашала: «О государь, на чьих милостях зиждется всеобщее процветание, да сопутствует тебе успех во всех твоих деяниях!», другая же скромно говорила: «О великий повелитель! Наслаждайся тем, что тебе назначено судьбой!» В конце концов вторая дочь прогневала правителя, и он сказал своим советникам:

— Выдайте эту царевну, досаждающую мне своей глупостью, за чужеземца, и пусть она наслаждается тем, что назначено ей судьбой.

— Да будет воля твоя! — покорно ответили советники. Вскоре ее выдали замуж за царевича, который собирал подаяния возле святилища Калы. Она приняла его как суженого, вполне довольная своей участью.

Поселились они недалеко от города, на берегу пруда. Однажды, оставив царевича присматривать за их жилищем, дочь царя вместе со служанкой пошла купить топленого масла, кислого молока, соли, риса и прочей снеди. В их отсутствие царевич прилег, положив голову на муравейник, и тут же задремал. Змея, обитавшая у него в животе, высунула голову из его рта, дабы подышать свежим воздухом. В это же самое время из муравейника вылезла другая змея. Начали они переругиваться, да так яростно, что глаза у них побагровели от крови.

— За что ты, злодейка, терзаешь этого царевича, столь прекрасного обликом? — прошипела змея, которая жила в муравейнике.

— А зачем ты, подлая, прячешь в муравейнике две чаши с золотом? — возмутилась другая.

Так осыпали они друг друга гневными обвинениями, и каждая старалась выискать у своей противницы уязвимое место.

— А ведомо ли тебе, злодейка, что тебя можно извести с помощью отвара из горчичных семян? — злилась та, что жила в муравейнике.

— А ведомо ли тебе, подлая, что тебя можно извести горячей водой или кипящим маслом? — не уступала ей та, что жила в животе у царевича.

В самом начале их перебранки царевна успела возвратиться. Укрывшись за ветвями кустарника, она слышала все, что говорили обе змеи. Воспользовавшись услышанным, она тут же избавила мужа от жившей у него в животе змеи, вырыла клад, убив вторую змею, а затем они

оба вернулись в город, где жил царевич. Его родители почтили молодых богатыми дарами, и стали они жить в радости и счастье.

Вот почему я и говорю:

Есть множество мест уязвимых
у каждого. Их не тая,
Погибнет он — так, перебранку
затеяв, погибла змея.

Аримардана согласился было с его доводами, но тут, усмехаясь, снова заговорил Рактакша:

— Горе, о, горе! Своим недомыслием вы губите, высокочтимые, нашего господина. Сказано же:

Там, где почет — наихудшим
и лучшие втоптаны в прах, —
Царствуют три властелина
могучих: Смерть, Бедность и Страх!

Мы все обречены на полное истребление. Справедливо сказано:

Врагов и в личине друзей
разумный легко узнает,
Советы их слушает он,
но действует — наоборот.

И еще:

Владыка, внимающий глупым
советам, — свой собственный враг.
Как солнца затмение, ввергает
державу свою он во мрак.

И все же вопреки предостережениям Рактакши совы понесли Стхирадживина в свою крепость.

— О богоравный! — воззвал он к Аримардане. — Зачем вы берете с собой меня, обреченного на смерть? У меня единственное желание — взойти на костер. Вели же сложить для меня костер.

— Почему ты хочешь взойти на костер? — спросил Рактакша, стараясь проникнуть в тайные мысли недруга.

— Ради вас я принял жесточайшие муки, причиненные мне Мегхаварной, — ответил Стхирадживин. — В новом своем существовании я отомщу Мегхаварне и всем его присным.

Услышав сие хитроумное объяснение, Рактакша, весьма искушенный в делах государственных, произнес:

— Я вижу, ловок ты в плетении обманных словес. Но ведь даже родись ты в утробе совы, все равно по природе своей ты останешься вороном.

Однако ему так и не удалось разубедить сов. Стхирадживин же, пока его несли, посмеивался про себя:

«Он прав, утверждая: предатель погубит тебя, господин.

В делах государственных смыслит лишь этот советник один.

Если совы пренебрегут его разумным советом, то претерпят великий урон».

Тем временем достигли они крепостных ворот.

— Отведите нашему искреннему другу
любое, какое он пожелает, жилище, — повелел
Аримардана.

«Теперь самое время истребить врагов, — подумал Стхираткин,
погубить наших врагов, — подумал Стхираткин.
вин. — Ведь только ради этого я и решил оста-
литься среди них. Не подлежит ни малейшему
сомнению, что они будут приставлено высту-
дать за мной, за каждым моим движением. Ра-
зумнее всего, пожалуй, жить по эту сторону
крепостной стены, у самых ворот».

— О повелитель, — обратился Стхираткин
к Аримардану. — Твои слова исполнены велико-
душия. В глубине сердца я не питаю никаких
дурных замыслов. Однако моя природная нест-
ность не позволяет мне жить внутри крепости.
Я буду тебе прислуживать, о повелитель, стоять
у ворот, где меня каждодневно будет осаживать
пыль из-под твоих лотосоподобных туфель.

— Да будет так, — согласился повелитель. Он
и распорядился, чтобы его слуги варили супы
на отменными кушаньями, приготовленными
из мяса. От этой пищи Стхираткин вскоре
раздобрел, стал чуть не с павлином. Тогда
Рактакша сказал государю и его советни-
кам:

— Я просто диву даюсь, до чего же вы ра-
зумно поступаете. Не зря же говорите

Выходит, мы все спланировали
я — дура, охотник — дура,
И царь и советники вместе
со святой понаш

— Расскажи об этом подручному
они. И Рактакша поведал так

РАССКАЗ ДЕСЯТЫЙ

— В некоей стране на горе росло огромное дерево, и жила на нем птица по имени Симбхука, которая вместо помета роняла чистое золото. Однажды забрел туда охотник. Увидев, как птица извергла золото, охотник подумал: «Вот диво дивное-то! С малых лет занимаюсь я ловлей птиц, но еще никогда не выдывал такой диковинной».

И он поставил западню под этим деревом. Птица, по великой своей глупости и доверчивости, тотчас же угодила в эту западню. Охотник пересадил ее в клетку и унес к себе домой.

«Что же мне делать с этой птицей? — ломал он себе голову. — Как бы не случилось из-за нее какой-нибудь беды! Если кто проведает, что помет у нее чистое золото, и донесет об этом царю, я пропал. Лучше уж я сам расскажу ему об этой птице».

Так он и поступил. При виде диковинной птицы царь широко раскрыл глаза. Радость озарила лотос его лица.

Он повелел беречь эту птицу пуше глаза, вдоволь кормить и поить.

— На что она сдалась, эта птица? — усомнился один из царских советников. — Не глупо ли верить словам какого-то презренного охотника, будто помет у нее — чистое золото? Да отпустите вы ее, пусть летит куда хочет.

Птицу выпустили из клетки. Она вылетела на поперечину дворцовых ворот и *там она не могла* гла золото, а затем пролеви *таким образом*

— Выходит, мы все *спланировали*
я — дура, охотник *дурак*

И царь и советники *вместе*
со свитой попали *в плен*

Счастливая, она воспарила *над всем*
Вот почему я и вспомнил *эту сказку*

Но и на этот раз не послушал *дворянина* сов Рактакшу, радевшего о его благо. *Он только* ко не послушал, но и приказал *кормить* *яствами* на лучше прежнего — и отборнейшим *яствами* и изысканнейшими яствами. Тогда Рактакша созвал на тайный совет всех *своих слуг* ков.

— Великая беда нависла над *своей* крепостью, — сказал он. — Как подобает *всему* *слуге*, я дал нашему повелителю *хороший* совет, но он не захотел ему внять. Нам надо *искать* надежную крепость на горе. *Правильно* ведь говорится:

Кто худшего ждет, преуспевает —
тому уж бывали примеры.

Признаться, я в жизни ни разу
не слыхивал слова *печаль*

— Расскажи об этом подробно, *вместе* его сродники, и Рактакша повелел *таким образом* *рассказать* рию.

Рассказ одиннадцатый

— В некоей лесной стране обитал лев Кхаранакхара — Наделенный Острыми Когтями. Однажды у него подвело брюхо от голода. Но сколько ни рыскал он по окрестным лесам, так и не смог найти никакой добычи. К закату солнца увидел он большую пещеру в склоне горы и, войдя туда, подумал: «Когда стемнеет, в эту пещеру непременно зайвится какая-нибудь тварь. Затаюсь-ка я здесь и подожду».

Тем временем к пещере подошел ее хозяин — шакал Дадхипунчха — Вислохвостый. По следам, ведущим в пещеру, он догадался, что внутри спрятался лев.

«Как бы мне выяснить, впрямь ли там лев? — задумался шакал. — Не хотел бы я угодить ему в пасть!»

— Эй, пещера, пещера! — завыл он, не входя внутрь. — Ты что, не помнишь, какой у нас с тобой уговор? Как только я подойду, ты должна откликнуться на мой зов словами: «Я тебя жду». Если ты промолчишь, то я, по нашему с тобой уговору, пойду в другую пещеру.

«Эта пещера, должно быть, и вправду приглашает его войти, но сейчас молчит, потому что боится меня, — подумал лев. — Мудро ведь говорится:

Объятые страхом безмерным,
бывает, лишаются речи.
Мучительной дрожью им сводит
и ноги, и руки, и плечи.

Откликнусь-ка я сам вместо пещеры. Тогда он
войдет, и я смогу утолить свой голод».

Так порешив, лев громко заревел. Его рев,
многократно усиленный стенами пещеры, навел
ужас даже на тех зверей, которые обитали
в дальних лесах. Шакал же кинулся наутек, по-
вторяя на бегу такой стих:

— Кто худшего ждет, преуспеет.
Тому уж бывали примеры.
Признаться, я в жизни ни разу
не слыхивал гласа пещеры.

— Приняв в расчет все это, вместе взятое,
нам следует немедленно отселиться от про-
чих, — закончив рассказ, сказал Рактакша и вме-
сте со своими сродниками отправился в другие
края.

Его уход очень обрадовал Стхирадживина.
«Какое великое благо, что этот Рактакша поки-
нул крепость, уж больно остер его ум, а все
прочие совы — тупицы! Повезло мне, что и го-
ворить! Не зря ведь молвлено:

Погибнет — и скоро — владыка,
советников нет при котором —
Разумных, способных проникнуть
в грядущее мысленным взором.

Справедливо также полагают, что:

В советниках, кои являют
свое тупоумье, творя
Бесчинства, разумные видят
врагов наизлейших царя».

Так поразмыслив, стал он каждый день приносить к своему гнезду по веточке, дабы со временем спалить крепость врагов.

«Эти глупые даже не догадываются, что им грозит, — ликовал он. — Верно ведь говорится:

Кто другом врага почитает,
а друга — врагом, кто худое
Возлюбит, а благо отвергнет, —
тот будет погублен судьбою».

Мало-помалу у входа в совиную крепость собралась целая груда хвороста. Однажды днем, когда совы, как известно, утрачивают способность видеть, Стхирадживин слетал на гору Ришьямукха и доложил Мегхаварне:

— О владыка! Все готово для сожжения вражеской крепости. Прилетай же со всеми своими подданными. Пусть каждый возьмет в клюв по пылающей веточке и бросит ее на груду хвороста, около моего гнезда. Обиталище сов превратится в раскаленный горшок, где все они погибнут, как в огненном аду.

— Как ты там жил, почтенный отец? — спросил обрадованный его появлением Мегхаварна. — Мы так давно тебя не видели.

— О сын мой, — отвечивал Стхирадживин. — Сейчас не время для разговоров. Я опасюсь, как бы кто-нибудь из соглядатаев не выследил меня. Если он успеет предупредить сов

о моей измене, то, хоть и слепы они днем, все же попробуют ускользнуть. Надобно поспешать. Говорится же:

Кто медлит в делах неотложных —
внушает презренье и смех
Богам — на пути у такого
воздвигнется много помех.

И еще:

Не следует медлить с делами —
да будут исполнены к сроку.
В плодах запоздалых — пусть даже
благими бывают — нет соку.

После того, как ты истребишь своих врагов и с победой возвратишься домой, я подробно поведаю тебе обо всем.

Мегхаварна собрал всех своих подданных, и полетели они к вражеской твердыне. Каждый бросил по горящей веточке на грудь хвороста у ворот крепости, вот тут-то слепнувшие днем и вспомнили предостережения Рактакши. Они все разом кинулись к выходу, но, сбившись в плотную кучу, так и не смогли выбраться наружу и погибли в своей твердыне, как в раскаленном горшке. Истребив таким образом всех недругов, Мегхаварна вернулся на смоковницу. Усевшись на трон, объятый безмерным ликованием Мегхаварна спросил своего старейшего советника:

— Ну как, о достойный отец, тебе жилось все это время среди наших заклятых врагов? По правде сказать, меня разбирает неодолимое любопытство. Изволь же поведать о случившемся, ибо:

Кто предан добру всей душой,
любое претерпит лишенье,
Чем, хоть на мгновенье, пойдет
к заклятым врагам в услуженье.

Стхирадживин ответил:

— Кому не известно, сколь дорогой ценой
обретается желанный плод?!

Чтоб в деле добиться успеха,
и то, что тебе не по нраву,
Приходится делать — и даже
глотать, улыбаясь, отраву.

Как ты ни могуществен, как ни умен,
но если прикажет судьба,
Ты будешь общаться с врагами, чья речь
твой слух оскорбляет, груба.
Сам Бхима, воитель великий, и тот,
судьбою поверженный в прах,
Мешалкой орудовал и кочергой
у матсьев в простых поварях.

Хорошее дело, дурное ли дело,
удобного случая жди.
Как только дождался — умело и смело
его до конца доводи.
Сам Арджуна, путь пролагая к успеху,
хоть горько в душе оскорбясь,
Своим ненавистным врагам на потеху
пустить был вынужден в пляс.

Превратна судьба — помнит мудрец,
исполненный жизненных сил,
И, цели заветной стараясь достичь,
смиряет излишний свой пыл.

Сын Дхармы, Юдхистхира,
так поступал,
терпя унижение и срам
В дворце у Вираты — один из пяти
пандавов, подобных богам.

Ведь было однажды: пришлось
всем братьям-пандавам пяти,
Сим полным достоинств мужам,
коров у Вираты пасти.

Пришлось и самой Драупади,
хотя и в роду благородном
рожденной,
Прекрасной, подобно богине,
однако на муки судьбой осужденной,
Живя во дворце у Вираты,
сандал растирать — и внимать
понуканию:

«Эй, живо! За дело, служанка!» —
и, гордой, смиряться с язвительной
бранью.

— Да, отец, — согласился Мегхаварна, —
жить во вражеском стане — все равно что блюсти «обет меча».

— Воистину так, сын мой, — молвил Стхирадживин, — но, признаться, никогда и нигде до сих пор не случалось мне видеть подобного сборища глупцов. Единственный мудрец среди них — знаток многочисленных шаштр Рактакша. Только он смог разгадать мой тайный умысел, прочие же советники, лишь бессовестно извлекающие доходы из своих должностей, но ничего не смыслящие в делах государственных, оказались полными глупцами. А ведь недаром речется:

Опасен слуга-перебежчик:
он связь сохраняет с врагом,
Ему соглядатаем служит,
прикидываясь простаком.

И еще:

В пути, за едой, на привале,
а также во время ночлега,
Быть надобно войску готовым
всегда к отраженью набега.

Разумный стремится всемерно
обитель трех целей сберечь.
Заботясь о собственном благе,
не должен он ей пренебречь.

Справедливо и следующее:

Утробе потворство, обжорство
кому не во вред?
С неумным советником царство
спасется ль от бед?
Кто не был в удаче гордыней
безмерной объят?
Кого пощадил наслаждений
губительный яд?

Пагубна скупость для счастья;
алчность — для славы;
Жажда богатства для веры —
горше отравы;
Пагубна низость для дружбы;
а для державы —
Царский советник неумный,
вечно неправый.

Так что ты, государь, совершенно прав, уподобив мое пребывание во вражеском стане «кобету меча». Все это я испытал на себе. Истинно сказано:

Глядя в лицо униженью,
честь притаив за спиной,
Цели своей добивайся —
пусть осуждает иной.

Разумный, врагов улещая,
порой достигает удачи.
Коварная кобра не так ли
сожрала весь род лягушачий?

— Расскажи об этом подробно, — попросил Мегхаварна, и Стхирадживин поведал ему такую историю.

— Недалеко от горы Варуна некогда жила черная, старая змея по имени Мандавиша — Медленно Убивающая Ядом.

«Что бы мне такое придумать, чтобы жить получше?!» — часто размышляла она.

И вот однажды Мандавиша подползла к большому пруду, где водилось множество лягушек, и, улегшись, замерла в полной неподвижности.

Подплыв к берегу, одна из лягушек полубопытствовала:

— Тетушка! Почему ты не добываешь себе пищу, как делала это прежде?

— О чем ты говоришь, милая? — отозвалась змея. — Куда уж мне, горемыке злосчастной, думать об этом?! Сегодня, ползая в поисках добычи, я увидела лягушку и уже приготовилась было ее схватить. Она же, испуганная, ускакала, скрывшись среди брахманов, погруженных в благочестивое размышление. Обманутая внешним сходством, я укусила в большой палец сына одного из этих брахманов, и тот сразу же распался на пять изначальных стихий. Его отец, удрученный столь тяжким горем, проклял меня. «Ты укусила, злодейка, моего ни в чем не повинного сына. За этот грех я осуждаю тебя возить на себе лягушек. Питаться же ты будешь тем, что они изволят тебе пожаловать.» Вот я и приползла к вам, во исполнение его проклятья.

Лягушка сразу же рассказала обо всем этом своим сродникам. Возрадовавшись, они доложили о проклятии, наложенном на змею, своему повелителю Джалападе, который восседал в окружении советников.

«Вот чудо-то!» — удивился повелитель лягушек. Выйдя на берег, Джалапада, хотя и не без некоторых колебаний, забрался на самый капюшон к Мандавише. Остальные лягушки расположились ниже своего властителя, по старшинству. Те же, кому не хватило места, поскакали следом за змеей, и, чтобы их потешить, Мандавиша показывала разные способы передвижения. Безмерно обрадованный, Джалапада сказал Мандавише:

— Приятна езда на слоне,
езда на коне, в колеснице,
Однако приятнее мне
верхом на змее прокатиться.

В другой раз Мандавиша поползла медленно-медленно.

— Тебе, видно, неможется сегодня, почтенная? — заботливо спросил Джалапада.

— О богоравный! — ответствовала змея. — Мои силы иссякли от долгого голодания.

— Коли так, поешь маленьких лягушат, — разрешил ей повелитель лягушек.

Мандавиша, обрадованная, вострепетала всем телом.

— Вот это-то проклятие и наложил на меня брахман. Благодарю тебя за милостивое позволение.

Поедая лягушат, змея вскоре обрела былую силу. Она говорила себе, ликуя:

«Мой замысел хитрый удался —
теперь пожинаю плоды!
Надолго ли хватит, однако,
столь лакомой этой еды?»

Очарованный притворно ласковыми речами змеи, Джалапада ни о чем не догадывался.

Однажды туда приползла другая черная змея. Увидев, как Мандавиша возит на себе лягушек, она весьма изумилась.

— Зачем ты, дорогая моя товарка, таскаешь на себе тех, кто должен служить нам едой? Это не дело.

Мандавиша ответила ей:

— Я часа урочного жду,
лягушек возя на спине.
Так брахман жену подловил
с любовником наедине.

— Расскажи об этом подробно, — попросила пришелица, и Мандавиша поведала ей такую историю.

— Жил в некоем селении брахман по имени Яджнядатта, и была у него жена, очень уж охочая до мужчин. Для очередного своего любовника, по которому она сохла, она пекла сладкие пышки на масле и тайком ему носила. Однажды, заметя, как она стряпает эти пышки, муж полюбопытствовал:

— Для кого это ты так стараешься, моя милая? Куда ты их таскаешь? Скажи мне всю правду.

Не моргнув глазом, она солгала:

— Есть тут поблизости святилище всеблагостной Девы. Туда-то я и ношу свои приношения.

И, забрав пышки, она поспешила в сторону святилища, не сомневаясь, что муж поверил ее рассказням.

Дойдя до святилища, она спустилась к реке и свершила омовение. Муж, который тайно сле-

довал за ней, спрятался за изваянием богини. Поднявшись к святилищу, жена омыла изваяние богини, умастила его сандалом, украсила цветочными плетеницами, возжгла курения, совершила другие обряды и, склонившись в низком поклоне, сказала:

— О богиня, как сделать так, чтобы мой муж ослеп?

Прячась за изваянием, муж ответил ей измененным голосом:

— Каждый день готовь для него такие вот сладкие пышки на масле — он и ослепнет.

Вняв этому совету, распутница что ни день угощала мужа сладкими пышками.

И вот однажды брахман пожаловался:

— Что-то я стал плохо видеть, моя милая.

«Наконец-то исполнилась милостивая воля Деви!» — возликовала брахманка.

Решив, что можно больше не опасаться ослепшего брахмана, ее возлюбленный начал, не таясь, приходить к ней каждый день.

Как-то раз, когда он вошел в дом и уже хотел было обнять свою любовницу, брахман схватил его за волосы и так отколотил дубиной и чем ни попадя, что тот распался на пять изначальных стихий. Своей же развратной жене он отрезал нос и выгнал вон.

Вот почему я и говорю:

Урочного часа я жду,
лягушек возя на спине.
Так брахман жену подловил
с любовником наедине.

Посмеиваясь в душе, Мандавиша сказала своей приятельнице:

— До чего же вкусны эти лягушки!

Услыхав это, Джалапада сильно встревожился:

— Что за ужасные слова ты говоришь, почтенная!

— Я не сказала ничего плохого, — заверила змея, скрывая свои истинные намерения.

Успокоенный ее лживыми уверениями, Джалапада так и не разгадал ее злого умысла. Что остается добавить? Змея жрала лягушек до тех пор, пока не осталось даже икринки, чтобы продолжить их род.

Поэтому я и говорю:

Разумный, врагов улещая,
порой достигает удачи.

Коварная кобра не так ли
сожрала весь род лягушачий?

Подобно тому как Мандавиша силой разума своего истребила всех лягушек, и я, мой повелитель, изведу всех наших врагов. Справедливо ведь сказано:

Пламя в лесу раздувая,
корни деревьев щадит
Ветер горячий. Студеный
их и в земле повредит.

— Истинно сказано, отец, — произнес Мегхаварна. — В том и состоит величие достойнейших, что даже в самом трудном положении они не отступают от своего.

Потому и говорится:

Труднейшее даже деянье,
какое ни есть, без различья,
Достойный всегда завершает.
Не в этом ли сущность величья?

И еще:

Ничтожный чурается дела,
оно, мол, не к спеху,
Теряется средний, робеет,
чуть видит помеху.
Что им не под силу обоим —
великий свершает:
Труднейшее даже он дело
всегда завершает.

Ты избавил мое царство от врагов, как и надлежит поступать всем сведущим в делах государственных. Вот почему говорят:

Разумный не знает покоя,
пока остаются долги,
Недуги, пожар не погашен —
и не перебиты враги.

— Ты и впрямь счастлив, о государь, —
ответствовал Стхирадживин, — ибо все твои деяния венчаются успехом. Победа же, как известно, достигается не одной только доблестью, но и с помощью мудрости. Сказано же:

Не всякий, оружием сраженный,
воистину пал,
Но силой рассудка сраженный —
сражен наповал.

Лишь нашему брэнному телу
оружье грозит,
А разум — и род, и богатство,
и славу разит.

Там, где сила объединилась с мудростью, победа достигается без особого труда.

Где ум прилагают, —
там память о деле —
навечная вега.
Кто дело свершает
с усердьем великим —
добьется успеха.
Он силою мысли
единою будет
возвышен по праву.
В делах многотрудных
отныне обрящет
и радость и славу.

К тому же известно, что царство достается лишь тем, кто наделен государственной мудростью, самоотвержен и доблестен. Сказано же:

Общаясь с отважным и мудрым,
Богатство добудешь ты, взысканный
счастьем,
И даже, быть может, воссядешь
Под царским зонтом, облеченный
всевластьем.

— Благодаря твоим усилиям учение о государственной мудрости принесло быстрые плоды, — сказал Мегхаварна. — Аримардана со всеми его присными уничтожен.

Стхирадживин ответил:

— Где самые крайние средства нужны,
Мы действовать без промедленья
должны.

Царь-дерево на высочайшей из гор
Срубает — удар за ударом — топор.

Однако, о повелитель, какой прок от речей, кои
не сопровождаются благоуспешными делами?
Правильно говорится:

Кто действует робко, при каждой помехе
Теряется и допускает огрехи,
Достигнет ли цели? Терпя неуспехи,
Мишенью он станет для общей потехи.

Даже и к легким на вид делам не должно отно-
ситься беспечно, ибо:

Кто думает с пренебреженьем,
глупец и простак:
«Чего тут особо стараться,
ведь дело — пустяк!» —
Тот будет покаран сурово
за свой недочет:
Судьба на великие беды
его обречет.

Отныне, одолев своих врагов, ты, мой государь,
можешь, как никогда прежде, жить спокойно
и безмятежно. Говорят же:

Сладостно спится в дому,
где не встречается змей.
Где ж их не счесть — задремать
трудно, попробуй сумей!

же трудное, сколь и взобраться на гладкий бамбуковый ствол; не менее трудно и удержать Шри, которая, несмотря на все наши старания, мгновенно ускользает, своенравная, как обезьянье племя, исчезающая, подобно капле воды на листе лотоса, переменчивая, как порывы ветра, ненадежная, как поддержка недостойных, прихотливая, подобно змее, вспыхивающая и гаснущая, как края облаков на закате, опасная, как ядовитая змея, улетучивающаяся, подобно добытым с величайшим трудом сокровищам:

Когда окропляют водою святою
Царя, возводя на престол, с той водою
Струится великое множество бедствий.
Грядут — и не знает никто их последствий.

Никогда не забывай, что никто не может огра-
диться от бед. Говорят же:

Скитаться был вынужден Рама великий,
унижен и попран был Бали,
Все Вришни погибли, и жили пандавы
в изгнание, подвергшись опале.
Повержен был Ланки правитель, который
не знал поражений дотоле.
Бог Времени — Кала — всевластен.
Кто может
его воспротивиться воле?!

Где славного Рамы отец, Дашаратха,
друживший с Царем над Богами?
Где Сагара, гордый правитель, который
сковал океан берегами?

ТИБЕЛЪ
ДОБИТЪЮТОГО

Четвертая книга «Панчатантры», именуемая «Гибель достигнутого», начинается с такого стиха:

Любую напасть одолеет
находчивый. Так обезьяна
Спаслась, проявив хитроумье,
от смерти в волнах океана.

Некогда на берегу океана росло большое дерево джамбу, постоянно усыпанное плодами, и жила на нем обезьяна по имени Рактамукха. Однажды из воды вылезло чудище с ужасной пастью, по имени Караламукха и разлеглось на мелком песке у подножья этого дерева.

— Приветствую тебя, почтенный гость, — обратилась к нему Рактамукха. — Благоволи вместе со мной отведать плодов джамбу, сладостных, как амрита. Говорится же:

Кто — пусть нежеланного — гостя,
свершив, как положено, трсбу,
Встречает достойно, проложит
тропу, возносящую к небу.

Не следует спрашивать гостя,
который явился во время,
Когда совершается треба,
откуда он родом, чье семя.

Кто гостю, усталому с дальней
дороги, окажет почет,
Тот, взысканный милостью божьей,
блаженство навек обретет.

Хозяин, чей гость не накормлен,
не принят со всем надлежащим
Почетом, — изведает горе
в рожденье своем предстоящем.

С этими словами Рактамукха угостила гостя несколькими плодами, и после того как он их съел, они долго еще наслаждались дружеской беседой. Затем Караламукха вернулся в океан. В тех пор оба они, обезьяна и морское чудище, встали под сенью дерева джамбу ученые беды. Однажды Караламукха отнес несколько плодов своей жене. На другой день она его спросила:

— О мой повелитель! Где ты добыл эти отменные плоды?

— О дорогая, у меня есть добрая приятельница — обезьяна по имени Рактамукха. Это она, воплощение доброты, преподносит мне плоды.

— У того, кто питается плодами, наполненными сладостным, как амрита, соком, и сердце должно быть сладостным, как амрита. Если ты и впрямь любишь меня, подари мне сердце обезьяны, и тогда мы будем вкушать

наслаждение, не зная ни старости, ни смерти.

— Зачем ты так говоришь, дорогая? — возразил он. — Обезьяна нам как родная сестра, мы не должны губить ее. Откажись, заклинаю тебя, от этой неразумной затеи. Сказано же:

Родству, порожденному кровью,
мы предпочитаем порою
Родство, порожденное словом,—
прочнее бывает второе.

— Вечно ты мне перечишь, ничего не делаешь по-моему, — стала упрекать его жена. — Видно, эта обезьяна — твоя полюбовница и ты там на берегу предаешься с ней любовным усладам. Наконец-то я тебя раскусила:

В речах у тебя холодок.

Внимаешь молениям моим безучастно.
Ночами вздыхаешь в тоске,
и сердце твое над собою не властно.
Меня обнимать перестал.

Не знаю я даже, что делать, несчастной.
Обманщик, в душе у тебя,
как видно, другая, любимая страстно.

Чудище опустилось на колени, обняло стопы своей супруги и покорно ответило, пытаясь умирить ее гнев:

— Не гневайся, милый мой друг!
Ведь ты мне как жизнь дорога.
Любое желанье твое
я выполню, словно слуга.

Но она, заливаясь слезами, проговорила:

— Видно, теперь у тебя
есть увлечение иное.
Верной супругой своей,
пренебрегаешь ты мною.
Прежней любви у тебя
не сохранилось и тени.
Что же, притворщик и плут,
падаешь ты на колени?!

Если же она тебе не полюбовница, почему ты не хочешь выполнить мою просьбу, почему так боишься причинить вред своей приятельнице? Если ты не принесешь мне ее сердце, я буду голодать до тех пор, пока не испущу дух.

Выслушав ее, Караламухха сильно огорчился.

Он отправился к Рактамукхе, раздумывая, как ему убить свою прежнюю подругу.

Рактамукха ожидала его в нетерпении и тревоге.

— Почему ты так задержался, друг? — спросила она. — Почему не радуешься нашей встрече и не услаждаешь мой слух прекрасными речениями?

— Сестра, жена моя сурово избрала меня. «Не показывайся мне на глаза, неблагодарная тварь, — сказала она. — Ты пользуешься щедростью своей подруги, но никогда в знак признательности не приглашаешь к себе в дом. Это непростительная вина. Сказано ведь:

Прощаются воры, убийцы
за тяжкие их преступленья,
И только для неблагодарных
воистину нет искупленья».

Так что, сказала мне жена, если ты не хочешь, чтобы я утратила всякое к тебе доверие, изволь привести свою подругу ко мне в дом. Иначе на этом свете мы больше с тобой не увидимся. Вот я и пожаловал к тебе. А опоздал я потому, что мы с ней долго препирались. Отправимся же ко мне домой. Моя супруга уже вывела перед домом сулящие благо узоры, нарядилась в праздничные одеяния, украсилась дорогими украшениями из самоцветов и жемчугов, увешала входную дверь плетеницами цветов и с нетерпением ожидает нашего прихода.

— Справедливо говорит супруга моего брата, — ответила Рактамукха. —

Корыстного друга отринь.

В своей беспредельной алчбе,
Подобно ткачу за тканьем,
он тянет и тянет к себе.

Но ведь я — лесная обитательница, а ваш дом — в глубине океана. Как я могу туда попасть? Нет уж, лучше ты сам приведи ко мне свою супругу, а я почту ее как подобает и приму от нее благословение.

— О подруга, — ответил Караламукха, — наш дом стоит на прекрасном песчаном берегу по ту сторону моря. Без всякой опаски забирайся ко мне на спину, и мы отправимся с тобой в путь.

— Ну коли так, — отозвалась обезьяна, — будем тянуть время. Я уже сижу на твоей спине.

Увидев, что Караламукха заплыл в глубокие воды, Рактамукха сильно встревожилась и испугалась.

— О брат, пожалуйста, плыви потише, — попросила она. — А то меня захлестывают волны.

«Здесь, в глубоких водах, она в моей власти,

никуда ей не деться, — решил Караламухха. — Скажу-ка я ей о задуманном — пусть помолится своему божеству-покровителю».

— Подруга, — обратился он к обезьяне. — Я должен убить тебя. Так повелела моя супруга. Помолись же своему божеству-покровителю.

— Чем я вас прогневала? За что вы хотите меня убить? — спросила Рактамукха.

— Моей жене припало желание съесть твое сердце, сладостное, словно плод, напоенный амритой.

— Почему ты не сказал мне об этом на берегу? — сразу же нашлась Рактамукха. — Я храню свое сердце в дупле дерева джамбу, берегу его для супруги моего брата.

— Ну коли так, — обрадовался Караламухха, — отдай свое сердце мне. Авось эта негодница, моя жена, прекратит голодать, когда получит желаемое. А я отвезу тебя обратно к дереву джамбу. — И он сразу же повернул обратно, к берегу.

Мысленно обещая, в случае спасения, принести жертву всем богам, обезьяна соскочила на берег, в несколько прыжков взлетела на дерево и благословила свою судьбу: «Моя жизнь спасена. Справедливо говорится:

Не верь недостойным доверья,
достоинным доверья — не верь.
Лишь только доверься — доверье
тебя растерзает, как зверь.

Сегодня я как будто заново родилась на свет!»
— Эй, подруга! — закричал ей Караламухха. — Неси сюда свое сердце. Моя жена ждет-лась.

— Ах ты, подлый предатель! — выбрала его Рактамукха. — Плевать я хотела на тебя и твою жену. Виданное ли дело, чтобы у кого-нибудь было два сердца! Убирайся немедленно отсюда и никогда больше не смей появляться! Верно ведь сказано:

Кто с другом, предавшим его,
пытается вновь подружиться,
Беду на себя навлечет,
погибнет, подобно мулице.

«И зачем я, глупец, выдал ей свою сокровенную тайну! — сокрушался Караламукха. — Но, может быть, мне все-таки удастся вернуть ее утраченное доверие?..»

— Слушай, сестра, — сказал он. — Я только пошутил. Ну зачем ей, моей супруге, твое сердце? Пожалуй к нам в гости. Мы окажем тебе подобающий прием. Супруга твоего брата ожидает тебя с большим нетерпением.

— Убирайся отсюда, негодяй! — ответила Рактамукха. — Уж теперь-то ты не заманишь меня никакими посулами. Сказано ведь:

Любые грехи совершает голодный,
Пускай наделенный душой благородной.
Скажи Приядаршане, ждущей в колодце,
Туда Гангадатта уже не вернется.

— Расскажи об этом подробно, — попросил Караламукха, и Рактамукха поведала такую историю.

РАССКАЗ ПЕРВЫЙ

— В некоем колодце, сказывают, жил царь лягушек по имени Гангадатта. Однажды подданные довели его до того, что он прыгнул в бадью, выбрался наружу и задумался, как ему отомстить этим негодным. Говорится же:

Блажен, кто накажет злодея,
Который в беду угодивших поносит,
Который смеется над ними
И только себя самого превозносит.

Так размышляя, он увидел черную змею, ползущую к себе в нору, и его осенила такая мысль: «Если заманить ее в колодец, она истребила бы всех моих презренных подданных». Не зря сказано:

Врагов напускай на врагов,
натравливай сильных на сильных,
Подобным путем избежишь
несчастий и бед изобильных.

И еще:

Врагов меж собою стравив,
себе устраняют угрозу.
То дело обычное: так
шипом извлекают занозу.

Он приблизился к входу в змеиную нору и позвал:

— Выйди, Приядаршана, выйди.

Услышав его зов, змея подумала:

«Это не змеиный шип. Стало быть, тот, кто меня зовет, не из нашего рода. Но ведь я не общаюсь ни с одним смертным существом. Останусь-ка я в своей крепости, покуда не разведу, кого это принесла нелегкая. Сказано ведь:

Не знаешь ни рода, ни нрава,
ни места его обитанья...
Общенью с таким, утверждает
Брихаспати, нет оправданья.

А может быть, меня вызывает заклинитель, чтобы захватить в плен. Или же человек, желающий, чтобы я ужалила его кровного врага».

— Кто ты такой, почтенный? — зашипела змея.

— Я Гангадатта, царь лягушек, пришел, чтобы подружиться с тобой, — последовал ответ.

— Какая может быть дружба между сухой травой и огнем? — снова прошипела змея. — Говорят же:

Кто знает, что будет такой-то
его погубителем враг,
Тот даже во сне не посмеет
к нему подойти ни на шаг.

— Воистину так! — согласился Гангадатта. — Ты мой природный враг. Но я пришел к тебе искать защиты от своих врагов. Говорят же:

Если в опасности жизнь,
сердце в смертельной тревоге,—
В ноги врагу повались
и умоляй о подмоге.

— От каких же врагов ты потерпел поношение? — спросила змея.

— От своих подданных, — ответил царь лягушек.

— А где ты живешь? — продолжала спрашивать змея. — В пруду, в озере, в старице или в колодце?

— В каменном колодце.

— Это плохо, — вздохнула змея. — Вряд ли я сумею забраться в каменный колодец, а если и заберусь, то в такой тесноте мне не расправиться с твоими врагами. Так что уходи. Недаром говорится:

Пусть даже ты голоден, надо
питаться лишь тем, что съедобно,
А что несъедобно — чревато
опасностью, смерти подобной.

— Вылезай же, почтенная, — продолжал уговаривать змею Гангадатта. — В стене колодца есть ниша, укрывшись в которой ты можешь без труда поедать моих врагов.

«Я уже в таких годах, — призадумалась змея, — что мне и мышью-то раздобыть не просто, а этот царь предлагает мне легкую добычу. Последую-ка я его совету и буду себе глотать лягушек. Справедливо говорится:

Мудрец, и в преклонных летах,
пускай и беспомощный, хилый,
Сам должен себе находить
еду, чтоб поддерживать силы».

Так поразмыслив, сказала она царю лягушек:

— Хорошо, Гангадатта. Пусть будет по-твоему.

— Я сам отведу тебя, Приядаршана, наиболее удобной тропой и покажу место для укрытия, но помни, что тебе надлежит соблюдать осторожность и есть только тех, кого я покажу.

— Воистину ты мой верный друг, — ответила змея. — Можешь не сомневаться, я буду поступать, как ты скажешь.

Змея выбралась из норы и вместе с Гангадаттой отправилась к каменному колодцу. Забравшись в бадью, они спустились к нише в стене. С того дня змея поела всех лягушек, на которых указывал ей Гангадатта. Истребив их всех до единой, она сказала Гангадатте:

— Почтенный, все твои враги уничтожены. Теперь снабди меня какой-нибудь другой пищей. Ведь для этого ты и привел меня сюда, в этот колодец.

— Любезная, ты оказала мне дружескую услугу, о которой я тебя попросил, — ответил лягушачий царь. — Теперь полезай в бадью и отправляйся к себе домой тем же путем, что и пришла сюда.

— Неладно ты говоришь, — озлилась змея. — Моя крепость скорей всего уже кем-нибудь занята. Я останусь здесь, а ты мне присылай каждый день по одному из своих приближенных, не то я стану жрать всех подряд.

Услышав эти слова, Гангадатта ужаснулся:
«Что я содеял, приведя сюда эту злодейку! Да
ведь она истребит весь наш род, несмотря на
мои запрещения. Верно говорится:

Кто недруга делает другом,
готовит себе самому
Отраву смертельную: гибель
уже угрожает ему.

Лучше каждый день я буду отдавать ей по
одному своему приближенному. Сказано ведь:

Мы, жертвуя малым, стремимся
избегнуть потери великой.
Пришлось Океану Вадаве
пожертвовать малой толикой.

И еще:

Если не хочешь отдать и зерна
Сильному — будешь наказан сполна:
Сам, и без просьб, отошлешь ты
мешки,
Полные самой отменной муки.

Кроме того:

Утраты всего опасаясь,
в отчаяние не впадая,
Мудрец отдает половину,
но чтоб сохранилась вторая.

И самое малое даже
мудрец бережет: ведь оно —
То средство, которым бывает
великое сохранено».

Так порешив, он каждый день посылал змее одного из своих подданных, а та, принимая этот дар, заглывала тайком и других. Справедливо говорится:

Испачкался весь — ну и ладно:
известны неряхи повадки.
Покинувший путь добродетелья
добра сохранит ли остатки?

Наступил день, когда змея проглотила Ямунадатту, сына самого Гангадатты. «Горе мне! Горе!» — возрыдал Гангадатта. Услышав его вопли, жена сказала:

— Ну что ты расквакался, глупый!
Послушаешь — злоба берет,
Ведь это твоею виною
погублен и сын — и наш род.

Лучше подумай, как спастись самому и как погубить змею.

К тому времени, когда от всего лягушачьего рода в живых остался один Гангадатта, змея пожаловалась ему:

— Послушай, Гангадатта, я голодна. Раздобудь мне чего-нибудь поесть, ведь это ты привел меня сюда, в этот колодец.

— О почтенная, — ответил ей Гангадатта. — Пока я жив, у тебя не будет никаких забот о пропитании. Позволь мне выйти из колодца, я приведу тебе доверяющих мне лягушек из других мест.

— Самого тебя я не могу съесть, ибо ты мне брат, — согласилась змея. — Но если ты выпол-

нишь свое обещание, то станешь мне все равно что отцом. Вся моя надежда на тебя.

Посулив своим божествам-покровителям богатые жертвы, Гангадатта выбрался в бадье из колодца.

Приядаршана ждала его с большим нетерпением, а он все не возвращался. В конце концов змея попросила ящерицу, которая жила в норе по соседству:

— Помоги мне, дорогая. Ведь ты старая приятельница Гангадатты. Разущи его в каком-нибудь пруду и передай ему мое послание: «Если все лягушки отказываются идти сюда, возвратись хотя бы ты сам. Я не могу жить без тебя. Если же я покушусь на твою жизнь, пусть не зачтется мне ни одно благое деяние, свершенное в этом рождении».

Ящерица быстро отыскала Гангадатту и сказала ему:

— Почтенный! Твоя верная подруга Приядаршана проглядела все глаза, ожидая тебя. Возвращайся же! И не опасайся, что она может причинить тебе какой-нибудь вред. Если она это сделает, ей не зачтется ни одно благое деяние, свершенное в этом рождении. Таков ее зарок. Отрешись от всех своих сомнений.

Гангадатта сказал на это:

— Любые грехи совершает голодный, Пускай наделенный душой благородной. Скажи Приядаршане, ждущей в колодце: Туда Гангадатта уже не вернется.

И ящерица, эта злобная тварь, обитающая в воде, поспешила к Приядаршане и сказала змее:

— Гангадатта велел передать, что никогда сюда не вернется.

Выслушав все это, Караламукха стал пенять обезьяне:

— Не дело так поступать, друг. Избавь меня от греха неблагодарности и благоволи пожаловать в мой дом. Не то я откажусь от еды и по твоей вине вынужден буду расстаться с жизнью.

— Глупец, неужто я сама, по своей доброй воле, отправлюсь туда, где мне угрожает смертельная опасность! — ответила Рактамукха. — Так мог поступить только осел Ламбакарна — Длинноухий.

Хоть льва и не видел, был задран
осел простодушный. У туши
Похищены были шакалом
и сердце, и длинные уши.

— Расскажи об этом подробно, — попросил Караламукха. И Рактамукха поведала такую историю.

— Сказывают, жил в некоей стране лев по имени Каралакесара — Густогривый. Слугой при нем состоял шакал Дхусарака — Обладающий Серой Шкурой. Однажды в стычке со слоном лев получил столь жестокие раны, что не

мог пошевелить и лапой. Он перестал охотиться, и его слуга-шакал, совсем отощав, сказал однажды ему:

— О повелитель! Я так изголодался, что еле стою на ногах. Как же я могу тебе служить?

— Найди какую-нибудь живую тварь, которую я, хоть и весь израненный, мог бы убить, — ответил лев.

Шакал тут же отправился на поиски. Забегав в ближнюю деревню, он увидел на берегу деревенского пруда осла по кличке Ламбакарна, жадно щипавшего редкие побеги дурвы. Приблизясь к нему, Дхусарака сказал:

— Да осенит тебя благо, о почтенный дядюшка! Давно я тебя не видел. Скажи мне, почему ты так сильно исхудал?

— Что мне тебе ответить, о сын счастливицы? — отозвался осел. — Красильщик навьючивает на меня непосильное бремя, но не дает ни клочка сена. Вот и приходится мне довольствоваться пыльными побегами дурвы. От такой скудной еды, сам понимаешь, не разжиреешь.

— Коли дело только за сочной травой, дядюшка, — сказал ему шакал, — то я знаю на берегу реки замечательное местечко, оно все поросло смарагдово-зеленой травой. Пойдем со мной туда. Там мы сможем усладиться приятной беседой, а ты утолишь свой голод.

— О сын счастливицы! Твои слова ласкают слух, — сказал осел. — Но я сельский житель, на меня могут напасть лесные звери. Не могу я воспользоваться твоим приглашением.

— Но ведь это местечко находится под моей охраной, — возразил шакал. — Никто туда и нос

сунуть не посмеет. К тому же там пасутся три откормленные ослицы, бежавшие от красильщика, который заставлял их таскать непомерное бремя. Все эти ослицы — в расцвете молодости. Дядюшка, просят они меня, сходил бы ты в соседнюю деревню и привел нам достойного супруга. Вот почему я тебя туда и зову.

— Если так, — заревел распалившийся от страсти осел, — веди меня. Справедливо сказано:

Амриты усладнее ласки
жены крутобедрой на ложе,
Недолгое с ней разлученье
с отравой губительной схоже.

И еще:

Лишь имя ее упомянут, —
и страсть родилась, горяча.
А встретился взглядом — и вовсе
растаял, сгорел, как свеча.

С этими словами осел отправился вместе с шакалом ко льву. Увидев его, лев, хоть и совсем изнемог от ран, поднялся, намереваясь напасть на осла. Смекнув, что ему грозит, тот кинулся наутек, но лев все же догнал его и нанес удар лапой, однако свалить осла так и не смог.

— Ты даже не можешь задрать осла, который совсем рядом, — зафыркал шакал. — Куда тебе биться со слоном!

— Что поделаешь, — смутился лев. — Я просто не успел изготовиться к прыжку. Если я как

следует изготовлюсь, от меня не уйдет даже и слон.

— Ну, ладно, — сказал шакал, — сегодня я попробую привести его снова, но ты уж не оплошай, изготовься как следует.

— Как ты можешь привести его снова? — удивился лев. — Ведь он же видел меня и удрал. Может, поищешь другую добычу?

— Ну, это не твоя забота, — сказал шакал. — Ты только изготовься к прыжку.

Шакал отправился по следам осла и нашел его пасущимся на прежнем месте.

— О сын счастливицы! — пожаловался осел. — Из-за тебя я чуть было не угодил в самую пасть смерти. Поведай мне, что это за существо, удар которого подобен молнии.

— Любезный! На тебя накинулась сгорающая от страсти ослица, — засмеялся шакал, — а ты задал стрекача. Она протянула лапу, чтобы тебя удержать, но было уже поздно. Ступай же к ней — она ждет, объята нестерпимым желанием. «Если Ламбакарна не станет моим супругом, — клянется она, — я брошусь в огонь или в воду либо приму яд. не смогу без него жить!..» Прошу, отправляйся же к ней, иначе на тебя ляжет грех убийства, ты прогневаешь самого бога Каму! Сказано же:

Сражаст своею стрелою цветочной
сам Кама, прекрасный обличьем,
Глупцов, отвергающих высшее знание,
сокрытое в лике девичьем, —
Им вечно скитаться, нагим и обритым,
а также косматым, в лиловых
Своих одеяньях, подвижникам страсти
в невидимых путах, оковах.

С доверием выслушав речь шакала, осел последовал за ним. Верно говорится:

Бывает, и мудрые люди
по воле всевластного рока
Немудрое сделают что-то.
К чему осуждать их жестоко?

И вот изготовившийся к прыжку лев набросился на Ламбакарну, задрал его и, поручив охранять добычу шакалу, спустился к реке, дабы совершить омовение. Тем временем голодный шакал сожрал уши и сердце осла. Когда, совершив омовение и вознеся подобающие моления богам и предкам, лев возвратился и увидел объединенную ослиную тушу, он пришел в необузданную ярость.

— Это ты, негодяй, съел у осла уши и сердце? Как ты посмел учинить столь недостойное дело? — прорычал он.

— О господин, не говори так, — почтительно молвил шакал. — Если бы у него и впрямь были уши и сердце, неужто он явился бы сюда вторично, после того как лицезрел тебя?

Поверив ему, лев сожрал осла. Получил свою долю и шакал.

Вот почему я и говорю:

Хоть льва и не видел, был задран
осел простодушный. У туши
Похищены были шакалом
и сердце, и длинные уши.

Так что задуманный тобой обман не удался. Тебя, подобно Юдхистхире, погубила собственная правдивость. Метко ведь сказано:

Глупец, кто своим правдолюбьем
себе причиняет урон,
Злосчастной своею судьбою
с Юдхиштхирой сходствует он.

— Расскажи об этом подробно, — попросил Караламукха, и Рактамукха поведала такую историю.

— В некоем селении жил гончар. Однажды, в сильном подпитии, он упал на острый черепок от разбитого горшка и раскроил себе лоб. Ручьем хлынула кровь. Кое-как поднявшись, пьяный гончар зашагал к себе домой. После неумелого лечения на лбу у него остался грубый рубец. В стране, где он жил, царил полный разор, и вот однажды терзаемый голодом гончар вместе с прочими царскими слугами пошел в другую страну и поступил в услужение к тамошнему владыке. Увидев у него на лбу безобразный рубец, царь подумал: «Видно, сей муж отличается великой доблестью. Не случайно на лбу у него такая отметина!» С того дня он стал отличать его среди остальных слуг, выказывая ему всяческое уважение. Те же, хоть и завидовали обласканному гончару, из страха перед государем помалкивали.

Однажды, когда перед военным походом государь отмечал особо мужественных воинов,

когда погонщики обучали слонов, а конюшие облачали в боевые доспехи коней и воины надевали кольчуги, оказавшись с гончаром наедине, властелин спросил его:

— О мой слуга! В каком бою получил ты столь страшный удар?

— О богоравный! — ответил тот. — Я вовсе не воин, а простой потомственный горшечник, зовут меня Юдхистхира. Однажды, в сильном хмелю, я поскользнулся и упал лбом на острый черепок. От этого у меня и рубец.

Устыдясь своей доверчивости, царь сказал:

— Горшечнику не место среди царских слуг. Прогоните его вшаей.

Видя, что дело приняло худой оборот, горшечник стал оправдываться:

— Не прогоняй меня, государь. Я ведь неплохо владею и луком и мечом. Ты можешь положиться на меня в битве.

— Охотно верю, что ты наделен всеми достоинствами, — сказал царь. — И все же проваливай! Недаром говорятся:

Ты смел, и пригож, и учен,
но есть тут загвоздка одна:
В роду у тебя нет бойцов,
способных осилить слона.

— Расскажи об этом подробно, — попросил гончар, и царь поведал такую историю.

РАССКАЗ ЧЕТВЕРТЫЙ

— В некоей лесной стране жила пара львов. Львица родила двух львят. Лев охотился и приносил ей добычу. Но однажды случилось так, что он весь день прорыскал напрасно. Солнце уже садилось за Гору Заката, когда он, возвращаясь к себе в логово, наткнулся на шакаленка. «Да ведь он совсем малыш», — подумал лев и, сжалившись над ним, осторожно взял его в зубы и отнес львице.

— И это вся твоя сегодняшняя добыча? — спросила львица.

— За весь день я не поймал ни одного зверя, кроме этого шакаленка. Да и его не стал убивать, он такой крохотный, совсем еще дитя. Сказано ведь:

Пусть угрожает тебе
смерть, милосердье яви
Женщинам, детям, жрецам, —
не омочись в их крови.

Вот я и принес тебе шакаленка. Замори им червячка, а утром я раздобуду тебе что-нибудь посытнее.

— Но ведь ты сам пощадил этого малыша, неужто же я убью его ради того, чтобы набить себе брюхо? Говорят же:

Пускай угрожает погибель,
достойное только верши,
Себя не срами недостойным,
храня благородство души.

Пусть же он станет третьим моим сыном.

С этими словами она стала кормить его своим молоком. Трое детенышей, не зная разницы своего происхождения, проводили время в веселых забавах. Однажды в их лесу появился отбившийся от стада слон. Едва увидя его, львята в сильной ярости устремились к нему навстречу, шакаленок же протявкали:

— Это заклятый враг всего нашего рода, мы не сможем победить его, — и забился в логово. Глядя на него, испугались львята. Справедливо говорится:

Один лишь отважный воитель
подымет на битву с врагом
Всю рать... И один малодушный
ее обречет на разгром.

Поэтому царь набирает
могучих, бесстрашных мужей,
С презреньем взирая на трусов,
дрожащих при звоне мечей.

Оба львенка, вернувшись к себе в логово, принялись насмехаться над своим братцем: вот, мол, трусишка, увидел слона — и наутек. Лев-отец пришел в гнев, губы его задрожали, глаза побагровели, брови грозно изогнулись. Он грубо выбранил обоих сыновей-львят. А львица отвела шакаленка в сторону и тихо сказала ему:

— Ты уж не сердись на своих братишек, они еще маленькие.

— Почему они насмеваются надо мной? — ответил разозлившийся шакаленок. — Неужто я уступаю им в смелости, красоте, учености, здоровье и силе? Я их обоих убью!

Не желая ему зла, мысленно посмеиваясь, львица сказала:

Ты смел, и пригож, и учен, —
но есть тут загвоздка одна,
В роду у тебя нет бойцов,
способных осилить слона.

Послушай, сынок. Ты сын шакалихи. Из жалости я вскормила тебя своим молоком. Пока оба мои сына еще не знают, кто ты такой, уходи к своим сродникам. Иначе погибнешь от их лап.

Испугался шакал и тут же сбежал.

— Поэтому, пока мои слуги еще не узнали, кто ты таков, — продолжал царь, — убирайся подобру-поздорову, не то придется тебе претерпеть от них поношение.

Гончар не стал медлить и тотчас покинул дворец.

Вот почему я говорю:

Глупец — кто своим правдолюбьем
себе причиняет урон.
Злосчастной своею судьбою
с Юдхиштхирой сходствует он.

Ты сам выдал себя, чудище морское, уподобясь горшечнику Юдхиштхире. Верно говорят:

Птиц говорящих удел —
в клетках убогих тесниться,
Но молчунов-журавлей
в небе свободна станица.

И еще:

Хотя и был грозен на вид
укрывшийся шкурой тигровой
Осел, но погиб, удержать
не в силах привычного рева.

— Расскажи об этом подробно, — попросил Караламукха, и Рактамукха поведала такую историю.

— Жил в некоем селении стиральщик по имени Шуддхапата, и был у него осел. Нечем было стиральщику кормить его, и осел сильно отощал. Однажды, блуждая по лесным зарослям, стиральщик нашел тигровую шкуру и обрадовался: «Вот удача! Одну-ка я в эту шкуру осла и пушу его пастись на соседнее ячменное поле. Хозяева, ясное дело, примут его за тигра, испугаются и не станут гнать». Как он задумал, так и поступил. Ночью он отводил осла на ячменное поле, а с восходом солнца гнал его обратно. Осел так разъелся, что с трудом влезал в свое стойло. Однако однажды ночью, заслышав издалека призывный зов ослицы, он громко заревел в ответ. Тут-то ночные сторожа догадались, что это не тигр, а осел, укрывшийся тигровой шкурой, и дубинами, камнями и стрелами прикончили его на месте.

Вот почему я и говорю:

Хотя и был грозен на вид
укрывшийся шкурой тигровой
Осел, но погиб, удержать
не в силах привычного рева.

Недаром говорит Шьямилака: «Ты снес поношение? Теперь уходи, пока не получил по шее».

— Расскажи об этом подробно, — попросил Караламукха, и Рактамукха поведала такую историю.

— Есть на земле город Викантака. Некогда жил в нем богатый купец по имени Ишвара. Однажды из города Аванти к нему пожаловали в гости четверо зятьев. Он принял их с большим почетом, сытно угощал, красиво наряжал. Вот зятья и загостились, шесть месяцев живут, об отъезде не помышляют.

— Видно, зятьям очень у нас понравилось, — сказал Ишвара своей жене Гарге, — вот они и медлят с уходом. Что тут поделаешь? Надо нанести им какую-нибудь обиду, тогда они, может быть, и уйдут. Сделаем так: когда подойдет время трапезы, ты не приноси им воды для омовения ног. Вот они и уйдут, оскорбленные.

Как условились, так и поступили. Гарга не поднесла им воды для омовения, усадила на ка-

кне похуже места, накормила чем придется. и тогда трое из четверых ушли. Четвертого же, Шьямилаку, пришлось вытолкать в шею.

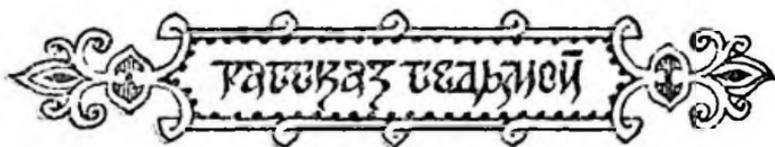
Поэтому я и говорю:

Плохие места отвели,
Попотчевали недоваренной кашей,
Обиделись трое зятьев,
Ушли, а четвертого выгнали взащей.

Почему я должен верить тебе, хотя вижу, что ты замыслил недоброе? Ведь я же не слепец, как тот тележник, о котором сказано:

Нет хуже слепца, чем глупец.
Однажды набрался позора
Тележник, таша на себе
жену и ее ухажера.

— Расскажи об этом подробно, — попросил Караламукуха, и Рактамукуха поведала такую историю.

— В некоем городе жил тележник. Жена его была большой охотницей до мужчин, и все ее осуждали за это. Когда слухи о ее похождениях дошли до тележника, он подумал: «А не подвергнуть ли ее испытанию?» — хотя и знал, что мудрые не советуют это делать.

Ни рек глубину, ни терпенье
мужей, обладающих властью,
Ни женскую верность не надо
испытывать — это к несчастью.

Рожденный от Васу,
объятый любовной горячкой,
Парашара мудрый
сошелся с простою рыбачкой
Сатьявати. Плод их
союза — сам Вьяса великий.
Судьбы проявленья
изменчивы и разнолики.

Отсюда ясно, что не следует проверять и чистоту рода, такого, например, как благородные пандавы, ибо даже они были рождены одной матерью от разных отцов. Испытывая женскую верность, можно открыть такие преступления, о которых ты даже и не подозревал.

Бывает ли пламя холодным,
исходит ли жар от луны?
Бывает ли женщина честной,
а гнусный злодей — без вины?

Ведь и я отличаю чистое от нечистого, лишь
внимая людской молве. Говорится же:

По этому поводу шастры
и веды святыя безгласны,
Но люди-то знают: такое
бывает, сомненья напрасны.

Так поразмыслив, он сказал жене:

— Дорогая! Завтра утром я уйду на несколько дней в деревню. Собери все, что требуется на дорогу.

Услышав это, она возрадовалась и, отбросив все прочие дела, приготовила ему еду на сахаре и масле.

Как только, на другой день, тележник спозаранок отправился в путь, жена его принялась наряжаться и прихорашиваться. С нетерпением дождавшись конца дня, она поспешила к знакомому вите и сказала ему:

— Мой постылый муж уехал в дальние края. Как только все в нашем доме уснут, приходи ко мне.

Тележник же, просидев весь день в лесу, возвратился и, проникнув в дом через черный ход, спрятался под кроватью жены. Вскоре в комнату вошел вита, которого звали Девадаттой, и развалился на постели. Тележника обуял великий гнев. «Как мне поступить, — думал он, — вылезти и прикончить этого негодяя или дожидаться прихода жены и убить их обоих? Вот только посмотрю, чем они будут заниматься, да послушаю, о чем говорить станут».

Крепко-накрепко заперев наружную дверь, жена тележника подошла к кровати. Забираясь на постель, она задела ногой мужа и сразу смекнула, что это он схоронился под кроватью. «Видно, этот негодник задумал меня испытать, — поняла она. — Ну что ж, я покажу ему, на что способны мы, женщины!» Девадатта уже хотел было заключить ее в объятия, но она, сложив вместе ладони, почтительно остановила его:

— О благородный! Знай, что я верная, до-

бродетельная жена. Если ты плохо обо мне подумаешь, я испепелю тебя проклятием.

— Зачем же ты позвала меня? — удивился вита.

— Слушай же, о домогающийся моей благосклонности! — молвила она. — Сегодня утром я пошла в храм Чандики, и пока я там молилась, с неба вдруг раздался громовой глас:

— О моя благопреданная дочь! По изволению судьбы через шесть месяцев ты овдовеешь, несчастная!

— О Всеблагостная! — ответила я. — Если ты ведаешь, какая беда мне угрожает, то должна ведать и средство, коим можно ее отворотить и продлить срок жизни моего супруга до ста лет.

— О моя дочь, — сказала богиня, — такое средство имеется. Но применить его должна ты сама.

— О богиня, даже ценой жизни я готова исполнить твоё повеление. Скажи, что я должна сделать.

Ответ богини был таков:

— Если сегодня ночью ты обнимешь в своей постели другого мужчину, то его постигнет злая судьба, предписанная твоему мужу, а сам твой муж проживет до ста лет. Сделай, как я велю, ни в чем не отступи от моей воли. — Вот я и решила исполнить веление богини.

Услышав эти слова, глупый тележник пришел в несказанный восторг. Выбравшись из-под кровати, он принялся возносить хвалы своей жене:

— Благословляю тебя, о моя верная, преданная жена, благословляю тебя, украшение всего нашего рода, благословляю. Дурные люди все-

лили в меня сомнение в твоей добродетели, и вот я, прикинувшись, будто пустился в дальнюю дорогу, залез под кровать, чтобы испытать тебя. Иди же ко мне. Обойми меня! — Нежно обняв жену, он посадил ее на одно плечо и сказал Девадатте: — О благочестивый человек! Тебя привела сюда сама благосклонная ко мне судьба! Благодаря тебе моя жизнь продлится до ста лет. Обойми же и ты меня и садись на другое мое плечо. — С этими словами он сгреб упировавшегося Девадатту и насильно усадил его на другое плечо, а затем под звуки рожка пошел обходить все окрестные дворы.

Потому-то я и говорю:

Нет хуже слепца, чем глупец.
Однажды набрался позора
Тележник, таща на себе
жену и ее ухажера.

Ты, видно, совсем слурел. Сам подумай, зачем я пойду к тебе в дом. Даже если бы ты поклялся мне, что не замышляешь ничего дурного, то и тогда мне следовало бы остерегаться вероломства, свойственного вашей злодушной породе. Даже общение с людьми добродетельными не может исправить вас. Такова уж сама природа злодеев. Говорится же:

Не отвратит и святой
сердце злодея от зла.
Сколько ни три уголек, —
не ототрешь добела.

И еще хорошо сказано:

Не из великих богов,
не из великих мужей,
Выбрала мужа себе
мышь из породы мышей.

— Расскажи об этом подробно, — попросил Караламукха, и Рактамукха поведала ему такую историю.

— Была в некоем селении обитель подвижников. Однажды один из них, самый старый, истинное сокровище подвижничества, по имени Шанкалаяна отправился к Ганге. Как раз в то время, когда он совершал поклонение Солнцу, с неба низринулся сокол и схватил своими кривыми острыми когтями маленькую мышку. Преисполнясь жалости, «Отпусти ее, отпусти!» — закричал мудрец и, подобрав с земли камень, метнул в сокола. Хищная птица, поначалу растерявшись, выпустила мышку. Упав на землю, мышь кинулась в ноги мудрецу и стала, попискивая, молить его о защите.

Опомнясь, сокол сказал подвижнику:

— Дурно ты поступил, метнув в меня камнем. Не пристало тебе нарушать закон справедливости. Отдай эту мышь мне, не то на тебя ляжет тяжкий грех.

— О ничтожнейший из пернатых! — возразил ему мудрец. — Наш святой долг — оберегать жизнь всех живых тварей, карать лиходеев, вознаграждать добродетельных, почитать наставников и возносить славу богам? Ты же говоришь несуразное.

— Плохо же ты знаешь закон справедливости, — оспорил его слова сокол. — Все живые твари созданы богами, каждой из них они назначили и потребную ей пищу. Если вам, святым людям, предписано питаться растительной едой, то нам назначено питаться мышами и тому подобными тварями. Почему же ты осуждаешь меня за то, что я кормлюсь тем, что мне определено богами? Сказано же:

Что полагается — ешь,
прочего — в рот не бери.
То, что не должно, отринь,
должное только твори.

Жертвенной пищи касаться
бражникам запрещено.
Даже и дваждырожденным —
худшая скверна — вино.

Благо тому, кто вкушает,
что полагается. Ты же
Карою мне угрожаешь,
будто я грешник бесстыжий.

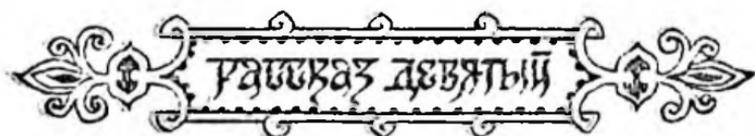
Кому же, как не мудрецам, видеть невидимое, слышать неслышимое? Их слава — в отсутствии алчности и враждебности к другим. Недаром говорится:

Тот истинный йог, кто при страстьех
к родне и друзьям превозмог,
Кто золото чистое ценит
не больше, чем глины комок,
Кто, столп добродетели, запер
все страсти свои на замок,
Кто дух очищает в раздумьях
о благе — тот истинный йог.

Ты нарушаешь обет подвижничества. Сказано же:

Один закричал: «Отпусти».
«Не надо!» — другой закричал.
Обоих постиг неуспех.
Лишь тот преуспел, кто смолчал.

— Расскажи об этом подробно, — попросил Шанкалаяна, и сокол поведал такую историю.

— На берегу некоей реки совершали отшельнический подвиг три мудреца, братья Эката — Первый, Двита — Второй и Трита — Третий. Сила их покаяния была столь велика, что во время омовения, дабы не загрязнить свои белые одеяния, они заставляли их висеть в воздухе. Од-

нажды, вырвав у коршуна лягушонка, я опустился на землю, рядом с подвижниками. Увидев в моем клюве лягушонка, преисполняясь сострадания, старший закричал: «Отпусти его, отпусти!» — и его белое одеяние тут же упало на землю. Второй, опасаясь, как бы то же самое не случилось и с его одеянием, возопил: «Не надо!» — но и это не помогло, его одеяние тоже упало на землю. Видя, что произошло, третий промолчал.

Вот я и говорю:

Один закричал: «Отпусти».

«Не надо!» — другой закричал.

Обоих постиг неуспех.

Лишь тот преуспел, кто смолчал.

Выслушав все это, мудрец рассмеялся.

— Ну и глуп же ты, сокол! Ведь все это произошло во времена Критаюги, когда один разговор с человеком неправедным уже почитался грехом. Одеяния мудрецов упали оттого, что заговорили они с существом, не заслуживающим почтения, с невеждой, отнюдь не в укор добродетельным. А мы живем во времена Калиюги, когда грех присущ всем живущим. В эту югу лишь злодеяние считают за истинный грех. Говорится же:

В прежнее время грешны
были не все поголовно,

В нынешний век на земле
нет ни души безгреховой.

Но ведь были же времена, когда:

Как на поверхности вод
масла разлитого пятна,
Липли грехи не ко всем,—
к тем, кто погиб безвозвратно.

Что болтать попусту? Убирайся, пока я не обрушил на тебя проклятие.

Когда сокол улетел, мышка обратилась к мудрецу с такой просьбой:

— О многопочтенный! Отведи меня в свою обитель, чтобы я не стала жертвой какой-нибудь хищной птицы. Я буду питаться теми крохами, которые ты пожелаешь мне оставить.

«Как же я понесу мышь в руке? — подумал сострадательный мудрец. — Ведь так я стану всеобщим посмешищем. Превращу-ка я ее в прекрасную девушку».

Увидя мудреца вместе с девушкой, его супруга спросила:

— Откуда она, о почтенный супруг?

— Схваченная соколом мышь просила меня о защите, — объяснил мудрец. — Вот я и превратил ее в девушку и привел в нашу хижину. Как следует береги нашу гостью, не то мне снова придется обратить ее в мышь.

— Не поступай так, мой дорогой супруг. Ведь отныне — ты ее законный отец. Сказано же:

Того, кто родил, кто взрастил,
сокровище знаний даря,
И кто от гибели спас,—
отцом почитают не зря.

Если ты, мой супруг, даровал ей жизнь, стало быть, она и моя дочь.

С тех пор они считали ее своей дочерью. От новолуния к новолунию все росла послушная дочь мудреца и его супруги, пока не достигла расцвета юности. Видя, что вошла она в самую пору, Шанкалаяна сказал супруге:

— Дорогая! Наша дочь достигла полнолетия. Отныне ей негоже оставаться у нас в доме. Сказано же:

Если не выдадут замуж
девушку в должное время,
С неба низвергнет всех предков
это тягчайшее бремя.

Так что надобно подыскать ей достойного жениха.

Невеста себе избирает
достойного мужа;
Отец избирает ученость,
свой ум обнаруживая;
Сокровища мать избирает,
родня — родовитость.
Все прочие пир избирают —
наестся бы в сытость.

И еще:

Для выдачи девушки замуж
подходит то время, когда
Играет она на дороге
в пыли — и не знает стыда.

За выдачу девушки замуж
родители оба и брат
В ответе: ее вековухой
оставят — отправятся в ад.

И кроме того:

Да будет жених родовит и умен,
Богат, и пороков лишен, и учен,
Да будет собою пригож — и не стар.
Все есть? Так иной и не надобен дар.

Умный отец не отдаст
Дочь за того, кто живет далеко,
Кто неучен, небогат
И поддается соблазнам легко.

А что, если выдать ее за Золотолучистого Савитара, конечно, если он ей полюбится? Сказано ведь:

Пускай и прекрасен жених,
но если немил он невесте,
Отвергнуть его — для отца
веление долга и чести.

— Что же тут размышлять? — сказала жена. — Выдадим ее за Солнце.

Мудрец воззвал к Савитару. Савитар тотчас же явился и спросил:

— Зачем ты призвал меня, о многомудрый?

— Вот моя дочь, — ответил мудрец. — Если она тебе нравится, возьми ее в жены.

И, показав на Золотолучистого, он спросил:

— Доченька! Нравится ли тебе сей сиятельный муж, светоч, озаряющий три мира?

— Уж больно он горяч, — ответила она. — Я даже не смогу его приласкать. Да и могущественнее его женихи на свете есть...

Услышав ее слова, Золотолучистый сразу

понял, что это мышка, но не подал виду и сказал мудрецу:

— Многомудрый! Облако могущественнее меня. Оно может закрыть мой лик так, что от него и следа не будет видно. Его-то и пригласи в мужа своей дочери.

Призвав Облако, мудрец спросил дочь:

— Нравится ли тебе этот жених?

— Уж больно он темен и мрачен, — ответила она. — Найди мне кого-нибудь более могущественного.

— Скажи, Облако, есть ли кто-нибудь могущественнее тебя? — спросил мудрец у Облака.

— Могущественнее меня Ветер, — услышал он в ответ. — Он гонит меня, куда вздумается!

Мудрец призвал Ветер.

— Как тебе нравится этот жених? — спросил он у дочери.

— Уж больно у него нрав изменчивый, — пропичала мышка. — Поищи кого-нибудь более могущественного.

Мудрец спросил у Ветра, не знает ли он кого-нибудь могущественнее, чем он.

— Это повелитель гор Парвата, — ответил Ветер. — Как я ни могуч, а он все-таки останавливает меня.

Мудрец призвал Парвату.

— Как тебе нравится этот жених? — спросил он дочь.

— Уж больно он тверд, — ответила дочь. — Да еще и недвижим.

— Нет ли, о повелитель гор, кого-нибудь могущественнее, чем ты? — спросил мудрец.

— Могущественнее меня мыши, — ответил Парвата. — Они прогрызают в моем теле ходы, где им пожелается.

Тогда мудрец призвал повелителя мышей.
— Как тебе нравится этот жених? — спросил он.

Увидев существо той же породы, мышка возрадовалась столь сильно, что у нее поднялись волоски на теле.

— Батюшка! Преврати меня снова в мышь, — воскликнула она, — и отдай ему в жены! Я, как велит обычай, буду вести его дом.

Мудрец, хорошо знавший женский нрав, снова обратил ее в мышь и выдал замуж за повелителя мышей. Справедливо говорится:

Красавице дорог любимый:
дороже он ей, нет сомненья,
Чем золото тонкой чеканки
и тонкой огранки камня.

Ты сам слышал, как худародная мышь отказалась от божественных женихов и вышла замуж за того, кто был столь же низкого происхождения, как и она. То же самое можно сказать и о тебе, хоть ты и подружился со мной, но природа твоя осталась неизменной.

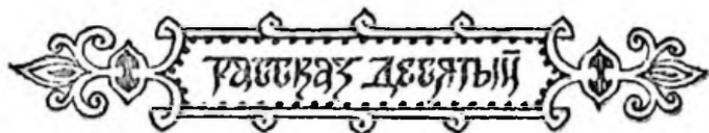
Вот я и говорю:

Не из великих богов,
не из великих мужей,
Выбрала мужа себе
мышь из породы мышей.

Ты, любострастный глупец, оказался под пятой у своей жены. Есть немало мужей, которые ради любовных услаждений забывают и свое кровное дело, и необходимость беречь и умножать богатство, и даже друзей. Говорится же:

И рядом лежать не хотела, —
внезапно прижалась к груди.
Уж лучше меня, промыслитель,
от ласки такой огради!

— Расскажи об этом подробно, — попросил Караламукуха, и Рактамукуха поведала такую историю.

— Жил в некоем селении богатый старик купец по имени Каматура, одержимый любо-страстьем. После смерти своей жены он женился на дочери бедного купца, уплатив за нее большой выкуп. Но она, хоть и была бедна, смотреть не могла на дряхлого купца. Хорошо сказано:

Отпугивает седина
красавиц, как белая кость.
Не страсть им внушает она,
а только презренье и злость.

А бывает и так:

Весь-то он высох и скрючен, осталось
только подобье мужчины:
Выпали зубы, глаза помутнели,
избороздили морщины

Щеки и лоб. И смотреть-то противно
даже жене престарелой,
Даже родне, сыновьям на такое
духа лишенное тело.

Однажды ночью, когда старик покоился со своей молодой женой на ложе, жена, до тех пор всегда его отвергавшая, вдруг повернулась к нему и крепко обняла.

«О, чудо-то какое! — обрадовался старик. — Она меня обняла».

Чуть погодя он заметил в углу комнаты затаившегося вора и догадался: «Это она вора испугалась, потому ко мне и прижимается».

Тут-то он и произнес этот стих:

И рядом лежать не хотела, —
внезапно прильнула к груди, —
Уж лучше меня, промыслитель,
от ласки такой огради!

Однако стих стихом, а любострастный старик по собственной воле отдал вору все богатство и сказал:

— Приходи почаще!

Пока Караламукха и Рактамукха вот так пререкались друг с другом, явилось еще одно морское чудище.

— Слушай, макара, — сказало оно Караламукхе. — Твоя жена долго голодала. И наконец, удрученная твоим отсутствием, рассталась с жизнью.

Охваченный горем, Караламукха возопил:

— Беда! Меня постигла ужасная беда! Говорится же:

Дом без хозяйки не дом.
Жить в опустелом жилище
Хуже, чем в чаще лесной
или же на пепелище.

Там, где хозяйка, — и дом.
С ней и под пальмой жилье.
Но как дремучая глушь
пышный дворец без нее.

И еще:

Дом без хозяйки пустынной
пустыни: там и живи —
В пустыни, словно пустынный,
сбросивший иго любви.

Ты уж, подруга, прости меня: грешен
я перед тобой, — сказал Караламухха. — Не то
я взойду на костер.

Рактамухха засмеялась.

— Я уж не раз примечала, — молвила она, —
кто попался в плен к женщине, тому нет спасенья.
Вот и еще одно свидетельство моей правоты.
Тебе бы радоваться, а ты хнычешь. Когда умирает дурная жена,
не поминки надобно устраивать, а праздник справлять.
Говорят же:

Взбалмошна, вздорна, распутна,
сводит ворчаньем с ума.
Кажется: в ней воплотилась
нудная старость сама.

Помните: прочное счастье
с женщиной несовместимо.
Не окликай, идите,
будто не видите, мимо.

Кто кругобедрой пленен —
словно в огне мотылек,
Вспыхнув, сгорит: для него
гибели час недалек.

Сходствует женское сердце
с гунджи: прекрасен на вид
Плод, загляденье, однако
в рот не бери: ядовит.

Что в сердце таят — не откроют,
что на языке — умолчат.
О женщинах судим по лицам,
и все наугад, невпопад.

Ни подношеньем даров,
ни колотьем, ни битьем
Женщину не вразумить:
будет стоять на свосм.

Что говорить о природе
женщин, которые в злобе
Вытравить могут младенцев,
тайно носимых в утробе?

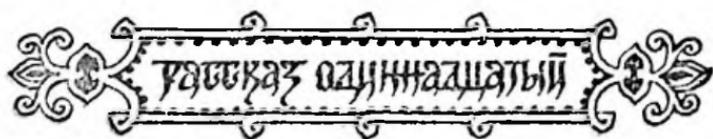
Глуп тот юнец, что находит
чувство в жестокой и злой,
Пылкость — в бесстрастной, чье
сердце
схоже с остывшей золой.

— Может быть, ты и права, может быть,
и права, — произнес Караламукха. — Но что же
все-таки мне делать? По немилости судьбы,
я оказался в очень трудном положении — мне

угрожает двойная опасность: лишиться семьи и одновременно лишиться дружбы с достойной подругой. Говорят же:

Мужа оставила дома,
деньги любовник унес.
Все, что имеешь, утратить,
верно, обидно до слез.

— Расскажи об этом подробно, — попросила Рактамукха, и Караламукха поведал такую историю.

— В некоем селении жила одна крестьянская чета. Муж был уже в почтенных годах и почти все время возносил моления богам. Но его жена отнюдь не отличалась ревностным благочестием: она не любила сидеть дома и только и знала, что путалась с мужчинами. Заприметил се однажды некий плут, который зарился на чужие богатства.

— Ах, дорогая, — сказал он ей при встрече. — Жена у меня умерла, я вдовец. А ты так хороша собой, так статна, что стрела Смары уязвила меня прямо в сердце. Будь моей.

— О дорогой, — ответила она. — У моего мужа целая пропасть денег, но он уже дряхлый старик и ни на что не годен. Я заберу у него все деньги, и мы с тобой отправимся

в другую страну и там предадимся утехам любви.

— Превосходная мысль, — ответил плут. — Завтра встретимся на этом же самом месте. Уйдем в другую страну, в другой город, и там вкусим все счастье любви.

— Договорились, — воскликнула женщина. С сияющим от радости лицом она возвратилась домой, дождалась, пока супруг крепко уснет, забрала у него все деньги, а утром поспешила на условленное место. Плут уже ждал ее. Он низко поклонился, и они быстрым шагом направились на юг. Шли они, шли, куда путь им не преградила река.

«Что мне делать с этой перезрелой красоткой? — размышлял мошенник. — Не удрать ли от нее? Конечно, удрать, но не с пустыми же руками, надо отобрать у нее денежки».

Так порешив, он сказал женщине:

— Через эту бурную реку не так-то легко переправиться. Давай сделаем так: сначала я перейду на тот берег со всеми нашими деньгами, а потом возвращусь и перенесу тебя.

Она согласилась и отдала ему все захваченные с собой деньги.

Тогда плут сказал:

— Сними-ка и одежду, чтобы было во что завернуть деньги, а сама посиди на берегу, подожди. Стыдного тут ничего нет, без одежды и в воду входить лучше — не намокнет.

Он перебрался через реку и скрылся.

Она же осталась сидеть на берегу, сплетя пальцы за шей.

Вдруг там появилась шакалиха с куском мя-

са в зубах. И как раз в этот миг на берег шлепнулась тяжелая рыбина. Бросив кусок мяса, шакалиха подбежала к рыбе, а тем временем какой-то сокол камнем упал на мясо, подхватил его и вознесся в небесную высь. Рыба же, при виде шакалихи, снова метнулась в воду. И тут-то женщина, которая сидела на берегу шагшом, с усмешкой сказала шакалихе:

— Рыба упрыгнула в воду,
коршун добычу унес.
Все, что имеешь, утратить
разом — обидно до слез.

Шакалиха с такой же ехидной усмешкой ответила женщине, которая утратила и все свои деньги, и любовника:

— Мужа оставила дома,
деньги любовник унес.
Все, что имеешь, утратить,
верно, обидно до слез.

Только Караламукха окончил свой рассказ, как подплыл еще один обитатель морских вод и сказал:

— Слышь-ка, твой дом захватил какой-то громадный макара.

Тут уж Караламукха совсем пал духом, стал роптать:

— О, как жестока ко мне судьба!

Утратил я лучшего друга,
лишился любимой жены.
Мой дом захватили... Какие ж
мне беды еще суждены?

Верно сказано, что всякому бедняку выпадает на долю множество бед.

И он стал думать, что делать с наглецом, захватившим его жилище. Вступить с ним в схватку либо попробовать усювестить, учинить с ним ссору либо попытаться задобрить дарами? И решил спросить свою бывшую подругу Рактамукху. Говорится же:

Кто мудрым советам внимаает,
жить будет в довольстве, в богатстве,
Не внемлющий мудрым советам
не сможет осилить препятствий.

Рассудив таким образом, он обратился к Рактамукхе, восседавшей на дереве джамбу:

— Убедись же, подруга, сколь немилостива ко мне судьба! В мой дом вторглось какое-то могущественное чудище. Что же мне делать? Прибегнуть ли к замирению либо по-иному разрешить дело?

— Ну что ты привязался ко мне, тварь неблагодарная! — возмутилась Рактамукха. — Не дам я тебе никакого совета. Сказано же:

Хороший совет обезьяне
дала простодушная птица.
И вот — без гнезда. К неразумным
с советами лезть не годится.

— Расскажи об этом подробно, — попросил Караламукха, и Рактамукха поведала такую историю.

РАССКАЗ ДВЕНАДЦАТЫЙ

— В некоем лесу обитала чета воробьев. Как-то раз в месяце магх, застигнутая неожиданным ливнем, вся дрожа от пронзительного ветра, под деревом, где они свили себе уютное гнездышко, укрылась обезьяна. Слыша, как стучат ее зубы, будто бряцают на вине, и видя, как она старается прикрыться всеми четырьмя лапами, воробей посочувствовал ей:

Ты на человекаходишь
обличьем своим — так чего же
Ты дома себе не построишь —
укрыться порой непогожей?

Глупая обезьяна обиделась. «Какой непомерной гордыней наделены все живые существа, — возмутилась она. — Даже этот ничтожный воробьишка считает себя вправе давать мне советы».

И она крикнула:

— Ты, птица, себя возомнила
ученой, как я посмотрю,
С советами лезешь. За это
жилище твое разорю!

Но воробей, не унимаясь, снова посоветовал ей построить жилище вроде человеческого. Тут обезьяна совсем разъярилась, вскарабкалась на дерево и разметала воробьиное гнездо.

Поэтому-то я и говорю:

Хороший совет обезьяне
дала простодушная птица,
И вот — без гнезда. К неразумным
с советами лезть не годится.

Но Караламухка взмолился:

— О подруга! Хотя я и очень виноват перед тобой, а все же во имя прежней нашей дружбы посоветуй, как мне поступить.

— Не стану я тебе ничего советовать, — сказала обезьяна. — По наущению своей жены ты решил утопить меня в океане. Подлая была это затея. Хотя и мила бывает жена, а все же не следует ради нее топить друзей, родственников и всех близких. Позор тебе, если ты вздумашь повторить что-либо подобное. Неужто ты не понимаешь, что нельзя слепо верить женщинам?

Покинут я той, для которой
пожертвовал близкой родней.
Обманщицы — женщины эти.
Их клятве не верь ни одной!

— Расскажи об этом подробно, — попросил Караламухка, и Рактамукха поведала такую историю.

ГЛАВА ТРИНАДАТЫЙ

— В некоем селении жил брахман, который больше жизни любил свою жену. Она же непрерывно ссорилась со всей его родней, будто у нес и дел других нет. Горько ему было выносить это, и брахман решил покинуть своих родичей и переселиться с женой в далекую страну. Отправились они в путь, и когда оказались в дремучем лесу, брахманка сказала мужу:

— Я умираю от жажды. Раздобудь где-нибудь воды.

Когда наконец, с большим трудом раздобыв воды, брахман вернулся к жене, она, не дождав-шись его, умерла. Объятый великой любовью, он предавался глубокой скорби, как вдруг до него донесся Глас свыше:

— О брахман! Пожертвуй половиной своего века, и твоя супруга воскреснет.

Брахман совершил омовение и трижды поклялся, что пожертвует половиной своего века, если жена воскреснет. И жизнь возвратилась к его жене. Напившись воды и поев лесных плодов, они продолжали путь. Дойдя до сада, разбитого у городских ворот, они остановились, и брахман сказал:

— Пойду поищу что-нибудь поесть, а ты пока оставайся здесь и смотри никуда не отлучайся.

Сидя в саду, брахманка неожиданно услыша-

ла песню, которую пел калека. Его божественно прекрасный голос покори́л ее сердце. Она подошла к нему и сказала:

— Если ты мне откажешь в любви, то будешь повинен в моей смерти.

— На что я тебе, увечный? — удивился калека. — Что ты будешь со мной делать?

— Как что? Любить тебя.

Они тут же насладились друг другом.

— С этого мгновения, — сказала она, — мое сердце отдано тебе. Ты мой единственный господин. Следуй же за мной и не сомневайся в моей верности.

Вернувшись из города, брахман принес немного еды.

— Накорми этого калеку. Он голоден, — сказала жена.

Муж поступил, как она сказала.

— О брахман! — продолжала жена. — У нас с тобой нет попутчика. Когда ты уходишь, мне и поговорить не с кем. Давай возьмем его с собой.

— Да ты сама еле плетешься, а хочешь тащить его с собой, — возразил муж.

— Я положу его в сундук и понесу, — настаивала брахманка. Не поняв ее замысла, муж согласился. — А если мне будет тяжело, ты поможешь.

На другой день, когда они отдыхали возле колодца, брахман вместе с вцепившимся в его плечи калекой свалился в воду. Брахманка кое-как умудрилась вытащить сундук с калекой и ушла в ближний город. Ее тут же схватили царские мытари: не утаила ли она какой-нибудь товар — и отвели к царю. Открыв сундук, царь увидел в нем калеку.

— Кто это такой? — спросил он.

— Это мой супруг, — с плачем ответила брахманка. — При разделе наследства родные покалечили его, вот и пришлось нам спастись бегством. Сам-то он не может идти, поэтому, исполненная сострадания и любви, я ношу его в сундуке.

— Отныне ты мне все равно что родная сестра, — сказал растроганный царь. — Дарю тебе две деревни. Живите, не зная горя.

Меж тем какой-то подвижник вытащил брахмана из колодца. Продолжая путь, брахман добрал до того города, где поселилась его жена. Увидев его, она сказала царю:

— Это злейший недруг моего супруга. Повели его казнить, государь.

Но брахман воззвал к царю:

— О богоравный! Эта женщина похитила нечто мне принадлежащее. Коли ты воистину чтить закон, повели ей вернуть похищенное.

— Если ты похитила что-нибудь у этого человека, верни ему похищенное, — повелел царь.

— Я ничего у него не брала, — молвила брахманка.

— Я пожертвовал тебе половину своего века, скрепив этот дар тройной клятвой. Верни же то, что мне принадлежит.

В страхе перед царем она трижды повторила:

— Я возвращаю тебе половину твоего века. — И тут же испустила дух.

— Что все это значит? — поразился царь. И тогда брахман поведал ему, как все случилось.

Вот я и говорю:

Покинут я той, для которой
пожертвовал близкой родней.
Обманщицы — женщины эти.
Не верьте же им, ни одной.

А теперь вот благоволи выслушать один
славный рассказец:

На что не решится мужчина,
подруге всем сердцем покорен!
По-конски заржет громогласно
и волосы сбреет под корень.

— Расскажи об этом подробно, — попросил
Караламухха, и Рактамухха поведала такую
историю.

— Жил некогда царь по имени Нанда, и был он супругом всея Земли. Владения его тянулись вплоть до самого мирового океана, ее опоясывающего. Его слава была ослепительно светла, подобно лучам зимней луны. В силе и мужестве он не имел себе равных. Сидя на троне, ногами попирает он короны подвластных ему повелителей. Главным советником царя был Вараручи, который глубоко постиг шастры и сумел проникнуть в тайное тайных всех вещей и явлений. Супруга его, Джая, была женщина очень свар-

ливая. Вараручи, при всей к ней любви, никак не удавалось ее умилоствовать.

Спросил он однажды жену:

— Чем мне тебя порадовать, дорогая? Только скажи, я исполню любую твою просьбу.

— Хорошо, — сказала она. — Если ты и вправду любишь меня так сильно, как клянешься, в день полнолуния обрей начисто голову.

Так он и сделал, к вящему ее довольству.

Своенравной была и супруга самого Нанды.

Она бывало, ее не умиротворишь. Наконец она взмолилась:

Дорогая! Я ни дня не могу жить без тебя.

Если я паду пред тобой на колени, только не гневайся на милость.

Она ответила так:

Возьми в рот удила, я заберусь к тебе на шею и поскачу. А ты будешь громко ржать по-лошадьи. Вот тогда я смилюсь над тобой. И тогда царю подчиниться.

Однажды утром государь вошел в залу совета, к нему приблизился Вараручи:

— Ты почему обрился в неурочное время? — спросил государь. А тот ответил стихом:

— На что не решится мужнина,
подруге всем сердцем покорен:
По-конски заржет громогласно
и волосы сбреет под корень.

Ты, морское чудище, ты, злодей, такой же раб своей жены, как Нанда и Вараручи.

— Послушай, подруга, — продолжал упрашивать Караламукха, — хоть я и замышлял против тебя недоброе, но теперь в этом раскаиваюсь.

Посоветуй же мне, как возвратить захваченное жилище.

— Ну что ты привязался ко мне, дурья голова! — вскипела Рактамукха. — Никак ты не можешь уразуметь то, что я тебе вдалбливаю:

Гордец, не желающий слушать
наставников мудрых слова,
Погибнет, подобно верблюду,
сраженному лапою льва.

— Расскажи об этом подробно, — попросил Караламукха, и Рактамукха поведала такую историю.

— Жил в некоем городе колесник по имени Мандаматха. В ремесле своем он ничего не смыслил и решил однажды купить верблюдицу. С тех пор не знал он иного занятия, как кормить и поить ее. Пришло время, верблюдица случилась с верблюдом и родила верблюжонка. Вместе со своим малышом она паслась возле города, поедая в тамошних рощах побеги бамбука, манго, палаши и других деревьев и растений. Вскорости она хорошо откормилась, а ее детеныш превратился в могучего молодого верблюда. Мандаматха каждый день доил верблюдицу, тем и кормил всю свою семью. Молодому же верблюду он, нежно его любя, повесил на шею колокольчик.

«Видно, мастерить телеги не мое дело, — подумал однажды колесник. — Ведь моя семья живет лишь молоком, которое я надаиваю от верблюдицы. Не заняться ли мне каким-нибудь прибыльным занятием?»

И вот однажды он сказал жене:

— У меня родилась превосходная мысль. Давай с тобой продадим наших верблюдов. За них можно выручить хорошие деньги. Еще немного при займем и со всеми этими деньгами на руках отправимся в Гурджару. Там я куплю еще одну верблюдицу и вернусь.

Так он и сделал. Новая верблюдица дала богатый приплод, и вскоре он стал владельцем целого стада. Вместо платы пастухам он разрешал им доить по одной верблюдине. Со временем, занимаясь разведением верблюдов, он зажил в полном довольстве.

Верблюжата паслись в рощах вокруг города. Весь день они щипали побеги травы, пили воду из озера, а в сумерках, играя и резвясь, возвращались домой. Самый старший из них, гордого нрава, обычно шествовал последним.

— Почему этот глупец отстает от стада да еще брэнчит своим колокольчиком? — недоумевали другие верблюды. — Как бы звон этого колокольчика не приманил какого-нибудь хищного зверя.

И вот однажды, когда они углубились в лесную чащу, привлеченный звоном колокольчика, и впрямь появился лев. Он увидел, что пасти большого верблюжьего стада выхватывает молодой верблюд. Все стадо уже вышло из леса и направилось домой, когда молодого верблюда перехватил лев. С громким ревом набросившись он на свою добычу и тут же ее зарезал.

Вот почему я и говорю:

Гордец, не желающий слушать
наставников мудрых слова,
Погибнет, подобно верблюду,
сраженному лапою льва.

Выслушав все это, Караламукха сказал:

— Дружба начало берет
с шага седьмого, с седьмого
Слова. Понятен и прост
смысл изречения святого.

Тот, кто советы дает,
полный любви и участия,
Прочь от себя отметет
беды любые, несчастья.

Дай же мне добрый совет. Я буду перед тобой
в вечном долгу.

Добром на добро отвечать —
большая заслуга ли в том?
Тот истинно добр, кто всегда
на зло ответит добром.

Выслушав его, Рактамукха сказала:

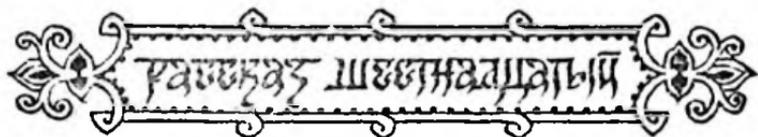
— В таком случае, любезный, тебе следует
пойти и сразиться с наглецом, захватившим
твой дом.

Сраженный — достигнешь небес,
живой — отвоюешь свой дом,
Немеркнувшей славой покрыв
себя при исходе любом.

Вот потому-то и говорят:

Пред сильным склонись! Пред бессильным
яви доброту, снисхождение.
Когда же встречаешься с равным,
без страха вступи с ним в сраженье.

— Расскажи об этом подробно, — попросил Караламукха, и Рактамукха поведала такую историю.

— Жил в некоем лесном краю хитрый шакал Махачатурака. Шныряя по лесу, наткнулся он на подошедшего слона, но с какой стороны ни зайдет, никак ему не прокусить толстую, грубую кожу. Тут откуда ни возьмись появился и лев. Шакал склонился так низко, что коснулся мордой земли. Затем, молитвенно сложив лапы, он воззвал ко льву:

— Я твой покорный слуга. Сторожу этого слона ради тебя. Отведай же его мяса, о повелитель.

— Я еще никогда не ел добычу, сраженную не мною, — прорычал в ответ лев. — Жалую тебе этого слона.

— О господин! Милость, которую ты оказываешь своему слуге, поистине велика, — обрадовался шакал. — Говорят же:

Великий душой и в беде
 пребудет, как прежде, велик.
Так раковины и в огне
 белеет по-прежнему лик.

Выслушав это, лев удалился. Вскоре показался тигр. Увидев его, шакал подумал: «От одного едока я кое-как избавился. Как бы мне отделаться и от другого? Я вижу только одно средство — поссорить его с более могущественным. Недаром говорится:

Где все увещанья бесплодны,
 дары отвергают надменно, —
Там лучшее средство добиться
 успеха — раздор и измена.

Даже те, кои наделены всевозможными добродетелями, могут быть погублены с помощью ссор и раздоров.

Достаточно створки раздвинуть
 у раковины — и оттуда
Уже без труда извлекают
 жемчужину — светлое чудо».

Так рассудив, он двинулся навстречу пришельцу и, в мнимом удивлении вытянув шею, воскликнул:

— Дорогой дядюшка! Ты подвергаешься смертельной опасности. Этот слон был сражен самим львом. Я поставлен им сторожить тушу. Прежде чем пойти свершить омовение, он строго наказал мне: «Если только сюда сунется какой-нибудь тигр, доложи мне! Я уже растерзал одного тигра, который осмелился обглодать

сраженного мною слона. На этот раз я освобожу весь этот лес от его сородичей».

— О сын счастливицы! — взмолился испуганный тигр. — Спаси меня. Когда возвратится лев, не говори, что я приходил сюда. Будто бы меня здесь и не было вовсе.

Только он ушел, как появился леопард.

«Ну, у этого клыки крепкие, — подумал шакал. — Пусть он раздерет для меня шкуру слона».

— О сын счастливицы! — обратился он к леопарду. — Давно мы с тобой не виделись... Ба, да ты, кажется, проголодался? А тут как раз валяется туша убитого львом слона. Лев оставил меня сторожить ее. Так и быть, пока он еще не возвратился, отведай слонятины да и ступай себе восвояси.

— Нет, уж лучше мне ее не пробовать, — отказался леопард. — Мне еще хочется жить. Сам знаешь, жизнь полна радостей... Говорят же:

Каждый, кто голоден, должен
есть только то, что съедобно,
Переваримо — и телу
вред причинить неспособно.

Уйду-ка я отсюда подобру-поздорову.

— Ну что ты такой нерешительный? — продолжал подстрекать его шакал. — Отдохни да поешь, а если часом нагрянет мой повелитель, я предупрежу тебя заранее.

Как только леопард разодрал слоновью шкуру, шакал затараторил:

— О сын счастливицы!.. Он приближается... Он приближается... Совсем близко...

Леопард тотчас же умчался большими прыжками.

Только Махачатурака принялся пожирать слоновье мясо, как появился другой шакал, голодный и злой.

Видя, что недруг равен ему по силе, Махачатурака и произнес этот стих:

Пред сильным склонись, пред бессильным
яви доброту, снисхожденье,
Когда же встречаешься с равным,
без страха вступай с ним в сраженье.

И, накинувшись на пришельца, он искусал его и погнал прочь, а сам долго еще лакомился слонятиной.

Вот тебе мой совет: если враг твоего же рода, немедленно сразись с ним и прогони прочь. А не сделаешь так, обречешь себя на верную гибель.

Вот почему я и говорю:

Ждут от коров молока,
подвига ждут от жреца,
А от сородичей — бед:
словно кремень — их сердца.

А также:

Сладостно жить на чужбине,
там изобильна еда,
Только одно там неладно —
близких по роду вражда.

— Расскажи об этом подробно, — попросил Караламукуха, и Рактамукуха поведала такую историю.

РАЗСКАЗ ВЕЩАЩИЙ

— Жил в некоем селении пятнистый пес Читранга. Случился там голод. Собаки и прочие домашние животные разбежались. Прослышав, что в некоем краю щедро раздают милостыню, отощавший — кожа да кости — Читранга побегал туда.

Он и правда нашел себе приют во дворе у одной доброй хозяйки. Жилось ему там хорошо, но стоило покинуть двор, как на него набрасывались стаи собак и клочьями выдирали шерсть из шкуры.

«Нет, уж лучше голодать, но жить в родном краю, — решил в конце концов Читранга. — Уж там-то никто на меня не нападет. Пущусь-ка я восвояси».

Когда он вернулся в родимый край, сородичи стали его наперебой расспрашивать:

— Слушай, Читранга! Расскажи нам, как живет на чужбине? Что это за страна? И чем занимаются ее жители? Чем питаются? Как проводят свое время?

Вот Читранга и произнес этот стих:

— Сладостно жить на чужбине,
там избыльна еда,

Только одно там неладно:
близких по роду вражда.

Получив такой совет, Караламухха отправился к себе домой, чтобы сразиться с незванным пришельцем. Благодаря отваге и стой-

кости он одержал верх в этой схватке. Отстояв свое жилище, он жил там долго и благополучно. Верно сказано в стихе:

Добытое мужеством счастье:
оно-то воистину ценно.
Быки поедают охотней
траву — не готовое сено.

На этом завершается четвертая книга «Панчатантры», сочиненной достойнейшим Вишнушарманом.

ОПРОМЕЧЕННЫЕ
ДЛЯ

Пятая книга «Панчатантры», именуемая «Опрометчивые деяния», начинается с такого стиха:

Недоглядел, недослышал
и недопонял к тому ж.
Не осрамись, как цирюльник,
нерассудительный муж!

Есть в южной стороне город Паталипутра. Некогда жил там купец по имени Манибхадра. На все свои дела: и благочестивые, и торговые, и любовные расточал он уйму денег и в конце концов, утратив по воле неблагосклонной судьбы все свое достояние, впал в жестокую нищету, претерпел много унижений и горько запечалился. Как-то ночью, перед сном, лежал он и думал: «О, проклятая нищета! Недаром говорится:

Праведность, щедрость, учтивость
И благородство — достоинства эти
Ценятся лишь у богатых:
Так уж велось и ведется на свете.

Доброе имя и гордость,
Предусмотрительность и осторожность
Гибнут с утратой богатства.
Не такова ль бытия непреложность?

Ум иссушают заботы
О пропитанье семьи. Так весною
Прелесть цветущей природы
Ветер смывает потоками зноя.

Иссякнет и самый могучий
Рассудок от вечных раздумий о том,
Где солью и маслом разжиться,
Одежды достать, запастись сушняком.

Не правда ли, дом богача,
Веленьем судьбы потерпевшего крах,
Походит на небо без звезд,
На высохший пруд и кладбищенский прах?

Тот, кто разорился дотла,
В глазах богатеев надменных ничтожен.
Он жив лишь на вид, как пузырь,
Но в сущности умер уже, изничтожен.

Пусть полон коварства и злобы,—
Стекаются люди толпой к богачу.
Надеется всяк: «Он исполнит,
Как райское дерево, все, что хочу».

Уж если кто беден — беда.
Заслуги бесплодны, достоинства
тщетны.

Он станет покорным рабом
Спесивца того, чьи богатства
несметны.

«Как нежен, как ласков!» — твердят
О грозно ревущем Властителе Вод.
Чего бы ни сделал богач,
Любой восхваляет его во весь рот».

Так рассудив, он пришел к мысли: «Зачем мне терпеть жестокие муки нищеты? Лучше я откажусь от еды и расстанусь с жизнью». Но во сне явилось ему «Сокровище В Лотосе» в обличье кшапанака. «О купец, — возгласил кшапанака. — Ты не должен отвергать этот мир, сие есть заблуждение. Я Падманидхи — Сокровище В Лотосе, которого почитали еще твои предки. Завтра на заре я приду к тебе в этом же обличье. Ударь меня дубиной по голове, и я обращусь в золотой истукан».

Проснулся Манибхадра рано утром, а сон нейдет у него из памяти. «Не знаю, вещий ли это сон или наваждение, — размышлял он. — Скорей всего, наваждение. Целыми днями я думаю о богатстве, потому-то мне и приснилось все это. Говорится же:

Не сбудутся сны у недужных,
влюбленных, пылающих страстью
И у горемык, безнадежно
душой обращенных к несчастью».

В ту пору к супруге купца явился цирюльник, дабы омыть ей ноги, а следом, как и было возвещено во сне, явился кшапанака. Обрадованный купец схватил какую ни попадя дубину и треснул его по голове. Кшапанака, превратясь в золотой истукан, рухнул наземь. Купец поднял его, отнес в дом и, угостив цирюльника, сказал ему:

— Вот тебе деньги, почтенный, и одежды. Возьми их, но никому не рассказывай о виденном.

Вернувшись домой, пирюльник задумался: «Если любого из этих отшельников, которые ходят нагишом, трахнуть палкой по голове, конечно же, он обратится в золотой истукан».

С трудом дождавшись утра, он вооружился тяжелой дубиной и отправился в джайнскую обитель. Трижды вознес моление Повелителю джайнов, трижды прополз по земле вокруг его изваяния и, прикрыв рот, дабы из него не брызнула слюна, произнес следующий стих:

— Победа — всем джайнам!
В их душах
великое знание живи:
Как освободиться навеки
от уз не духовной любви.

Язык, восхваляющий Джину,
и сердце, что предано Джине,
И руки, что жертву приносят
ему, — восславляются ныне!

И еще:

Отшельник, отвергни глаза,
взгляни на сердца, пораженные Марой.
Ты можешь один исцелить
недуг, порожденный божественной
чарой.

«Лишь видимость — жалость твоя.

Безжалостнее нет на свете мужчины», —
Вот женщин разгневанных суд.

Мы все ожидаем спасенья от Джины.

С этими словами он приблизился к старшему кшапанаке и с низким поклоном воскликнул:

— Слава тебе, о великий!

Кшапанака благословил его, пожелав укрепиться в уже достигнутой добродетели. Выслушав наставления, как обрести глубокую веру и какие обеты следует исполнять, дабы достигнуть истинного блаженства, цирюльник завязал в знак покорности узлом свое верхнее одеяние и почтительно произнес:

— О господин! Завершив все положенные обряды, соблаговоли вместе с другими кшапанакими пожаловать ко мне в гости.

— Ты должен знать обычаи, шравака, — возразил старший кшапанака. — Разве нас приглашают в гости? Мы же не брахманы. Случается, что, странствуя, мы иной раз и заходим к какому-нибудь благочестивому шравাকে, но только когда он очень попросит. И едим у него ровно столько, сколько необходимо для поддержания жизни. Удались же от нас и не настаивай на своем приглашении.

— О господин, — сказал ему цирюльник. — Мне известны законы вашей веры, многие шраваки провозглашают вам славу. Но ведь я приготовил немало дорогих тканей для оборачивания священных сочинений, начертанных на пальмовых листьях. И готов пожертвовать на их переписывание деньги. Все это, согласитесь, дело достойное.

Возвратясь к себе домой, цирюльник приготовил увесистую дубину и распахнул ворота своего дома. Когда миновала половина первой дневной стражи, он сходил в обитель и пригласил к себе всех тамошних отшельников. Они с радостью последовали за ним длинной чере-

дой, в ненасытной жадности пренебрегши истинно преданными вере шраваками. Справедливо говорится:

Отшельника с чашей в руках,
сбирающего подаянья,
И то угрызает корысть.
Что пользы в таком покаянье?

С годами стареют глаза,
стареют усы, борода,
И уши, и зубы — одна
алчба до конца молода.

Как только они вошли во двор, цирюльник запер изнутри ворота и принялся молотить их всех дубиной по голове — кого убил, кого изувечил. Уцелевшие громко завопили. Услышав эти вопли, городские стражники опрометью кинулись к дому цирюльника. Подбежав, они увидели, что из ворот, обливаясь кровью, выскакивают монахи. Стражники схватили цирюльника и отвели его к судьям. Туда же принесли и убитых им отшельников.

— Почему ты учинил такое кровопролитие, почтенный? — спросили судьи.

— Так уж вышло, — ответил цирюльник. И он рассказал обо всем, что видел во дворе купца Манибхадры.

Призвали и того.

— Зачем ты убил кшапанаку, купец? — спросили у него судьи. Тот рассказал все, как было.

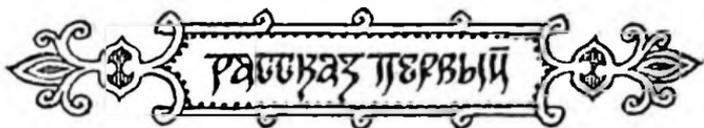
— Душегуба цирюльника, который, не уразумев, что к чему, учинил кровавое побоище, посадить на кол, — решили судьи. — Правильно сказано:

Недоглядел, недослышал
и недопонял к тому ж.
Не осрамись, как цирюльник,
нерассудительный муж.

Кстати сказать:

Действовать надо с оглядкой,
без лишней горячности, пыла.
Брахманка, не разобравшись,
спасителя сына убила.

— Расскажите об этом подробно,— попросил Манибхадра, и судьи поведали ему такую историю.

— В некоем селении жил брахман Девашарман. Его жена родила сына в тот же самый день, что и мангуста, которая жила в доме, принесла детеныша. Жена брахмана относилась с любовью не только к своему сыну, но и ко всем малым существам. Она поила мангустенка своим молоком, холила его и лелеяла, но все же не доверяла полностью, побаиваясь, как бы когда-нибудь, в соответствии со своей природой, мангустенок не причинил зла ее сыну. Правильно говорят:

Бывает, что сын нехорош
собой, безрассуден и глуп,
К тому ж своеволен и груб,
а все-таки матери люб.

И еще:

Дарует прохладу и сладость,
подобно сандаловой пасте,
Касанье сыновьей ручонки, —
отводит оно все напасти.

Желанней родительской ласки,
друзей всемогущих покрова,
Их благодеяний желанней
привязанность сына родного.

Однажды, уложив сына в колыбель, она взяла кувшин и сказала мужу:

— Я пойду на пруд, за водой, а ты пока присмотри за сыночком, как бы с ним чего не случилось.

Но едва она ушла, брахман отправился собирать подаяние.

Как раз в это время, по прихоти судьбы, из норы вылезла большая черная змея. Мангуст, природный ее враг, тут же напал на нее, опасаясь, как бы она не ужалила его брата. Разорвав змею на части, он, довольный собой, с мордочкой, испачканной кровью, выбежал навстречу матери. А та, увидев его окровавленную пасть, подумала, что он сожрал ее ребенка, сняла кувшин с головы и запустила им в мангустенка. Да так метко, что сразу убила. Заливаясь слезами, брахманка вошла в дом, смотрит: сынок ее преспокойно поживает в своей

колыбельке, а рядом валяются останки растерзанной черной змеи. В великом раскаянии она принялась бить себя в грудь и по голове. Тем временем, собрав подаяние, брахман вернулся домой. Жена начала горько корить его.

— Обуянный алчностью, корыстолюбием, не выполнил ты моей просьбы. Из-за тебя погиб наш второй сынок. Вкушай же теперь плод с дерева горя. Разумно сказано:

Алчность отринь навсегда!
Или, тоской удручен,
На голове колесо
будешь носить обречен.

— Расскажи об этом подробно, — попросил брахман, и жена поведала такую историю.

— В некоем селении жили четверо молодых друзей. Все они были брахманского сословия, но очень бедны. И вот однажды принялись они сетовать:

— Будь она проклята, эта нищета! Верно речено:

Уж лучше в чашобе лесной обитать,
Близ логова львицы голодной,
Где нет ни ручья, где терновник — везде,
Чем жить в нищете безысходной.

И еще:

Невзлюбит владыка тебя,
хоть верой и правдой служил до тех
пор,—

Родня отвернется, друзья
поспешно покинут твой дом и твой
двор,—

Жена перестанет ласкать,
хоть нет за тобою вины никакой,—
Едва ты вступишь в нищету.
Отныне в родной стороне ты изгой.

Красив, обходителен, красноречив,
Искусно владеет оружием,
Умен, но богатства лишен и навек
Безвестным останется мужем.

Блестает умом,
судит разумно и здраво,
Всяк скажет: его
имени добрая слава
Не омрачена
низким поступком единым,
Но лишь обнищал,
стал он для всех чужанином.

Отправимся же добывать богатство.

Так решив, покинули они и дом с домочадцами, и деревню с друзьями-приятелями, и родной край с соотечественниками и отправились в дальний путь. Верно ведь говорится:

От матери, и от отца,
и от близкой родни,
Уходят, родную страну
покидая, они.

Уходят в чужие края,
уповая, что там
Друзей обретут, дорогих
молодым их сердцам.

Шли они, шли и наконец добрались до Аван-ти, совершили омовение в водах Сипры, поклонились Махакале, а когда вышли из храма, встретились с йогином Бхайраванандой. Почтив его по брахманскому обычаю, пошли они вместе с ним в его хижину.

— Откуда идете, любезные? Куда направляетесь? Зачем пустились в дальний путь? — спросил он у них.

— Мы отправились в странствование, дабы добиться успеха и преуспевания. Либо мы обретем богатство, либо погибнем все четверо — таково наше твердое решение. Говорится же:

Лишь тот, кто, исполненный сил,
Не падает духом на трудном пути,
Кто ловит спасительный миг,
Сумеет желанный успех обрести.

И еще:

Вода изливается с неба,
В колодец врывается из-под земли,
Судьба не всесильна. Ленивец,
Свою же вину на нее не вали.

Будь искренен перед собою,
Себе самому неуместно лганье:
Что ты называешь судьбою —
Настойчивость, воля, усердие твое.

Сколь ни удивительно это,
Но тот, кто находчив, сметлив и радив,
Наставникам даже не внесмет,
Советы их мимо ушей пропустив.

Сам Вишну был вынужден пахтать
Мутовкой своею — горой — океан,
Чтоб Лакшми явилась оттуда.
Так будь же, как он, всеусерден и рьян.

И кроме того:

Как может прекрасная Лакшми
Быть лучшей и наивернейшей из жен,
Коль Вишну, ее повелитель,
Бывает в столь длительный сон
погружен?

И высшего блага добьешься,
Усилья свои прилагая сполна.
Как Солнце ни ярко, а все же
Осилит Лучистого туч пелена.

Посоветуй же нам, каким способом добыть
деньги: проникнуть в глубину земных недр, по-
корить своей власти волшебницу, совершить по-
каяние на кладбище, торговать мясом или про-
мышлять колдовством? Научи нас волшеб-
ным заклинаниям, мы готовы на все. Ска-
зано же:

Деянья великих мужей,
как сами они, величавы.
Всей мощью своей Океан
смиряет пыланье Вадавы.

Бхайравананда поведал им множество способов обретения всеправедности и дал четыре светильни, сказав при этом: «Ступайте к Гималаям. Если в пути у кого-нибудь из вас упадет светильня, значит, там скрывается клад. Выкопайте его и не мешкая уходите».

Выслушав это наставление, они отправились в путь. Шли себе и шли, как вдруг у одного из них упала светильня. Он стал копать и нашел медную руду.

— Давайте наберем побольше руды и возвратимся, — сказал он.

Остальные, однако, возразили:

— На что тебе, дуралей, медь? На ней не разбогатеешь. Вставай, пошли дальше.

— Вы себе ступайте, — сказал он, — а я останусь здесь, на этом месте.

Набрав меди, он повернул домой, а прочие продолжали путь.

Через некоторое время светильня упала у второго. Раскопав землю, он нашел серебро.

— Давайте возьмем побольше серебра, — предложил он. — Зачем нам идти дальше?

Но двое других не послушались его.

— Первый нашел медь, ты — серебро, — сказали они. — В следующий раз мы непременно наткнемся на золото. Чтобы избежать нищеты, серебра мало.

Они пошли дальше вдвоем. А их приятель набрал сколько мог серебра и повернул домой.

И вот у одного из двоих путников снова упала светильня. Раскопав землю, он нашел золото.

— Слушай, — сказал он товарищу, — давай

наберем побольше золота. Дороже золота вряд ли что отыщется.

— Ничего-то ты, дурень, не понимаешь, — заупрямился четвертый. — Сначала нам попала медь, потом серебро, потом золото. Теперь мы отыщем драгоценные камни. Они-то избавят нас от нищеты. Вставай, пошли. А золото — тяжелое, много на себе не унесешь.

— Нет, почтенный, — сказал третий. — Я останусь здесь и буду ждать твоего возвращения.

Четвертый продолжал путь в одиночестве. Его жгли раскаленные лучи солнца, мучила нестерпимая жажда. Заблудившись, он бросался то в одну сторону, то в другую, пока наконец на холме не увидел человека. Он обливался кровью, а на голове у него вращалось колесо.

Подбежав к нему, брахман спросил:

— Кто ты такой, почтенный? Почему здесь стоишь и почему на голове у тебя крутится колесо? И еще скажи мне, где тут можно напиться.

Едва он это произнес, как колесо сразу же перескочило с его головы на голову молодого брахмана.

— Что это? — удивился он.

— Когда-то это колесо точно так же перескочило на мою голову, — ответил незнакомец.

— Оно причиняет мне сильную боль, — пожаловался брахман. — Как бы мне от него избавиться?

— Ты избавишься от него только после того, как к тебе подойдет какой-нибудь путник со

светильней, озаряющей путь к жизненному успеху, и задаст тот же вопрос, с каким ты обратился ко мне, — сказал незнакомец.

— Сколько же времени ты так простоял?

— А кто ныне царствует в стране?

— Царь Ватса, музыкант, прославленный своей игрой на вине.

— Не знаю, сколько времени прошло, — вымолвил незнакомец, — но в ту пору, когда я явился сюда со светильней, озаряющей путь к успеху, страной правил Рама. При нем-то это все и случилось.

— А как же ты, с колесом на голове, утолял жажду и голод? — спросил его брахман.

— Властитель богатств, опасаясь, как бы кто-нибудь их не похитил, вселяет страх во всякого, кто сюда забредет, даже в сиддхов. Если же кто-нибудь все же доберется до этих мест, то освобождается от жажды и голода, от старости и смерти, сохранив только способность испытывать боль. Спасибо тебе. Ты избавил меня от тягчайших мук. Я ухожу к себе домой.

Встревоженный долгим отсутствием друга, брахман, нашедший золото, пустился разыскивать его по следам. И наконец увидел — заливающегося кровью, стонущего, с колесом на голове. Приблизясь, со слезами на глазах, он спросил:

— Что с тобой случилось, дорогой?

— Я пострадал по воле судьбы.

— Но как это случилось? По какой причине?

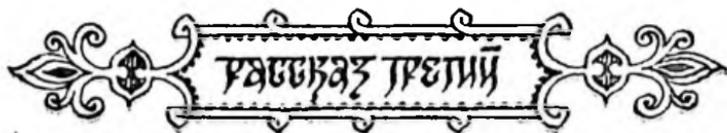
Выслушав всю историю про колесо, нашедший золото молвил с укоризной:

— Я всячески старался тебя удержать, но ты не слушал моих увещаний. Что тут поделаешь?!

Даже человек ученый, даже человек родовитый не минуют беды, если лишены здравого смысла. Мудро ведь говорится:

Глубокая даже ученость
без здравого смысла мертва.
Растрезаны были мгновенно
глупцы, воскресившие льва.

— Расскажи об этом подробно, — попросил брахман с колесом на голове, и его друг поведал ему такую историю.

— Жили в некоем селении четверо закадычных друзей, сыновья брахманов. Трое из них знали назубок все шастры, но были лишены здравого смысла. Четвертый же был щедро наделен здравым смыслом, зато совсем не знал шастр. Собрались они как-то раз все вместе, и пошел промеж них такой разговор:

— Какая польза от нашей учености, если мы не отправимся в другую страну, чтобы там послужить ее властителю и добыть себе богатства? Почему бы нам не пойти на восток?

Так они и решили.

В пути старший сказал:

— Четвертый из нас — совершенный невежда в шастрах. Нет у него других достоинств, кроме

здорового смысла. Но как без подобающей учености, лишь с помощью здравого смысла, заслужить милость владыки? Пусть он идет домой. А мы, когда возвратимся, дадим ему его долю.

— Эй, здравомыслящий, ступай-ка ты домой, — поддержал его второй. — Ведь ты же ничего не понимаешь в шастрах.

— Негоже его гнать — ведь мы с самого детства неразлучны, — заступился за друга третий, — пусть он идет вместе с нами, а мы поделимся с ним добытыми богатствами. Говорится же:

Что проку в несметном богатстве,
когда им владеет один?
Богатство должно быть как вещь,
которой любой — господин.

И еще:

«Вот это мое, вот чужое», —
считает презренный торгаш.
Достойный считает семью
весь род человеческий наш.

Пусть он идет вместе с нами.

И брахманы пошли дальше все вместе. Проходя через лес, увидели они кости мертвого льва.

— Вот подходящий случай испытать силу наших знаний, — сказал один. — Это существо мертво. Давайте же воскресим его. Я могу собрать кости.

Он собрал кости, второй облачил их телесной плотью, наполнил жилы кровью, а тре-

тий попробовал вдохнуть жизнь в мертвого льва.

Здравомыслящий попытался отговорить его:

— Погоди, почтенный. Ведь это же лев. Если ты воскресишь его, он разорвет нас всех на куски.

— Да плевать я хотел на твои глупые рассуждения, — ответил тот. — Сейчас ты увидишь, какова сила моих знаний.

— Тогда подожди, пока я взберусь на дерево, — попросил здравомыслящий.

Едва лев воскрес, он тотчас же накинулся на троих ученых и растерзал их.

Когда он ушел, здравомыслящий слез с дерева и поспешил к себе домой. Вот почему я и говорю:

Глубокая даже ученость
без здравого смысла мертва.
Растерзаны были мгновенно
глупцы, воскресившие льва.

И еще очень хорошо сказано:

Кто книги священные знает,
но сметки житейской лишен,
Как пандиты глупые, будет
осмеян людьми, посрамлен.

Брахман с колесом на голове попросил: «Расскажи об этом подробно», и его друг поведал ему такую историю.

РАССКАЗ ЧЕТВЕРТЫЙ

В некоем селении жили четверо закадычных друзей, сыновья брахманов. Еще малолетками задумали они пойти в другую страну, дабы изучить науки. И вот однажды направились они в город Каньякубджу и поступили там в школу. Проучившись двенадцать лет, они освоили все науки и, собравшись вместе, решили:

— Мы освоили все науки, пора уже нам, с благословения нашего наставника, вернуться на родину.

Испросив благословения у своего гуру, собрав книги, они отправились домой. По дороге повстречали они двух путников и уселись все вместе в кружок.

— Куда же нам идти? — сказал один. — Недавно в этом городе умер сын купца, и на обряд сожжения собирается множество народу.

Тогда другой брахман заглянул в книгу и прочитал:

— «Куда лежит путь большинства, туда и твой путь».

Пандиты увязались за похоронной процессией. На площадке для сожжения тел они увидели осла. Третий брахман заглянул в свою книгу и прочитал:

«Тот истинный друг, кто — с тобой
в бою, где врагам нет числа,
В служенье царю, и в беде,
и там, где сжигают тела».

Стало быть, вот он — наш истинный друг, наш близкий сородич! Расчешите ему гриву. Омойте ноги.

Осмотревшись по сторонам, брахманы заметили верблюда.

— А это кто такой? — удивились они. Заглянув в книгу, третий вычитал:

— «Стремительна поступь Дхармы». Стало быть, это Дхарма.

— Надо нашего истинного друга привязать к Дхарме, — предложил четвертый. И они привязали осла к шее верблюда. Кто-то поспешил рассказать об этом стиральщику, хозяину осла, и он надавал им таких тумачков, что они еле унесли ноги.

Пошли пандиты дальше. Подойдя к реке, они увидели, что по ней, как лодка, плывет лист дерева палаша. «Нам будет лист паромом...» — сказал один из брахманов и ступил ногой на этот лист. Река понесла его вниз по течению. Другой пандит, схватив его за волосы, изрек:

— Когда угрожает гибель
всему, поступается частью
Разумный — и жертвой такую
справляется с грозной напастью.

С этими словами он отсек тонущему голову.

Пошли они дальше. На пути им встретилась деревня. Ее жители пригласили каждого из оставшихся брахманов в отдельный дом. Первого угостили сладкой продолговатой лепешкой, испеченной на масле. Но тот отговорился словами: «Губительны длинные сутры», — и, от-

казавшись от предложенной ему еды, ушел. Другого угостили щирокими блинами, он произнес: «В деяньях чрезмерно широкий погибнет», — и тоже отказался от еды и ушел. Третьего угостили пирогом, испеченным из рисовой муки, с подмесью тертых бобов. Пирог был искраплен дырочками, и пандит сказал: «От множества дыр умножаются беды». И тоже ушел. Вот так трое брахманов, отошавшие от голода, осмеиваемые всеми жителями деревни, пустились в обратный путь. Вот почему и говорится:

Кто книги священные знает,
но сметки житейской лишен,
Как пандиты глупые, будет
осмеян людьми, посрамлен.

Выслушав его, брахман с колесом на голове сказал:

— Но ведь это же не всегда так. Случается, что по воле немилосердной судьбы гибнут здоровомыслящие, а те, у кого здравого смысла поменьше, прославляют свой род:

Стоумная в сети попалась,
и Тысячеумная тоже,
А я вот, хоть и Одноумный,
на воле, по милости божьей.

— Расскажи об этом подробно, — попросил нашедший золото, и его друг поведал такую историю.

Рассказ пятый

— В некоем озере жили две рыбы. Одну из них звали Шатабуддхи — Стоумная, другую — Сахасрабуддхи — Тысячеумная. Обе эти рыбы водили дружбу с лягушкой Экабуддхи — Одноумный. Они встречались на мелководье, услаждались беседой, обмениваясь многомудрыми речениями, а затем расходились в разные стороны. Однажды на закате солнца, когда они уже закончили очередную свою беседу, мимо озера, возвращаясь с рыбной ловли, проходили рыбаки. В руках у них были сети, а на голове — корзины с наловленной рыбой. Посмотрев на озеро, они сказали: «Хоть это озеро и мелководно, должно быть, в нем водится много рыбы. Придем-ка мы сюда на заре».

Эти слова слышали обе рыбы и лягушка.

— О Шатабуддхи, и Сахасрабуддхи, — сказал им Экабуддхи, — вы обе слышали, что сказали рыбаки. Что же нам делать — спастись бегством или оставаться? Каково ваше суждение?

— О друг! — со смехом ответила Сахасрабуддхи. — У нас нет оснований опасаться. Мало ли что говорят люди. Зачем нам понапрасну тревожиться, а если они все-таки явятся, силой своего разума я спасу и всех нас. Ведь мне известно множество способов плаванья.

— Правильно сказано, госпожа Сахасрабуддхи, — поддержала ее Шатабуддхи. — Недаром же говорится:

Неотразимо всеилен
разум — то ведает всякий.
Вооруженных мечами
Нандов осилил Чанакья.

И еще:

Ни ветру туда не проникнуть,
ни яркого солнца лучам,
Куда всемогущим рассудком
дано проникать мудрецам.

Что бы там ни болтали рыбаки, я полагаю для себя невозможным покинуть родину своих предков. Сказано ведь:

Пусть даже тебя отвергает
родная твоя сторона,
Блаженством, подобно касанью
богов, одаряет она.

Вот почему никогда не следует покидать родину. Что до тебя, то ты можешь не опасаться: я защищу тебя силой своего разума.

— Ну уж нет, — сказал Экабуддхи, — хоть у меня и не столько ума, сколько у вас, я все же вместе с женой переберусь в другое озеро. — Сказано-сделано. Как только низошла ночная тьма, лягушка переселилась вместе со своей семьей в другое озеро.

А утром пришли рыбаки. Закинув сети, они выловили всех, кто там жил: рыб, черепах, лягушек, раков и прочих. Не избежали той же участи и Шатабуддхи с Сахасрабуддхи, хоть и зна-

ли много разных способов плавания. На другой день радостные рыбаки двинулись в обратный путь. Один из них тащил на голове тяжелую Шатабуддхи, другой волочил за собой еще более тяжелую Сахасрабуддхи.

Как раз в это время Экабуддхи высунулся из озера и, увидев, что рыбаки тащат его приятельниц, сказал жене:

— Смотри, дорогая:

Стоумная в сети попалась,
и Тысячеумная тоже.
А я вот, хоть и Одноумный,
на воле, по милости божьей.

Вот почему я говорю: «Надобно полагаться лишь на свой разум».

Нашедший золото возразил:

— И все же следует прислушиваться к советам друзей. Вот ты, поддавшись алчности и спеси, пренебрег моим мнением. И что же? Недаром ведь говорится:

Меня не послушал — и вот
в награду за дивные трели,
Тебе подарила судьба
невиданное ожерелье.

— Расскажи об этом подробно, — попросил друг, и нашедший золото поведал такую историю.

РАССКАЗ ШЕСТОЙ

— В некоем селении, в доме стиральщика, жил осел по кличке Уддхата. Днем он перетаскивал тюки с бельем, по ночам же пасся, где ему заблагорассудится. Однако рано утром, побиваясь, как бы его не сожрали хищные звери, он возвращался домой, и стиральщик привязывал его к забору. В одной из ночных прогулок осел свел дружбу с шакалом. Однажды осел проломил своим грузным телом изгородь, окружавшую огород, и они вдоволь полакомились огурцами. С тех пор друзья стали частенько туда наведываться.

Однажды, стоя среди огорода, разомлев от удовольствия, осел воскликнул:

— Ты только посмотри, племянник, какая прекрасная ночь! Спою-ка я песню. Ты только подскажи, на какой лад ее спеть.

— Опасное это дело — петь песни, обирая чужой огород. Не лучше ли промолчать? Сказано ведь:

Коль жизнь дорога, кашлюнам
соваться не следует в воры,
Не следует лакомства есть
беднягам, которые хворы.

К тому же и песня у тебя, верно, не ахти какая благозвучная, ее могут принять за оглушительный рев раковины. А ведь тут на огороде спят сторожа. Если они, упаси бог, проснутся,

то убьют тебя или заберут в плен, так что лучше молчи и ешь эти чудесные, точно напоенные амритой, огурчики! Не занимайся не своим делом.

— Ты обитатель лесов, — ответил ему осел, — и ничего не смыслишь в пении, потому так говоришь. Сказано же:

Под светом осенней луны,
в объятьях возлюбленной девы,
Как будто амриты полны,
вливаются в уши напевы.

— Все это верно, дядюшка, — молвил шакал, — но ведь петь-то ты не умеешь. Своим ревом ты только испортишь затеянное нами дело.

— Тьфу, глупец! — возмутился осел. — Это я-то не умею петь? Уж в чем, в чем, а в пении я кое-что смыслю. Послушай: в пении различаются семь нот, три октавы, двадцать семь диезов и двадцать один тон, а также три паузы, шесть диезов, девять настроений, двадцать шесть раг, сорок оттенков чувств. Все эти понятия уточнены еще Бхаратой, а до него о них было сказано в ведах.

Пленяются музыкой все:
кто стар и — конечно — кто юн.
Над Раваной верх одержал
Трехглазый при помощи струн.

И ты еще смеешь утверждать, племянник, будто я несведущ в искусстве музыки? Не пытайся отговаривать меня.

— Хорошо, дядюшка, пой, — согласился шакал, — а я затаюсь у самого пролома и буду следить за сторожами. Можешь петь, сколько тебе угодно.

На том они и порешили.

Едва осел запел, а вернее сказать, заревел, сторожа пробудились и, скрежеща зубами от гнева, набросились на него. Они охаживали его дубинами до тех пор, пока он не рухнул в беспомощности. Затем на шею ему привязали тяжелый жернов, чтобы далеко не ушел, и снова завалились спать. Осел же, как это присуще всей его породе, дождавшись, когда боль поутихнет, вскочил на ноги. Сказано же:

У лошадей, и собак,
и у ослов — лишь единый
Миг продолжается боль.
Что им удары дубиной?

Проломив изгородь в другом месте, с жерновом на шее осел удрал из огорода. Увидев его, шакал рассмеялся:

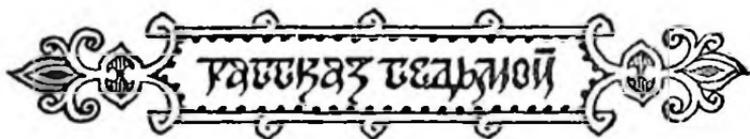
Меня не послушал — и вот
в награду за дивные трели
Тебе подарила судьба
невиданное ожерелье.

Вот и ты, почтенный, не пожелал внять моим предостережениям.

— Воистину ты прав, друг, — согласился брахман с колесом на голове. — Недаром сказано:

Кто глуп и советов друзей
не слушает, сам — свой палач.
Алчбой подстрекаемый, он
погибнет, как Мантхара-ткач.

— Расскажи об этом подробно, — попросил друг, и брахман с колесом на голове поведал такую историю.

— В некоем селении жил ткач по имени Мантхара. Как-то сломались у него все его деревянные веретена. Прихватив топор, он отправился в лес, чтобы нарубить новых. На берегу озера увидел большую шиншапу и обрадовался: «Вот подходящее дерево. Из него можно натесать много хороших веретен». Он замахнулся было топором, но его остановил голос, исходивший из дерева.

— Это древо — мое жилище, — сказал голос некоего духа. — Здесь я живу, овеваемый ветрами, напоенными дыханием морских волн.

— Но что же мне делать? — сказал ткач. — Моя семья голодает. Ты уж переселись куда-нибудь в другое место, а я срублю это дерево.

— Выскажи любое свое заветное желание, но только пощади это дерево, — попросил голос.

— Ну коли так, — сказал ткач, — я схожу домой, посоветуюсь с женой и другом, а когда вернусь, ты выполнишь свое обещание.

Получив согласие, ткач радостно поспешил к себе в селение. Увидя своего приятеля-брадобрея, он поведал ему обо всем, что с ним случилось в лесу, и сказал:

— Посоветуй же мне, что попросить.

— Попроси у него царство,— посоветовал брадобрей.— Ты будешь властителем, а я твоим министром. И тогда мы вкусим всю сладость счастья не только в этом мире, но и в другом. Говорится же:

Этого мира властитель
всесправедливый, всеправый
И в небесах не утратит
им завоеванной славы.

— Пойду-ка я еще посоветуюсь с женой,— сказал ткач.

— Зачем? Это противно всем шастрам,— возразил брадобрей.— Говорится же:

Корми. Ублажай. Наряжай.
Дари дорогие браслеты.
Но только не слушай жену,
ее наставленья, советы.

Где женщины, малые дети,
обманщики держат бразды
Правленья, там царство погибнет:
другой и не надо беды.

Глупец, что советам мудрейших
советы жены предпочтет,
Достойных людей уваженье
утратит — и всякий почет.

Одна лишь корысть на уме
у женщин. Охваченным страстью,
Не мил им и собственный сын,
когда он помеха их счастью.

— И все-таки я должен посоветоваться с женой, — упорствовал ткач. — Ведь, я знаю, она мне верна, и, не испросив ее совета, я ничего не предпринимаю.

Он тотчас поспешил к супруге и обратился к ней с такими словами:

— Дорогая! Сегодня некий дух обещал выполнить любое мое пожелание, только бы я не срубил дерево, где он обитает. Вот я и хочу с тобой посоветоваться: какое бы желание мне высказать? Мой друг-брадобрей, советует попросить царство.

— О сын благородного отца, — ответила она. — Ну кто же советуется с брадобреем? Не зря говорят:

Не просят совета у малых
детей, у бродячих певцов,
У нищих, глупцов-брадобреев
и сладкоречивых льстецов.

Управление царством сопряжено со многими великими тяготами. Среди государственных дел — поддержание мира, подготовка к войне и походам, заключение союзов. Царю приходится выжидать и лицемерить, всегда быть настороже. Все это препятствия на пути к счастью. Сказано же:

Царю угрожает погибель
от брата, от сына, родни.
От участи этой печальной
всевышний тебя сохрани!

— Верно ты говоришь, госпожа, — сказала ткач. — Но чего же мне все-таки попросить?

— За один раз ты можешь выткать только одно полотнище. Это позволяет нам расплатиться со всеми долгами, — сказала жена. — Попрошу у духа еще пару рук и еще одну голову, тогда ты сможешь изготавливать сразу по два полотнища. Вот и будет кое-что оставаться после уплаты долгов. Ты проживешь не славу, но славяемый всей своей родней. И сможешь убогатить оба мира — и земной и небесный.

— Как ты все хорошо придумала, женашка, — обрадовался ткач. — Так я и поступлю.

Он снова пошел к дереву и попросил обитавшего в нем духа:

— Если ты по-прежнему готов исполнить любое мое желание, даруй мне еще пару рук и еще одну голову.

Едва только он вымолвил свою просьбу, как тут же стал четвероруким и двухголовым.

Когда, обрадованный, он направился домой, сразу же сбежался народ, крича: «Ракшас идет! Ракшас идет!» Кто принялся колотить его дубиной, кто метал в него камни, а кто угощал его тумачами. В конце концов ткача забил до смерти.

Вот я и говорю:

Кто глуп и советам друзей
не следует, сам — свой палач.
Женой подстрекаемый, он
погибнет, как Мантхара-ткач.

Одна лишь корысть на уме
у женщин. Охваченным страстью,
Не мил им и собственный сын,
когда он помеха их счастью.

— И все-таки я должен посоветоваться с женой, — упорствовал ткач. — Ведь, я знаю, она мне верна, и, не испросив ее совета, я ничего не предпринимаю.

Он тотчас поспешил к супруге и обратился к ней с такими словами:

— Дорогая! Сегодня некий дух обещал выполнить любое мое пожелание, только бы я не срубил дерево, где он обитает. Вот я и хочу с тобой посоветоваться: какое бы желание мне высказать? Мой друг-брадобрей, советует попросить царство.

— О сын благородного отца, — ответила она. — Ну кто же советуется с брадобреем? Не зря говорят:

Не просят совета у малых
детей, у бродячих певцов,
У нищих, глупцов-брадобреев
и сладкоречивых льстецов.

Управление царством сопряжено со многими великими тяготами. Среди государственных дел — поддержание мира, подготовка к войне и походам, заключение союзов. Царю приходится выжидать и лицемерить, всегда быть настороже. Все это препятствия на пути к счастью. Сказано же:

Царю угрожает погибель
от брата, от сына, родни.
От участи этой печальной
всевышний тебя сохрани!

— Верно ты говоришь, госпожа, — сказала ткач. — Но чего же мне все-таки попросить?

— За один раз ты можешь выткать только одно полотнище. Это позволяет нам расплатиться со всеми долгами, — сказала жена. — Попрошу у духа еще пару рук и еще одну голову, тогда ты сможешь изготавливать сразу по два полотнища. Вот и будет кое-что оставаться после уплаты долгов. Ты проживешь на славу, восхваляемый всей своею родней. И сможешь убогатворить оба мира — и земной и небесный.

— Как ты все хорошо придумала, женошка, — обрадовался ткач. — Так я и поступлю.

Он снова пошел к дереву и попросил обитавшего в нем духа:

— Если ты по-прежнему готов исполнить любое мое желание, даруй мне еще пару рук и еще одну голову.

Едва только он вымолвил свою просьбу, как тут же стал четвероруким и двухговым.

Когда, обрадованный, он направился домой, сразу же сбежался народ, крича: «Ракшас идет! Ракшас идет!» Кто принялся колотить его дубиной, кто метал в него камни, а кто угощал его тумачами. В конце концов ткача забил до смерти.

Вот я и говорю:

Кто глуп и советам друзей
не следует, сам — свой палач.
Женой подстрекаемый, он
погибнет, как Мантхара-ткач.

Одна лишь корысть на уме
у женщин. Охваченным страстью,
Не мил им и собственный сын,
когда он помеха их счастью.

— И все-таки я должен посоветоваться с женой, — упорствовал ткач. — Ведь, я знаю, она мне верна, и, не испросив ее совета, я ничего не предпринимаю.

Он тотчас поспешил к супруге и обратился к ней с такими словами:

— Дорогая! Сегодня некий дух обещал выполнить любое мое пожелание, только бы я не срубил дерево, где он обитает. Вот я и хочу с тобой посоветоваться: какое бы желание мне высказать? Мой друг-брадобрей, советует попросить царство.

— О сын благородного отца, — ответила она. — Ну кто же советуется с брадобреем? Не зря говорят:

Не просят совета у малых
детей, у бродячих певцов,
У нищих, глупцов-брадобреев
и сладкоречивых льстецов.

Управление царством сопряжено со многими великими тяготами. Среди государственных дел — поддержание мира, подготовка к войне и походам, заключение союзов. Царю приходится выжидать и лицемерить, всегда быть настороже. Все это препятствия на пути к счастью. Сказано же:

Царю угрожает гибель
от брата, от сына, родни.
От участи этой печальной
всевышний тебя сохрани!

— Верно ты говоришь, госпожа, — согласился ткач. — Но чего же мне все-таки попросить?

— За один раз ты можешь выткать только одно полотнище. Это позволяет нам расплатиться со всеми долгами, — сказала жена. — Попроси у духа еще пару рук и еще одну голову, тогда ты сможешь изготавливать сразу по два полотнища. Вот и будет кое-что оставаться после уплаты долгов. Ты заживешь на славу, восхваляемый всей своею родней. И сможешь убоготворить оба мира — и земной и небесный.

— Как ты все хорошо придумала, женошка, — обрадовался ткач. — Так я и поступлю.

Он снова пошел к дереву и попросил обитавшего в нем духа:

— Если ты по-прежнему готов исполнить любое мое желание, даруй мне еще пару рук и еще одну голову.

Едва только он вымолвил свою просьбу, как тут же стал четвероруким и двухголовым.

Когда, обрадованный, он направился домой, сразу же сбежался народ, крича: «Ракшас идет! Ракшас идет!» Кто принялся колотить его дубиной, кто метал в него камни, а кто угощал его тумакнами. В конце концов ткача забили до смерти.

Вот я и говорю:

Кто глуп и советам друзей
не следует, сам — свой палач.
Женой подстрекаемый, он
погибнет, как Мантхара-ткач.

— Воистину так! — вскричал брахман с колесом на голове. — Люди, преисполненные несбыточных надежд, становятся всеобщим посмешищем. Справедливо сказано:

Кто денно и ночью пустые
мечты и надежды лелеет,
Как брахман скупой, осрамится,
и весь от муки побелеет.

— Расскажи об этом подробно, — попросил нашедший золото, и его друг поведал такую историю.

— В некоем городе жил скупой брахман по имени Свабхавакрипана. Каждый раз, возвращаясь со сбора подаяний, он складывал остатки ячменной муки в глиняный горшок. Этот горшок он вешал на крюк, а кровать, ложась спать, ставил так, чтобы видеть горшок.

«Может так случиться, — размечтался он однажды, — что к тому времени, когда горшок наполнится ячменной мукой, в стране начнется голод. Тогда я выручу за муку добрую сотню рупий. На эти деньги я куплю двух коз. Каждые шесть месяцев они будут приносить приплод. Вскоре у меня будет целое стадо. Затем я продам коз и куплю коров. Коров выменяю на буйволиц, буйволиц — на кобылиц. Они принесут мне много жеребят. Жеребята вырастут в ко-

ней. Этих коней я продам за целую меру золота. На это золото я выстрою дом, который будет состоять из четырех просторных покоев. Какой-нибудь брахман отдаст мне свою красавицу дочь. От нее у меня родится сын, которого я назову Сомашарманом. Однажды, когда он уже начнет ползать, я возьму книгу, сяду у стены конюшни и глубоко задумаюсь. Увидев меня, Сомашарман сползет с колен своей матери. И вдруг я увижу, что поблизости стоят кони. В страхе, как бы какой-нибудь из них не ударил моего сына копытом, я в гневе закричу жене: «Возьми ребенка!» Но, занятая домашними хлопотами, она не услышит моего крика. Тогда я вскочу — да как шарахну ее ногой!» И тут он, спросонок, изо всех сил ударил ногой по горшку и разбил его, а мука вся на него высыпалась.

Потому я и говорю:

Кто денно и ночью пустые
мечты и надежды лелеет,
Как брахман скупой, осрамится
и весь от муки побелеет.

Тут нашедший золото молвил:

— В совершенном тобой грехе повинна чрезмерная жадность. Правильно же сказано:

Вкушает злодей бессердечный
плоды им свершенных деяний,
Жестоко покаран был Чандра,
сгубивший весь род обезьяний.

— Расскажи об этом подробно, — попросил брахман с колесом на голове. И нашедший золото поведал такую историю.

Рассказ девятый

— В некоем городе правил царь по имени Чандра. Его сын очень любил играть с обезьянами, и царь содержал целую стаю обезьян. Жили они в холе и неге, ели вдоволь. Вожак обезьяньей стаи был хорошо знаком с наставлениями Аушанаса, Брихаспати и Чанакьи. Старался соблюдать их сам и учил тому же всех своих подданных. В царском дворце имелось еще и стадо баранов, на которых катались эные царевичи. Один из этих баранов, самый рожорливый, то и дело забегал в кухню и утакивал все, что мог.

Повара же, схватив что ни попадя — глиняную, медную или железную посуду, швыряли ею в барана. Видя это, вожак обезьяньей стаи начал тревожиться: «Как бы ссоры между поварами и баранами не обернулись в конце концов против нас, обезьян. Ведь эти повара в гневе швыряют в ненасытного барана всем, что ни попадет под руку. А если у них не окажется под рукою ничего, кроме пылающего факела, то шерсть на этом мохнатом баране займется от первой же искры. Кинется он в конюшню, которая тут же рядом, подпалит сено. Вспыхнет пожар, кони обгорят. А Шалихотра в своем наставлении о лечении животных советует лечить ожоги обезьяньим жиром. Тут-то и вспомнят о нас». Он созвал всех своих сородичей и сказал им:

— Эта вражда поваров
со злонастырным бараном
Может великое зло
нам причинить, обезьянам.

Дом, где без всяких причин
вспыхнуло пламя вражды,
Лучше покинуть, пока
не приключилось беды.

И еще:

Вражда разоряет дворцы,
злодеи на троне — державу.
И губят дурные дела
достоинство, добрую славу.

Всем нам во избежание великой беды следует
покинуть дворец и переселиться в лес.

Кичливые обезьяны выслушали его без долж-
ного почтения и со смехом сказали:

— Видно, на старости лет рассудок у тебя
совсем помутился, потому-то ты и несешь несу-
разицу. Сказано ведь:

Из пасти беззубой слона
падают пены клочки.
Воистину, силой ума
детям равны старики.

Неужто мы откажемся от отменных, подобных
амрите, кушаний, приготовляемых царскими
слугами? И ради чего? Ради того, чтобы пи-
таться горькими, кислыми, грубого вкуса пло-
дами с деревьев?

Вожак обезьян со слезами на глазах воскликнул:

— Ах, глупцы, глупцы! Не знаете вы, что принесет вам ваше нынешнее благополучие! Этот ядовитый плод погубит вас всех. Я не желаю быть свидетелем гибели своего рода и сей миг перебираюсь в лес. Верно сказано:

Счастье тому, кто не видит
гибели близких, друзей,
Гибели — в муках жестоких —
рода и родины всей.

С этими словами, покинув своих сородичей, вожак удалился в лесную обитель. На другой день после его ухода, по всегдашнему своему обыкновению, в кухню ворвался тот злонастойный баран. Повар, схватив тлеющую головню, изо всех сил трахнул ею барана. Шерсть на нем сразу же вспыхнула. С жалобным блеянием он заскочил в находившуюся рядом конюшню и принялся кататься по земле, усыпанной сеном. Тотчас же начался пожар. У многих лошадей полопались глаза, и они ослепли. Другие, оборвав полуобгоревшую привязь, выскочили наружу и с громким ржанием принялись носиться по городу, переполошив всех жителей. Огорченный государь призвал к себе лекарей, сведущих в наставлениях Шалихотры, и спросил:

— Каким снадобьем лучше всего пользоваться ожоги лошадей?

Те, пораздумав, ответили:

— В этом случае почтенный Шалихотра советует:

Ожоги лечи обезьяньим
жирком. При хорошем уходе
Следы и от сильных ожогов
исчезнут, как тьма на восходе.

Это лечение и следует применить в данном случае.

Услышав совет лекарей, царь повелел истребить всех обезьян. Приказ его был тут же выполнен. Обезьян забили дубинами и камнями. Узнав о гибели своих сыновей, внуков, братьев, племянников и прочих родичей, вожак обезьян загоревал. Потеряв всякое желание есть, он скитался по лесам и все думал: «Как бы мне отомстить этому подлому царю? Ведь говорится же:

Внушает презренье тот смертный,
который взирает спокойно,
Как недруги родичей губят.
Не так поступает достойный!»

Однажды, томимый жестокой жаждой, вожак подошел к берегу озера, заросшего лотосами. Внимательно присмотревшись, он увидел, что в озеро ведут следы, похожие на человеческие, а в обратном направлении следов не видно.

«Верно, в этом озере обитает ракшас, — подумал вожак. — Лучше не входить в воду. Напьюсь-ка я через лotosовый стебелек». Так он и поступил. Только он потянул воду через стебелек, как в самой середине озера показался ракшас с жемчужным ожерельем на шее.

— Я пожираю всех, кто осмеливается пить воду из этого озера, — прорычал он. — Но я еще не видывал такого хитреца, который, как ты, сосал бы воду через стебелек. Я восхищен твоим умом. Проси, чего твоей душе угодно.

— А многих ли ты можешь съесть? — спросил вожак.

— В воде я одолею сотни, тысячи и даже сотни тысяч. Но на суше меня одолеет и шакал, — ответил ракшас.

— У меня непримиримая вражда со здешним царем, — сказал вожак. — Если ты дашь мне свое ожерелье, я постараюсь разжечь в царе алчность и сделать так, чтобы вместе со всей своей свитой он вступил в воду.

Исполняясь к нему доверия, ракшас отдал ему свое ожерелье и сказал:

— Сделай все возможное, чтобы так и произошло.

Вожак обезьян повесил на шею ожерелье и принялся скакать по всему городу. Все, кто его видел, спрашивали:

— Где ты пропадал все это время, о повелитель обезьян? Где раздобыл это ожерелье, своим блеском затмевающее даже солнце?

— Есть в лесу большое озеро, сотворенное Подателем богатств, богом Куберой. Только я один знаю, где оно находится. Тот, кто на утренней заре погрузится в это озеро в тот миг, когда солнечный круг покажется лишь наполовину, тот, по милости Куберы, выйдет из воды с точно таким ожерельем.

Слух об этом дошел и до самого государя. Призвал он к себе вожака обезьян и спросил у него:

— Правда ли, что говорят люди? И где находится это озеро, сотворенное Куберой?

— Истинная правда, — ответил вожак. — Свидетельство тому — ожерелье на моей шее. Если ты хочешь получить такое же, пошли кого-нибудь со мной. Я покажу ему это озеро.

— Коли так, — решил царь, — я сам пойду туда со всей своей свитой.

— Лучше и не придумать, — одобрил его решение вожак.

Вместе с государем, одержимым желанием получить такое же ожерелье, как у обезьяны, отправились и все его родичи, а также многочисленные слуги. Сам государь восседал в паланкине, а вожака обезьян, как и в доброе старое время, держал у себя на коленях. Верно говорится:

Победа богине Желанья!
Алчбой ненасытной объятых,
К скитаньям в лесной глухомани
она принуждает богатых.

И еще:

Кто беден — к богатству стремится,
богатый — к венцу и порфире,
Земной же владыка стремится
в небесном господствовать мире.

Когда наконец, перед самой зарей, они добрались до озера, вожак обезьян сказал царю:

— О богоравный! Для того чтобы достичь успеха, надо войти в озеро в тот миг, когда покажется половина солнечного круга. Пусть сперва войдут люди. За ними последуешь ты, за тобой — я сам. Тогда-то я покажу тебе то место, где я видел ожерелья.

Вся свита царя вошла в воду. Ракшас тут же набросился на них и сожрал. Царь долго ожидал, когда они вернуться, наконец не выдержал и спросил:

— Что они так долго не возвращаются?

Вожак обезьян проворно вскарабкался на дерево и крикнул оттуда:

— О низкий властитель! Вся твоя свита сожрана ракшасом. Тем самым я отомстил тебе за то, что ты погубил весь наш род. Ступай же прочь, царь! Я пощадил тебя одного, ибо ты повелитель. Не зря говорится:

Добром воздают за добро,
не вижу греха и в обратном:
Чтоб злом воздавали за зло,
плата по долгам неоплатным.

Ты сгубил весь мой род, а я отомстил, сгубив весь твой род.

Царь, лишившись своих приближенных, ушел, убитый горем. А ракшас, насытившись, появился из воды и радостно молвил:

— Воды через стебель напился,
врагов изничтожил и честно
Вернул ожерелье. Чего же
еще и желать? Все чудесно.

Вот почему и я говорю:

Вкушает злодей бессердечный
плоды им свершенных деяний.
Жестоко покаран был Чандра,
сгубивший весь род обезьяний.

И он обратился к брахману с колесом, прося
отпустить его домой.

— На то и добрые друзья, чтобы помогать
в беде, — ответил тот. — Как же ты можешь по-
кинуть меня в столь бедственном положении?
Сказано ведь:

Кто друга в беде покидает,
являя свое бессердечье,
Тот муки в аду испытает
поистине нечеловечьи.

— Все верно, — сказал нашедший золото. —
Однако не вижу я никакой возможности тебе
помочь, это человеку не под силу. К тому же
чем дольше я смотрю на твое лицо, искаженное
нестерпимой болью, причиняемой вращением
колеса, тем сильнее во мне предчувствие немн-
уемой беды. Верно говорится:

По морде твоей, обезьяна,
едва погляжу я, все ясно:
Ты схвачена Мраком могучим.
К тебе приближаться опасно.

— Расскажи об этом подробно, — попросил
несущий колесо, и нашедший золото поведал
такую историю.

РАТНАВАТИ ДЕВЯТЫЙ

— Неким городом правил царь по имени Бхадрасена, и была у него дочь, истинное средоточие всех достоинств. Звали ее Ратнавати. Девушка полюбилась некоему ракшасу. Каждую ночь он являлся к ней в опочивальню и силой овладевал ею. Но спальня царевны была под надежной охраной, и он не мог похитить девушку. Однажды ночью, притаившись, ракшас слышал, как царевна сказала служанке:

— Всякий раз, когда приходит мрак, этот злодей терзает меня. Подумай, нет ли какого-нибудь средства извести его.

«Эге, — подумал ракшас, — оказывается, я не единственный, кто тут бывает. Видно, этот Мрак тоже не может ее похитить. Обернусь-ка к конем и, стоя среди коней, погляжу, кто он такой и велика ли его сила». Так он и сделал.

Ночью в царскую конюшню прокрался конокрад. Осмотрев всех коней, он выбрал оборотня-ракшаса.

«Видно, это и есть тот самый Мрак, — подумал ракшас. — Прознав, что я хочу похитить царевну, он преисполнился гневом и намерен меня убить. Что же мне делать?»

Пока он так раздумывал, конокрад вложил ему в пасть удила и изо всех сил хлестнул кнутом. В смертельном испуге ракшас понесся вскачь. Вор стал натягивать поводья, чтобы остановить его, но конь помчался еще быстрее.

«Нет таких коней, чтобы не слушались

узды, — смекнул конокрад. — Должно быть, это ракшас в обличии коня. Одно спасение — схватить с него, иначе я погиб — надо только захватить местечко помягче». И он помолился своему божеству-покровителю.

Пронсясь под деревом, он, изловчась, ухватился за толстый сук и повис на нем. И конь и ездок возрадовались, уверовав, что теперь каждый из них останется в живых.

По воле судьбы оказалось, что на этом дереве жила обезьяна, приятельница ракшаса.

Увидев, что ее друг в страхе спасается бегством, она крикнула ему:

— Куда ты так несешься, будто тебя преследует злая пчела? Ведь это же простой человек. Сожри его — да и дело с концом.

Ракшас принял свое обычное обличье и, остановившись на всем бегу, повернул назад. Услышав крики обезьяны, разгневанный конокрад вцепился зубами в ее свисающий хвост. Обезьяна подумала, что конокрад куда могущественнее ракшаса, умолкла и зажмурила глаза от нестерпимой боли. При виде столь страшного зрелища ракшас произнес такой стих:

— По морде твоей, обезьяна,
едва погляжу я, все ясно.

Ты схвачена Мраком могучим:
к нему приближаться опасно.

И, охваченный еще более сильным страхом, чем обезьяна, он тут же подох...

Я пойду домой. Тебе же придется остаться здесь и вкушать плоды своей непомерной эгоистичности.

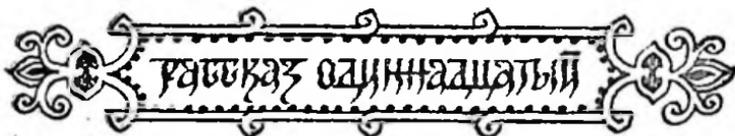
— Ты неправ, — сказал несущий колесо, — и хорошее и плохое случается с людьми по воле судьбы. Говорится же:

Все было у Раваны: крепость Трикута,
В небесную высь вознесенная круто,
Со рвом-океаном, готовые к бою
Воители, но не поспоришь с судьбою.

И еще:

Трехгрудая царская дочь,
слепец и горбун преуспели:
Хотя и бесчестным путем,
однако добились всех целей.

— Расскажи об этом подробно, — попросил нашедший золото, и его друг поведал такую историю.

— Есть в северных краях город Мадхупурам. Некогда правил там царь по имени Мадхусена. Случилось так, что родилась у него трехгрудая дочь.

Узнав про это, царь сказал смотрителю женских покоев.

— Унеси эту трехгрудую куда-нибудь в лесную глушь, куда ни один человек не забредет.

— О великий государь, — ответил смотри-

тель, — всем ведомо, что рождение трехгрудой дочери предвещает большие несчастья. Однако, дабы не нарушить порядка, издревле установленного в обоих мирах, следует испросить мнение брахманов. Сказано же:

Растет и растет непрерывно,
как лотос под солнечным светом,
Рассудок того, кто, общаясь
с мудрейшими, внемлет советам.

И еще:

Расспрашивай, если не знаешь,
используя случай счастливый,
От злобного ракшаса спасся
расспросами брахман пытливый.

— Расскажи об этом подробно, — попросил раджа, и смотритель поведал такую историю.

— О богоравный! В некоем лесном краю обитал ракшас, которого звали Чандокармой — Злодеяние. Однажды, встретив брахмана, он вскочил ему на плечи и велел:

— Неси меня к озеру!

Заметив, что ноги у ракшаса нежные, словно мякоть лotosового стебля, он спросил:

— Почему у тебя такие нежные ноги?

— Потому что я дал обет никогда не касаться земли ногами после омовения.

Услышав это, брахман сразу придумал, как ему спастись от ракшаса.

Когда они добрались до озера, ракшас сказал:

— Покуда я не свершу омовение и не почту своих богов, не отходи ни на шаг.

«Как только он почтит богов, тут же и сожрет меня, — догадался брахман. — Надо, не теряя времени, удирать, чтобы он не забрался на меня сразу после омовения». И он припустился бежать. Ракшас же, опасаясь нарушить обет, не смог его преследовать. Вот почему я и говорю:

Расспрашивай, если не знаешь,
используя случай счастливый.

От злобного ракшаса спасся
расспросами брахман пытливый.

Раджа созвал брахманов и обратился к ним с такими словами:

— О брахманы! У меня родилась трехгрудая дочь, а это, как известно, предвещает великие несчастья. Скажите, есть ли какое-нибудь средство предотвратить эти несчастья?

— О богоравный! Выслушай нас, — ответили брахманы. —

Если рождается дочь
с чем-нибудь недостающим
Либо излишним, — грозят
бедствия всем, с ней живущим.

И еще:

Если трехгрудая дочь,
волей судьбы, родилась,
Надо ее отослать,
чтобы беда не стряслась.

Поэтому, о богоравный, тебе не следует даже на нее смотреть. Самое лучшее — выдать ее замуж за любого, кто пожелает, и вместе с мужем изгнать из страны. Ни в этом, ни в ином мире не зачтется тебе это как дурное деяние.

Выслушав их суждение, царь повелел глашатаям объявить повсеместно:

— Всякий, кто изъявит желание жениться на трехгрудой царевне, будет награжден ста тысячами золотых. Однако ему, вместе с женой, придется покинуть страну.

Долгое время никто не изъявлял желания жениться на царевне, и ее держали взаперти, под тщательной охраной, пока наконец не достигла она расцвета юности.

Жил в том городе слепец, у которого был горбатый поводырь по имени Мантхарака. Както раз, услышав барабанный бой глашатаев, они оба разом подумали: «А почему бы не жениться на этой девице? Сто тысяч приданого — деньги немалые. С такими-то деньгами мы заживем на славу. А если, по ее вине, мы и погибнем, то хоть избавимся от гнета нищеты. Сказано ведь:

Уменье держаться,
разумность суждений,
души благородство,

Привязанность к близким,
начитанность в шастрах,
ума превосходство,
Забота о чести,
достоинстве, стойкость —
присущи владыкам
И людям имущим,
богатым, но только
не нам, горемыкам».

Слепец притронулся к барабану и сказал:

— Если раджа дает свое благословение, я готов жениться на его дочери.

Царские слуги доложили своему повелителю:

— О богоравный! К барабану притронулся какой-то слепец. Каковы будут твои повеления?

Царь ответил:

— Слепец ли жених, прокаженный
иль неприкасаемый он,
Пускай забирает девицу
и деньги — и катится вон.

По приказу царя стражники отвели слепца берегу реки, вручили ему там, свершив подобающие обряды, деньги и трехгрудую царевну и, посадив их на ладью, велели ладейщикам:

— Отвезите этого слепца с его женой и поводырем-горбуном в чужую страну и там высадите в каком-нибудь городе.

Как было приказано, так ладейщики и сделали.

А слепец и его жена, высаженные на берег, купили дом и зажили в нем все трое. Слепец день-деньской на лежанке валяется, горбун все дела домашние делает. Так оно и шло. Случилось однажды, что горбун согрешил с трехгрудой царской дочерью.

И вот трехгрудая говорит ему:

— Как бы извести этого слепца? Зажили бы тогда мы с тобой вдвоем на славу! Принеси же мне какого-нибудь яда.

Как-то раз, блуждая по городу, горбун подобрал мертвую черную змею и обрадованный принес ее домой.

— Нам с тобой повезло, — сказал он трехгрудой. — Я нашел черную змею. Разрежь ее на мелкие части, поджарь и, подмешав сухого имбиря, поднеси слепцу. Скажи ему, что это рыба, он ведь очень любит жареную рыбу.

Она развела огонь в очаге, разрубила мертвую змею на куски, положила их в горшок и поставила его на очаг, а потом с почти-тельным видом обратилась к слепцу:

— О благородная душа! Ты все время просишь приготовить тебе рыбу. В этом горшке готовится рыба. Пока я тут хлопочу по хозяйству, ты возьми черпак и помешивай.

При этих словах у слепца даже слюнки потекли. Поспешно встав, он схватил черпак и принялся за дело. От ядовитого пара, который исходил из горшка, синяя пленка у него на глазах начала оползать. Он стал изо всех сил их тереть — и совсем прозрел. А прозрев, сразу заметил, что в горшке не рыба, а куски черной змеи.

«Но ведь это же не рыба, а черная змея? — подумал он. — Уж не решил ли кто-нибудь из этих двоих отравить меня?» И он прикинулся незрячим.

Тем временем вернулся горбун и принялся забавляться с трехгрудой. Увидав это, прозревший слепец в неистовой ярости, не имея ничего под руками, схватил горбуна за обе ноги и так ударил им неверную жену, что третья грудь у нее вошла внутрь и тело в этом месте стало гладким, а у горбуна выпрямилась спина.

Вот я и говорю:

Кто б ни был — слепец, прокаженный
иль неприкасаемый он,
Пускай забирает девицу
и деньги — и катится вон!

— Всякое доброе дело свершается по воле судьбы, — сказал нашедший золото. — Все, что должно исполниться, исполняется. Это верно. Но верно и то, что тебе суждено погибнуть.

Погибла двуглавая птица,
когда голова с головою
Сцепились однажды, пылая
жесточкой враждой роковою.

— Расскажи об этом подробно, — попросил несущий колесо, и его приятель поведал такую историю.

Рассказ тринадцатый

— Близ некоего озера жила птица по имени Бхерунда, с одной утробой, но двумя головами. Однажды, когда она бродила по берегу, волны выбросили к ее ногам плод, столь сладостный, будто он был напоен амритой.

— Съем-ка я его, — решила одна голова. — Немало я склевала таких плодов. А уж этот, верно, с какого-нибудь райского дерева.

Но другая голова возразила:

— Мне тоже хочется полакомиться этим плодом. Поделись со мной кусочком.

Первая голова усмехнулась:

— Но ведь утроба у нас одна. Да и чувство голода одно на двоих. Зачем же трудиться обеим? Я и сама справлюсь.

Но она все же отдала остаток плода другой голове.

Отведав его, та пришла в небывалый восторг.

С этого дня ею завладела неистребимая зависть. Она испытывала неутолимый голод.

Однажды второй голове попался ядовитый плод.

— Зачем ты его подобрала, презренная? — прошипела первая.

— А вот я его съем, — пригрозила вторая.

— Не смей! — крикнула первая. — Если ты это сделаешь, дура, мы обе погибнем.

Вот почему я говорю:

Погибла двуглавая птица,
когда голова с головою
Сцепились однажды, пылая
жесточайшей враждой роковою.

— Воистину так, — ответил несущий колесо. — Что ж, так и быть, ступай себе домой. А уж я останусь один. Такова, видно, моя злая судьба. Правильно говорится:

Ни сладкое есть, ни искать
богатство — не след одному,
Негоже и блдеть одному,
когда все уснули в дому.

И еще:

Попутчик какой-никакой,
а все же сгодится подчас:
Хоть рак и не очень велик,
однако он брахмана спас.

— Расскажи об этом подробно, — попросил нашедший золото, и его приятель с колесом на голове рассказал такую историю.

— В некоем селении жил брахман по имени Брахмадатта. Однажды собрался он по какому-то делу в соседнее селение, а мать ему и говорит:

— Куда ты, сынок, один-одинешенек соби-
раешься? Подыскал бы себе попугчика.

— Не бойся, матушка,— ответил молодой
брахман.— Дорога туда безопасная, а иду
я один, потому что так требует дело.

Тогда матушка достала из ближнего пруда
рака и молвила сыну:

— Вот тебе и попутчик. Возьми его с собой.

Брахман взял рака, сунул его в ларец с кам-
фарой, ларец положил в кошелку и отправился
в путь.

Шел он, шел, палимый зноем, в конце кон-
цов выбился из сил, улгся под деревом подле
дороги и уснул. Немного погодя из-под дерева
вылезла змея. Привлеченная запахом камфары,
она через прореху в одежде брахмана заполз-
ла в ларец, тут-то рак схватил ее здоровен-
ной клешней за горло и удушил. Проснув-
шись, брахман увидел рядом с собой заду-
шенную змею и догадался, что это сделал
рак.

«Верно говорила мне матушка.— подумал
он.— Не дело отправляться в дорогу одному,
без спутника. Хорошо, что я послушался ее.
Рак, которого она дала, спас меня от черной
змеи. Воистину разумно сказано:

Когда омовенье свершаем,
когда произносим заклатья,
Общаемся с лекарем, с гуру,—
что в мыслях, то сбудется, братья».

Так молвив, брахман, нашедший золото, по-
спешил в обратный путь.

Вот почему я и говорю:

Попутчик какой-никакой,
а все же сгодится подчас;
Хоть рак и не очень велик,
однако он брахмана спас.

На этом завершается книга «Опрометчивые деяния». На этом завершается сия шастра о житейской мудрости, именуемая «Панчатантрой», сочиненная наидостойнейшим Вишнушарманом.

КОММЕНТАРИИ

Настоящий перевод «Панчатантры», рассчитанный на широкого читателя, выполнен по тексту: *Pancātāntṛa of Viṣṇuśarma* (Edited... by M. R. Kale. Bombay, 1912). Этот текст, неоднократно переиздававшийся, подготовлен индийским литературоведом профессором М.-Р. Кале, одним из крупнейших исследователей санскритской литературы.

Следующие ниже комментарии предназначены пояснить читателю индийские реалии, понимание которых необходимо для уяснения ситуаций и более полного раскрытия художественных образов, связанных с теми или иными фигурами индийской мифологии.

УТРАТА ДРУЖБЫ

Стр. 15. *Ом* — священный слог, предшествующий у индийцев молитве или какому-нибудь начинанию.

Шарада — одно из имен богини Сарасвати, покровительницы наук и искусств.

Гананати (Ганеша) — букв.: предводитель ганов, духов, составляющих окружение бога Шивы, сын Шивы и Парвати, бог мудрости, устранитель препятствий. Изображается со слоновьим хоботом.

Ману — один из мифических прародителей человеческого рода, его именем назван древний свод права — «Законы Ману».

Вачаспати (букв.: Повелитель речи) — автор сочинений о праве.

Вьяса — легендарный мудрец, которому приписывается авторство «Махабхараты» и упорядочение священных книг индусов.

Парашара — легендарный мудрец, которому приписывается авторство нескольких ведических гимнов.

Чанакья (Вишнагупта) — автор политико-экономического трактата «Артхашастра».

Южные крач. — Имеется в виду Декан, часть Индии южнее хребта Виндхья.

Махиларонья — город в Южной Индии, популярный в индийском фольклоре.

Стр. 16. *Пандит* — ученый брахман, знаток священных книг.

Стр. 17. *Дхармашастра* — правовой трактат, например, «Законы Ману».

Камашастра — сочинение о любви, например, «Камасутра».

Ватсьяна — предполагаемый автор «Камасутры», известного сочинения о любви.

«*Артхашастра*» — трактат по политико-экономическим вопросам.

Гусь, из воды извлекающий молоко. — По старинным индийским поверьям, гуси обладают способностью отделять молоко от воды.

Стр. 18. *Громовержец* — Индра, царь богов в древнеиндийской мифологии.

Стр. 21. *Дхарма* (букв.: праведность) — свод морально-религиозных предписаний для индусов, также имя бога смерти Ямы (Дхарма, Дхарма-раджа).

Стр. 24. *Кираты* — племя, жившее в восточных горах Индии.

Ямуна — прежнее название реки Джамны (Джамуны).

Стр. 25. *Хара* — одно из имен бога Шивы.

Стр. 26. *Чатурмандала* — босвой порядок, четырех-кружие.

Стр. 28. *Круг бесконечных рождений*. — Индуизм представляет себе человеческое существование в виде бесконечной цепи перерождений (рождений). Избавление от них является высшей целью верующего.

Стр. 29. *Гуру* — духовный наставник.

Стр. 31. *Зонт* — символ царской власти.

Стр. 32. *Дхаумья* — старший жрец пяти братьев-пандавов, героев «Махабхараты».

Пандавы — пятеро братьев, сыновья Панду, брата царя Дхритараштры («Махабхарата»). Их имена — Юдхиштхира, Бхима, Арджуна, Накула и Сахадewa.

Вирата — правитель страны матсьев, в дворце у которого скрывались в последний год изгнания братья-пандавы.

Стр. 33. *Арка* — порода дерева.

Стр. 35. *Брихаспати* — древний мудрец, воплощенные мудрости. С его именем связывают название одной из древних школ индийского материализма.

Стр. 36. *Ракшас* — злой дух, демон.

Стр. 41. *Дурва* — трава, почитавшаяся священной. *Из воли океанских выходит Луна...* — Здесь содержится аллюзия на то, что Луна (Месяц) принадлежит к числу четырнадцати сокровищ, добытых богами при пахтании молочного океана.

Стр. 44. *Вина* — струнный щипковый инструмент, лютня.

Три мира — небо, земля и подземный мир.

Стр. 48. *...сам Индра лишь с помощью вкрадчивых слов // Врага своего уничтожил...* — По преданию, Дити, одна из прародительниц всего сущего, мать дайтьев и асуров (противников богов), должна была родить врага Индры. Узнав об этом, он с помощью волшебной силы раздробил плод в ее утробе на сорок девять частей. Сыновья Дити составили дружину Индры, сорок девять маругов.

Стр. 52. *Махешвара* (букв.: Великий бог) — одно из имен Шивы.

Калинди — одно из названий реки Ямуны (см. коммент. к с. 24), как дочери Калинды (Солнца).

Чандика (букв.: Яростная) — одно из имен супруги Шивы в ее грозной ипостаси. Поклонение ей связано с кровавыми жертвоприношениями.

Шротрия — жрец, совершающий жертвоприношение.

Стр. 53. *Амрита* — животворный напиток, добытый богами при пахтании молочного океана.

Стр. 56. *Яма* (Дхарма, Дхармараджа) — бог смерти, уносящий души умерших.

Стр. 57. *Покрытье из алого лака*. — Имеется в виду краска, которой индийские женщины покрывали свои ступни.

Стр. 59. *Дхоти* — мужская одежда, широкое полотно, оборачиваемое вокруг бедер.

Стр. 62. *Шастры* — священные книги индусов; так же назывались и трактаты по разным вопросам.

Стр. 63. *Шамбху* (букв.: Богатство дарующий) — одно из имен бога Шивы. Кобра, обвивающая шею, принадлежит к числу его неизменных атрибутов.

Картикея (букв.: Рожденный от критик. шести небесных дев, персонифицируемых как созвездие Плеяд) — одно из имен бога войны Сканды, сына Шивы. Картикея разъезжает на павлине.

Парвати — супруга бога Шивы.

Слововоликий бог — Ганеша (см. коммент. к с. 15).

Стр. 66. *Океан бытия* (сансара) — круг мирского бытия.

Стр. 67. *Шудра* — представитель низшего, четвертого сословия в древнеиндийском обществе, сословия земледельцев и слуг.

Чандала — человек, находящийся вне касты. Чандалы использовались для самых грязных работ.

...в шесть знаков заклятье — мантра, заклинание, молитва.

Лингам — фаллический символ бога Шивы.

Стр. 68. *Куша* — трава, почитавшаяся священной.

Стр. 69. *Йогешвара* — одно из имен Шивы.

Стр. 72. *Варуна* — повелитель вод.

Стр. 74. *Хранители Мира* — группа божеств, покровителей стран света (север, северо-восток, северо-запад, восток, запад, юго-восток, юго-запад, юг, зенит, надир).

Стр. 75. *Шамбара* — демон, обладатель многих крепостей, разрушенных Индрой. Также олицетворение засухи. Сходен или тождествен с демоном Вритрой (см. ниже).

Бали — царь из рода асуров. Все его подданные были счастливы, поэтому боги стали опасаться, что никто не будет в них верить и приносить им жертвы, и решили погубить Бали. По их просьбе Вишну, зная щедрость и великодушие Бали, обратился в карлика и попросил столько пространства, сколько он может покрыть за три шага. Бали согласился, и тогда Вишну, приняв свое истинное обличие, за два шага покрыл землю и небо, затем поставил ногу на голову Бали и низверг его в преисподнюю.

Намучи — демон, убитый Индрой с помощью пены.

Стр. 77. *Как с прахом усонших горючки, их обходит.* — Как известно, индийцы кремируют своих покойников.

Гунджака — кустарник с красно-черными ядовитыми ягодами.

Стр. 80. *Вишну* — один из трех верховных богов, бог-хранитель.

Стр. 81. *Сраженный стрелой бога любви...* — Бог любви — Кама, Камадева — вооружен цветочными стрелами.

Стр. 82. *...бог, на знамени которого нарисовано морское чудище...* — Имеется в виду Кама.

Стр. 83. *Вайнатая* — сын Винаты, прародительницы пернатых, получеловек-полуптица. На Вайнатее разъезжает Вишну. Другое его имя — Гаруда.

Метательный диск, палица, раковина, каустубха и лотос — атрибуты бога Вишну. Каустубха — волшебный камень, добытый при пахтании молочного океана.

Васудева — одно из имен бога Вишну (по имени его отца — Васудевы).

Лакшми — богиня счастья, благополучия, богатства и красоты. По легенде, вышла из молочного океана.

Бог, освящающий все три мира — Шива.

Радха — пастушка, возлюбленная бога Кришны (одно из воплощений Вишну) в пору его жизни среди пастушеских племен.

Стр. 84. *Гандхарвы* — небесные музыканты. Браком, по обычаю гандхарвов, назывались браки, совершенные без соответствующих обрядов.

Стр. 85. *Нараяна* (букв.: Шествующий по водам) — бог Вишну, по легенде возлежащий на змее Шеше посреди мирового океана.

Стр. 87. *Азуру* — смола, употребляющаяся как благовонное курительное вещество.

Стр. 88. *Вайкунтха* — рай Вишну.

Пожиратель Змей — одно из имен Гаруды (Вайна-теи), ненавидящего и пожирающего змей, врагов пернатых.

Стр. 92. *Повозка Рохини* — название созвездия.

Бхаума — Марс.

Варахамихира — знаменитый звездочет (ум. 587).

Стр. 93. *Повозка Праджанати* — название созвездия.

Капалика — подвижник, принадлежащий к одной из шиваитских сект, члены которой поклонялись Шиве в его особо ужасной ипостаси Бхайравы.

Макара — мифическое чудовище, отождествляемое с акулой, крокодиллом, дельфином.

Стр. 97. *Арани* — палочки для добывания огня.

Стр. 101. *Кшатрии* — второе среди четырех древнеиндийских сословий, правители и войны.

Асуры — противники богов.

Шакра — одно из имен бога Индры.

Вишвакарман — один из ведических богов, великий строитель-зодчий.

Стр. 102. *Бхаргава* — потомок Бхригу, мифического прародителя, другое имя Парашурамы, истребителя кшатриев.

Стр. 106. *Дайтьи* — противники богов.

Стр. 108. *Общение с Дурьодханой Бхишму до кражи коров довели.* — Имеется в виду один из эпизодов «Махабхараты». Дурьодхана — старший сын царя Дхритараштры, предводитель кауравов, Бхишма — общий дед пандавов и кауравов.

Стр. 113. *...с сией, как у самого бога Шивы, шеей...* — По легенде, Шива, чтобы спасти мир от неминуемой гибели, выпил смертельный яд калакуту. Яд застрял у него в горле, отчего шея посинела.

Стр. 115. *Бхараты* — пандавы как потомки Бхараты, сына Душьянты и Шакунталы.

Стр. 116. *Нарада* — мудрец, автор нескольких гимнов «Ригведы». Посредник между богами и людьми.

Стр. 117. *Сын Дроны примером тому: убил Дхриштадьюмну во сне.* — Дрона — наставник кауравов и пандавов в воинском искусстве. Дхриштадьюмна — брат Драупади, военачальник пандавов. Убил Дрону, а затем был сам убит во сне сыном Дроны — Ашваттхаманом.

Стр. 137. *Поднесь на могучего Чандру // отважно бросается Раху.* — Раху — асур, который пытался похитить чашу с амритой. Сурья (Солнце) и Чандра (Месяц) заметили его и указали на него Вишну. Тот обезглавил его, метнув свой боевой диск. Однако, поскольку Раху успел пригубить амриты, его голова обрела бессмертие и скитается в мировом пространстве, время от времени пытаясь проглотить Солнце

или Месяц, чем и объяснялись солнечные и лунные затмения.

Джахнави — одно из названий Ганги (Дочь Джахну). Джахну — мудрец, выпивший Гангу за то, что она нарушила его благочестивое размышление. Однако впоследствии, раскаявшись, он позволил Ганге вытечь из своего уха.

Стр. 138. *Тамал* — пальма с темным цветом коры.

Стр. 144. *Амаравати* — столица бога Индры, город-крепость, со сверкающим дворцом Вайджаянта посередине.

Стр. 155. *Погибнешь, подобно мулице* — то есть не оставив потомства.

Стр. 157. *Палаша* (коралловое дерево, лесное пламя) — дерево, после опадения листвы цветущее яркими оранжево-красными цветами.

Стр. 158. *Самосуций* — Брахма.
Патала — горький огурец.

Стр. 163. *Шала* — величественное дерево с большими раскидистыми ветвями.

Стр. 166. *Йоджана* — мера длины, около пятнадцати километров.

Стр. 168. *Шами* — дерево, почитающееся священным. Используется при жертвоприношениях.

ОБРЕТЕНИЕ ДРУЗЕЙ

Стр. 183. *Дакишнатья* — Южная Индия.

Стр. 184. *Калакута*. — См. коммент. к с. 113.

Стр. 185. *Пауластья* — одно из имен ракшаса Раваны, противника Рамы, главного героя древнеиндийского эпоса «Рамаяна», впоследствии Рама был обожествлен.

Юдхитхира — старший из пяти пандавов, считающийся сыном бога Дхармы. Проиграл в кости не только дорогие братьев, но и само царство.

Завершитель (Кританта) — одно из имен бога Ямы.

Стр. 186. *Шанкха* — один из приближенных бога богатств Куберы, сторожащий клады и распоряжающийся ими.

Стр. 188. *...волоски у нее на теле встали дыбом.* — Традиционное выражение, обозначающее крайнюю степень восторга, радости.

Стр. 189. *Время Кала* — одно из имен бога Ямы.

Стр. 191. *Повелитель Всех Рек* — океан.

Стр. 194. *Панини* (II — I вв. до н. э.) — индийский ученый-грамматист и поэт.

Джаймини — мудрец, ученик Вьясы (см. коммент.

или Месяц, чем и объяснялись солнечные и лунные затмения.

Джахнави — одно из названий Ганги (Дочь Джахну). Джахну — мудрец, выпивший Гангу за то, что она нарушила его благочестивое размышление. Однако впоследствии, раскаявшись, он позволил Ганге вытечь из своего уха.

Стр. 138. *Тамал* — пальма с темным цветом коры.

Стр. 144. *Амаравати* — столица бога Индры, город-крепость, со сверкающим дворцом Вайджаянта посредине.

Стр. 155. *Погибнешь, подобно мулице* — то есть не оставив потомства.

Стр. 157. *Палаша* (коралловое дерево, лесное пламя) — дерево, после опадения листвы цветущее яркими оранжево-красными цветами.

Стр. 158. *Самосуций* — Брахма.
Патала — горький огурец.

Стр. 163. *Шала* — величественное дерево с большими раскидистыми ветвями.

Стр. 166. *Йоджана* — мера длины, около пятнадцати километров.

Стр. 168. *Шами* — дерево, почитающееся священным. Используется при жертвоприношениях.

ОБРЕТЕНИЕ ДРУЗЕЙ

Стр. 183. *Дакшинатья* — Южная Индия.

Стр. 184. *Калакута*. — См. коммент. к с. 113.

Стр. 185. *Пауластья* — одно из имен ракшаса Раваны, противника Рамы, главного героя древнеиндийского эпоса «Рамаяна», впоследствии Рама был обожествлен.

Юдхитхира — старший из пяти пандавов, считающийся сыном бога Дхармы. Пронграл в кости не только дорогие братьев, но и само царство.

Завершитель (Кританта) — одно из имен бога Ямы.

Стр. 186. *Шанкха* — один из приближенных бога богатств Куберы, сторожащий клады и распоряжающийся ими.

Стр. 188. *...волоски у нее на теле встали дыбом*. — Традиционное выражение, обозначающее крайнюю степень восторга, радости.

Стр. 189. *Время Кала* — одно из имен бога Ямы.

Стр. 191. *Повелитель Всех Рек* — океан.

Стр. 194. *Панини* (II — I вв. до н. э.) — индийский ученый-грамматист и поэт.

Джаймини — мудрец, ученик Вьясы (см. коммент.

к с. 15). Основатель философии миманса, вошедшей составной частью в веданту.

Пингала (II в. до н. э.) — автор трактата о стихосложении.

Стр. 195. *Он клятву преступит, как Индра, // что Вритру убил, вероломный.* — Вритра — бог засухи, с которым Индра в постоянной войне. Всякий раз при победе Индры проливается дождь.

...сгубил Повелитель Богов // младенца во чреве у Дити. — См. примеч. к с. 48.

Стр. 203. *Махадева* (Великий бог) — одно из имен Шивы.

Стр. 208. *Кубера* — бог богатства; изображается с мешком денег в руках.

Стр. 209. *Пулинды* — племя, обитавшее в горах и лесах Центральной Индии.

Стр. 211. *«Камандакиялтишиастра»* — трактат о политике, написанный мудрецом Камандаки и представляющий собой переработку «Артхашастры» Каутильи.

Стр. 226. *...и ты уж достиг избавленья.* — Имеется в виду избавление от перерождений.

Стр. 227. *Богиня удачи* — Лакшми. См. коммент. к с. 83.

Стр. 230. *Картар* — творец.

Карман — здесь: персонифицированная карма — итог добрых и дурных деяний.

Стр. 231. *Дарбха* — трава, используемая в качестве подстилки.

Стр. 232. *Каури* — ракушка, употреблявшаяся как разменная монета.

Вешья — храмовая проститутка.

Стр. 237. *Веды* — памятники древнеиндийской литературы (конец II — начало I тыс. до н. э.), священные книги индусов.

Шрути (услышанное) — то, что является прямым откровением богов. В этот класс включаются ведические мантры, «Упанишадь».

Стр. 239. *Все-то достатка что бык//у Шивы, однако он бог.* — Имеется в виду бык Шивы — Нанди, глава его свиты.

Стр. 241. *Нитишаstra* — произведение на морально-этическую тему, состоящее обычно из стихотворных афоризмов или рассказов-притч.

СКАЗАНИЕ О ВОЙНЕ ВОРОН И СОВ

Стр. 257. «Учение о мире» — раздел науки о политике.

Стр. 258. *Бхарадваджа* — одно из имен Дроны (см. коммент. к с. 117), а также имя автора сутр, афористических речений.

Стр. 259. ...*Бхима, || Одевшись девицей, с Кичакой ||* *расправился неустрашимо.* — Имеется в виду эпизод из «Махабхараты». Бхима — второй из пяти пандавов. Кичака — военачальник царя Вираты, настойчиво домогался Драупади, общей жены пяти пандавов.

«Учение о войне» — раздел науки о политике.

Стр. 260. *Картика* — название месяца индийского календаря (октябрь — ноябрь).

Чайтра — название месяца индийского календаря (март — апрель).

Стр. 261. *«Учение об искусстве уклоняться от сражения»* — раздел науки о политике.

Стр. 263. *«Учение о пользе выжидания»* — раздел науки о политике.

Стр. 264. *«Учение о заключении союзов»* — раздел науки о политике.

Стр. 267. *Пурохита* — жрец.

Стр. 269. *Земной круг с семью материками.* — Подразумеваются семь мифических материков.

Стр. 278. *Смрити* (то, что хранится в памяти) — то, что передано по традиции, не как прямое откровение. В этот класс зачисляются сутры, «Рамаяна», «Махабхарата», пураны, дхармашастры и т. д.

Стр. 279. *Сансара*. — См. коммент. к с. 66.

Стр. 285. *Магх* — название месяца индийского календаря (январь — февраль).

Парджанья — бог дождя.

Стр. 307. *Брахмаракишас* — брахман, нарушивший законы религии и обратившийся в ракшаса.

Стр. 309. *Кала*. — См. коммент. к с. 189.

Стр. 320. *Бхи́ма*. — См. коммент. к с. 32.

Арджуна. — См. коммент. к с. 32.

Стр. 321. *Драупади*. — См. коммент. к с. 259.

«Обет меча». — Имеется в виду строгое следование этическим нормам, как, например, обет юноши не касаться находящейся рядом девушки, как если бы между ними лежал меч.

Стр. 322. *Обитель трех целей* — человеческое тело, без которого невозможно обретение богатства, любви и веры.

Стр. 324. *Пять изначальных стихий* — земля, вода, ветер, огонь и пространство.

Стр. 326. *Девы* — богиня. Одно из имен супруги Шивы.

Стр. 332. *Шри* — богиня удачи, Лакшми.

Стр. 333. *Рама* — главный герой древнеиндийского эпоса «Рамаяна».

Вриши — племя, которое, по преданию, вело свое начало от Лунной династии.

Правитель Ланки — ракшас Равана («Рамаяна»).

Сагара — царь Айодхьи. Принадлежал к Солнечной династии.

Стр. 334. *Сурья* — персонифицированное Солнце.

Вайнья — легендарный царь, по преданию родившийся из руки убитого врагами отца.

Мандхата — легендарный царь. Выражение «во времена Мандхаты» соответствует русскому «при царе Горохе».

Нахуша — отец царя Яяти, обращенный проклятием мудреца Агастьи в змея; ему приписывается создание первого театра.

Сатьявата (Верный истине) — эпитет Бхишмы, военачальника войска кауравов. Также имя царя из Солнечной династии («Рамаяна»).

Кешава — одно из имен Кришны.

ГИБЕЛЬ ДОСТИГНУТОГО

Стр. 337. *Джамбу* — розовая яблоня, также священное дерево, растущее на мифической горе Меру. Его плоды достигают величины слона, падают на землю и разбиваются. Из сока образуется река, воды которой даруют бессмертие.

Стр. 348. *Вадава* — подводный огонь, который «пожирает» океан, заставляя его исходить паром.

Стр. 362. *Аванти* — одно из названий Удджайни, священного города Индии.

Стр. 364. *Рожденный от Васу... Парашара мудрый* // сошелся с простой рыбацкой *Сатьявати*. Плод их // союза — сам *Вьяса великий*. — Васу — божество, прислужник Индры. Парашара. — См. коммент. к с. 15. Сатьявати — дочь царя Упаричары и небесной девы Адрики. Она была матерью Вьясы (см. коммент. к с. 15) и женой царя Шантану. В одном из сказаний «Махабхараты» рассказывается, как Парашара, пересекая реку, встретил Сатьявати, тогда совсем еще юную девушку.

Стр. 365. *Вита* — любовник, сводник, приживала.

Стр. 369. *Дваждырожденный* — брахман. Обретение священного знания приравнялось к второму рождению.

Стр. 371. *Критаюга* — мифическая эпоха, первая из четырех эпох (юг), когда на земле царили справедливость и всеобщее процветание.

Калиюга — последняя из четырех эпох, век раздоров и зла.

Стр. 374. *Савитар* — Солнце.

Стр. 380. *Гунджси* — то же, что гунджака; см. коммент. к с. 77.

Стр. 381. *Смара* — бог любви Кама.

Стр. 390. *Царь по имени Нанда* — царь, правитель Паталипутры, отождествляемой ныне с городом Патна.

ОПРОМЕТЧИВЫЕ ДЕЯНИЯ

Стр. 405. *Кишанака* — подвижник.

Стр. 406. *Джайнская обитель*. — Джайны — последователи джайнизма, основателем которого считается Махавира Вардхамана (VI в. до н. э.), прозванный «Джиной».

Мара — одно из имен бога Камы.

Стр. 407. *Шравака* — послушник.

Стр. 413. *Махакала* (букв.: Великое время) — одно из имен Шивы.

Стр. 417. *Сиддха* — человек, достигший совершенства, отшельник.

Стр. 421. *Каньякубджа* — древний город на реке Калинади, притоке Ганги.

Стр. 428. *Трехглазый* — Шива, изображающийся с третьим глазом на лбу.

Стр. 430. *Шиншана* — порода дерева.

Стр. 436. *Аушанас* — одно из имен мудреца Шакры, наставника и лекаря асуров и дайтев, противников богов.

Стр. 437. *Шалихотра* — предполагаемый автор трактата о ветеринарии.

Стр. 443. *Мрак* (Викала) — используется персонифицированно, как имя некого духа.

Стр. 446. *Трикута* (Три вершины) — название горы и крепости предводителя ракшасов Раваны на Ланке.

И. Серебряков

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И. Серебряков.</i> «Панчатантра» — индийская народная книга	3
Начальное слово	15

УТРАТА ДРУЖБЫ

Вступление	21
Рассказ первый	27
Рассказ второй	45
Рассказ третий	54
Рассказ четвертый	65
Рассказ пятый	81
Рассказ шестой	90
Рассказ седьмой	97
Рассказ восьмой	109
Рассказ девятый	109
Рассказ десятый	112
Рассказ одиннадцатый	121
Рассказ двенадцатый	130
Рассказ тринадцатый	132
Рассказ четырнадцатый	134

Рассказ пятнадцатый	138
Рассказ шестнадцатый	151
Рассказ семнадцатый	161
Рассказ восемнадцатый	163
Рассказ девятнадцатый	165
Рассказ двадцатый	170
Рассказ двадцать первый	172
Рассказ двадцать второй	176

ОБРЕТЕНИЕ ДРУЗЕЙ

Вступление	183
Рассказ первый	203
Рассказ второй	206
Рассказ третий	209
Рассказ четвертый	219
Рассказ пятый	228
Рассказ шестой	233

СКАЗАНИЕ О ВОЙНЕ ВОРОН И СОВ

Вступление	253
Рассказ первый	272
Рассказ второй	277
Рассказ третий	285
Рассказ четвертый	288
Рассказ пятый	294
Рассказ шестой	295
Рассказ седьмой	297
Рассказ восьмой	308
Рассказ девятый	308
Рассказ десятый	314

Рассказ одиннадцатый	316
Рассказ двенадцатый	323
Рассказ тринадцатый	326

ГИБЕЛЬ ДОСТИГНУТОГО

Вступление	337
Рассказ первый	344
Рассказ второй	351
Рассказ третий	356
Рассказ четвертый	358
Рассказ пятый	361
Рассказ шестой	362
Рассказ сельмой	363
Рассказ восьмой	368
Рассказ девятым	370
Рассказ десятым	377
Рассказ одиннадцатый	381
Рассказ двенадцатый	385
Рассказ тринадцатый	386
Рассказ четырнадцатый	390
Рассказ пятнадцатый	392
Рассказ шестнадцатый	395
Рассказ семнадцатый	398

ОПРОМЕТЧИВЫЕ ДЕЯНИЯ

Вступление	403
Рассказ первый	409
Рассказ второй	411
Рассказ третий	418
Рассказ четвертый	421
Рассказ пятый	424
Рассказ шестой	427

Рассказ седьмой	430
Рассказ восьмой	434
Рассказ девятый	436
Рассказ десятый	444
Рассказ одиннадцатый	446
Рассказ двенадцатый	447
Рассказ тринадцатый	453
Рассказ четырнадцатый	454
<i>Комментарии</i>	<i>457</i>

Панчатантра или **Пять книг житейской**
П16 мудрости / Пер. с санскрита, предисл. и
коммент. И. Серебрякова. — М.: Худож. лит.,
1989. — 479 с.

ISBN 5-280-00691-2

В мировой литературе мало найдется книг, которые могли бы соперничать своей популярностью с «Панчатантрой» (III—IV вв.), сборником индийских народных рассказов, повестей и притч, обильно уснащенных стихотворными афоризмами. Эта книга оказала большое влияние на развитие повествовательных жанров в литературах народов Европы и Азии, а ее сюжеты впоследствии распространились по всему миру.

П 4703020100-163
028 (01)-89 161-89

ББК 84.5Ид

КДРЛ Якутскнаси

Х.Р. №

ПАНЧАТАНТРА

Редактор С. Прокушина

Художественный редактор С. Биричев

Технический редактор Г. Монсева

Корректор Г. Асланянц

ИБ № 5537

Слано в набор 22.07.88. Подписано в печать 3.07.89. Формат 70 × 100^{1/32}. Бумага тип. № 1. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,44. Усл. кр.-отт. 39,2. Уч.-изд. л. 18,26. Тираж 100 000 экз. Изд. № VIII-1974. Заказ № 1668. Цена 2 р.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство
«Художественная литература»
107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного
Знамени Ленинградское производственно-техническое объеди-
нение «Печатный Двор» имени А. М. Горького при Госком-
печати СССР. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15

КДРЛ Якутскнаси

Х.Р. №